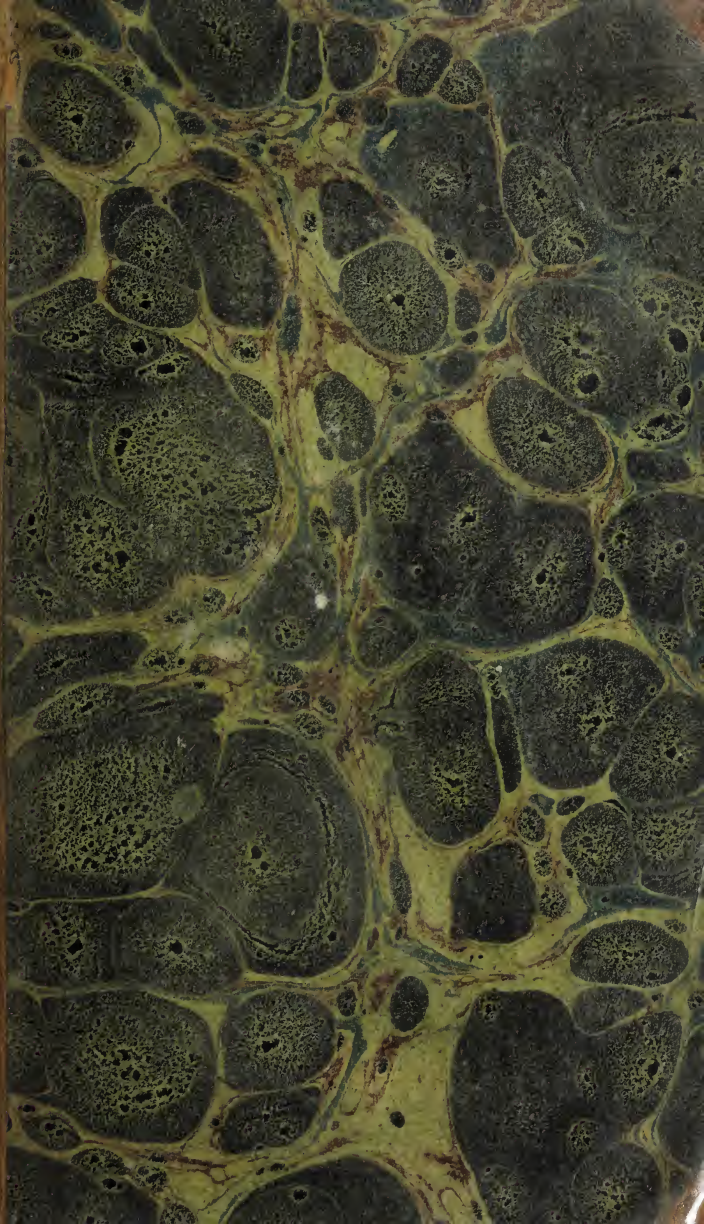
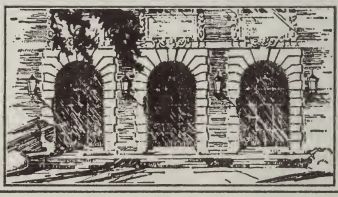


Ill. 365

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

930
L18dR
1846
v.1-3



2

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ

ДЛЯ

ЮНОШЕСТВА.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА,

сост. Ламе-Флёри.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ИСТОРІЯ ДРЕВНИХЪ АФРИКАНСКИХЪ
И
АЗІЯТСКИХЪ НАРОДОВЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ,

съ 8 гравюрами.

ФЮЛ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1846.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 17 Апрѣля 1846.

Цензоръ *А. Очкинъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ФИШЕРА.

930
L18dR
1846
v.1-3

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Переводъ «Исторіи для юношества, сочиненія Ламе-Флёри», принятъ благосклонно русскою публикою. Первое изданіе его давно уже раскуплено, не смотря на нѣкоторые недостатки и самаго сочиненія и нашего перевода.

Приступая къ новому изданію, мы почли долгомъ исправить тѣ и другіе. Вотъ, что сдѣлано:

1) Флёри нерѣдко впадаетъ въ преувеличенія; у него почти каждая страна называется «прелестнѣйшею, богатѣйшею въ свѣтѣ» и т. п. Мы замѣнили эти выраженія другими, болѣе точными и характеристическими.

2) Онъ очень любитъ нравоучительныя сентенціи, и съ избыткомъ вставляетъ ихъ въ свой разсказъ. Намъ казались странными непосредственныя примѣненія жизни и судьбы народовъ къ правиламъ юношескаго поведенія. Эти невсегда удачные выводы *частью* измѣнены, *большею же частію* вовсе опущены, потому что событія сами за себя говорятъ гораздо яснѣе и наставительнѣе.

3) Авторъ часто говоритъ: «у такого-то народа былъ такой-то обычай», и не всегда объясняетъ откуда проистекалъ этотъ обычай. Мы старались пояснить все религіозными понятіями, географическими условіями, или формами государственнаго устройства.

4) Въ сочиненіи Флери были довольно важные пропуски; напр. въ исторіи Египта вовсе не упомянуто о Псамметихѣ и его преемникахъ, тогда какъ царствованіе этого государя принимается эрою,

съ которой исторія египетская становится болѣе достовѣрною и получаетъ новый характеръ. О Зороастрѣ также не сказано ни слова. Мы пополнили эти недостатки и вообще болѣе пояснили исторію Египтянъ и Персовъ.

5) Мы прибавили также краткое «Введеніе въ исторію», чтобы просто показать юнымъ читателямъ, что такое общественная жизнь, народъ, государство, исторія. Опытные и просвѣщенные читатели извинятъ намъ краткость и недостаточность «введенія въ исторію.» Имъ извѣстно какія затрудненія встрѣчаются при изложеніи этого предмета, особенно къ чужому сочиненію.

6) Слогъ перевода внимательно исправленъ, т. е. *упрощенъ*.

Мы почли также не лишнимъ прибавить къ тексту нѣсколько рисунковъ, изображающихъ самые замѣчательные древніе памятники, миѳологическія божества,

обряды и проч., о которыхъ упоминается въ сочиненіи Ламе-Флёри.

Первую часть новаго изданія «исторіи для юношества» повергаемъ суду и вниманію просвѣщенныхъ родителей, наставниковъ и цѣнителей ex officio.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ БѢСЕДА.

Богъ сотворилъ все: небо, съ его звѣздами и солнцемъ, землю, съ ея водами, растеніями и животными, все, что мы видимъ и чего не видимъ.

Твореніе Божіе безпредѣльное, премудроустроенное, называется *вселенною*, *міромъ*. Земля, жилище людей, есть только малѣйшая часть вселенной.

Изъ Священной Исторіи вы знаете, что первые люди, Адамъ и Евва, созданы Богомъ тогда уже, когда земля была плодородною, когда ее покрывали безчисленныя растенія и животныя.

Отъ первой четы произошли всѣ люди, которые жили на землѣ, живутъ теперь и, если Богу угодно, будутъ жить и впредь.

Вамъ извѣстно также, что развратившіеся потомки Адамовы погибли во всемірномъ потопѣ, и что изъ свидѣтелей этого великаго переворота на землѣ, по волѣ Божіей, спасся только благочестивый Ной, съ своимъ семействомъ.

Ноево потомство опять размножилось. Полагаютъ, что теперь живетъ на землѣ до 1000 милліоновъ людей! Чтобы нѣсколько понять какое это необъятное число, попытайтесь набрать милліонъ пшеничныхъ или какихъ-нибудь другихъ зеренъ.

Въ такое же удивленіе прійдете, когда обратите вниманіе на различіе людей между собою. Какъ мало похожъ черный негръ или широколицый калмыкъ на бѣлаго Европейца, а вѣдь всѣ они произошли отъ одного прародителя человѣковъ!

Все это убѣждаетъ, что отъ сотворенія міра протекло много времени, произошло много перемѣнъ на землѣ, сбылось многое съ родомъ человѣческимъ.

Я хочу разсказать вамъ какъ и въ какой послѣдовательности происходили самыя важныя перемѣны на землѣ, хочу изобразить вамъ *жизнь и судьбу всего человѣческаго рода.*

Вы, конечно, уже догадываетесь, что разсказъ будетъ довольно продолжителенъ, потому-что въ немъ будетъ заключаться *исторія* не одного человѣка и не нѣсколькихъ людей, а цѣлаго рода человѣческаго.

Прежде всего надобно признаться, что мы почти ничего не знаемъ о жизни первыхъ людей, разселившихся по землѣ послѣ потопа. Тогда не была еще изобрѣтена азбука, люди не могли записывать, что съ ними случалось, или что происходило передъ ихъ глазами; они только пересказывали изустно своимъ дѣтямъ, что помнили. Такіе

разсказы, или *преданія*, переходя отъ родителей къ дѣтямъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, мало по малу искажались, или и совсѣмъ забывались, когда ближайшія происшествія болѣе занимали вниманіе людей. Священное писаніе говоритъ, что размножившіеся и разселившіеся по землѣ потомки Ноевы забыли даже истиннаго Бога, и что только Евреи, подъ особымъ Его Промысломъ, сохраняли истинную вѣру. Люди одичали, сдѣлались похожими на дикихъ звѣрей, питались травами, древесными плодами и кореньями, ходили безъ одежды, жили въ пещерахъ и лѣсахъ.

Блуждая одиноко по лѣсамъ и по берегамъ рѣкъ, они начали ловить звѣрей и рыбъ. Опасности на охотѣ и трудность одному отыскивать и побѣждать звѣрей, показали людямъ выгоду соединить свои силы для общей пользы.

Родственная любовь между родителями и дѣтьми составила первое общество людей— *семейство.*

Слишкомъ размножавшіяся семейства раздѣлялись для удобствъ жизни (вспомните изъ Священной Исторіи объ Авраамѣ и племянникѣ его, Лотѣ), селились врознь; но воспоминаніе объ общемъ своемъ происхожденіи отъ одного прародителя (патріарха) соединяло ихъ въ одинъ *родъ*, т. е. въ союзъ нѣсколькихъ семействъ, сходныхъ языкомъ, нравами и обычаями. Изъ соединенія родовъ составляется народъ. Такъ мало по малу произошло *гражданское общество.*

Живя вмѣстѣ, люди помогаютъ другъ другу въ томъ, чего одинъ сдѣлать не можетъ, учатся другъ у друга и такимъ образомъ становятся умнѣе, добрѣе, *образованнѣе.* Пока люди не составятъ общества, до тѣхъ поръ они остаются дикими, слабыми

и бѣдными. У нихъ нѣтъ домашняго скота, они не могутъ заниматься земледѣліемъ, а безъ этихъ средствъ къ удобной жизни человѣку нельзя оставаться на одномъ мѣстѣ; бездомовный, онъ долженъ скитаться во всю свою жизнь и думать только о дневномъ пропитаніи. Всѣ блага, какія возможны на землѣ, всѣ способности душевныя, данныя Богомъ, раскрываются человѣку въ жизни общественной.

Если въ семействѣ необходимо, чтобы всѣ повиновались отцу, главѣ семейства, то и гражданское общество не можетъ существовать безъ *верховнаго правителя*, который заботится о благѣ всего народа и которому всѣ повинуются. Власть, которой повинуется цѣлый народъ, называется *верховною властью*.

Народъ, живущій на опредѣленномъ пространствѣ земли (не бродячій, не кочующій), подъ одною верховною властью, составляетъ *государство*.

Въ государствѣ верховный правитель называется *государемъ*, *монархомъ*; всѣ прочія лица—*подданными*.

Гдѣ и когда произошли первыя государства? На этотъ вопросъ опредѣлительно отвѣчать нельзя. Первыя государства не явились вдругъ, въ какой нибудь опредѣленный годъ или день; они составлялись постепенно, очень медленно; первые зачатки ихъ походили на тѣ орды, которыя и теперь скитаются въ азіятскихъ, африканскихъ и американскихъ степяхъ и на островахъ Австраліи.

Въ Азіи есть страны, гдѣ постоянно царствуетъ весна, и человѣкъ, въ благорастворенномъ воздухѣ, почти не нуждается въ одеждѣ; есть плодородныя страны, покрытыя пальмами, гдѣ зрѣютъ финики и другіе плоды, доставляющіе человѣку пріятную и здоровую пищу. Тамъ, въ Азіи, на берегахъ Евфрата и Тигра, распространяясь къ Инду и Нилу, жили первые люди; тамъ

же вѣроятно образовались и первыя государства. По крайней мѣрѣ, сколько извѣстно, человѣческое образованіе началось *Египтянами*, *Индійцами*, *Вавилонянами* и *Ассиріянами*.

Съ этихъ народовъ мы и начнемъ свой разсказъ. Какъ они жили очень давно, то Исторія ихъ и называется *древнею исторіею*. Гдѣ оканчивается древняя исторія и начинается *новая*, увидимъ по самому разсказу.

къ Стр. 1.

Священный ходъ Египетскихъ жрецовъ.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ЕГИПТЯНЕ.

2800 — 2000 л. до Р. Х.

Въ Африкѣ, въ углу между Средиземнымъ и Краснымъ морями, находится *Египетъ*, страна весьма замѣчательная. По ней течетъ великая рѣка Нилъ, которая разливаясь ежегодно, оставляетъ на поляхъ плодотворный илъ, удивительно удобряющій землю для хлѣбопашества.

Въ самыя отдаленныя времена, о какихъ только сохранились преданія, въ Египтѣ было мало жителей, да и тѣ находились въ грубомъ, невѣжественномъ состояніи; напримѣръ, эти первобытные Египтяне думали, что они родились прежде всѣхъ на свѣтъ изъ того же самаго ила, согрѣтаго лучами солнца, который оплодотворялъ землю ихъ; но теперь каждый пони-

маетъ, что земля никогда не могла производить людей такъ, какъ она производитъ растенія; только одному Богу возможно было сотворить прародителей всего человѣчества. Сперва Египтяне не имѣли понятія и о земледѣліи; въ странѣ самой плодородной, они питались кореньями и травами, которые природа произращала въ изобиліи, безъ ихъ содѣйствія.

Въ сосѣдствѣ съ Египтомъ, вверхъ по теченію Нила, лежитъ *Эѳіопія*, страна, богатая золотомъ, чернымъ деревомъ и слоновою костью. Изъ этой-то страны вышелъ народъ, смуглаго цвѣту, спустился вдоль по теченію Нила, построилъ городъ, по имени Мероэ, и скоро распространился по всему Египту.

Новые пришельцы знали уже земледѣліе; они умѣли обходиться съ плугомъ, и вскорѣ научили дѣйствовать имъ и Египтянъ. Жрецы города Мероэ, которые вмѣстѣ были и правителями Эѳіопіи, весьма высоко цѣнили это полезное орудіе, и вмѣсто скипетра, обыкновеннаго отличія царей, носили сошникъ (часть плуга, которая раскапываетъ землю).

Между тѣмъ пришельцы скоро замѣтили, что равнины египетскія, наводняемыя Ниломъ, гораздо плодороднѣе равнинъ Эѳіопіи, покрытыхъ

раскаленнымъ пескомъ; по этому они поселились въ Египтѣ и предпочли эту страну прежнему своему отечеству.

Сначала Эѳіопляне не думали слишкомъ удаляться отъ Мероэ; но видя, что почва египетская очень плодородна, стали мало по малу подвигаться по теченію Нила и ископали по берегамъ его пещеры, въ которыхъ укрывались не только отъ зноя и жаровъ, свойственныхъ Египту, но и отъ урагановъ, нерѣдко дующихъ тамъ изъ сосѣдственныхъ африканскихъ пустынь.

Потомъ построили они городъ Ѳивы, въ которомъ было сто воротъ; въ немъ-то утвердили свое пребываніе жрецы.

Спускаясь постепенно по Нилу, Эѳіопляне достигли того мѣста, гдѣ рѣка раздѣляется на нѣсколько рукавовъ. Здѣсь земля оказалась особенно плодородною, потому-что состояла почти изъ одного ила. Въ этой-то части Египта жители преимущественно занялись обработываніемъ земли, которая обильными урожаями награждала труды ихъ. Такимъ образомъ Египтяне сдѣлались самыми богатыми земледѣльцами.

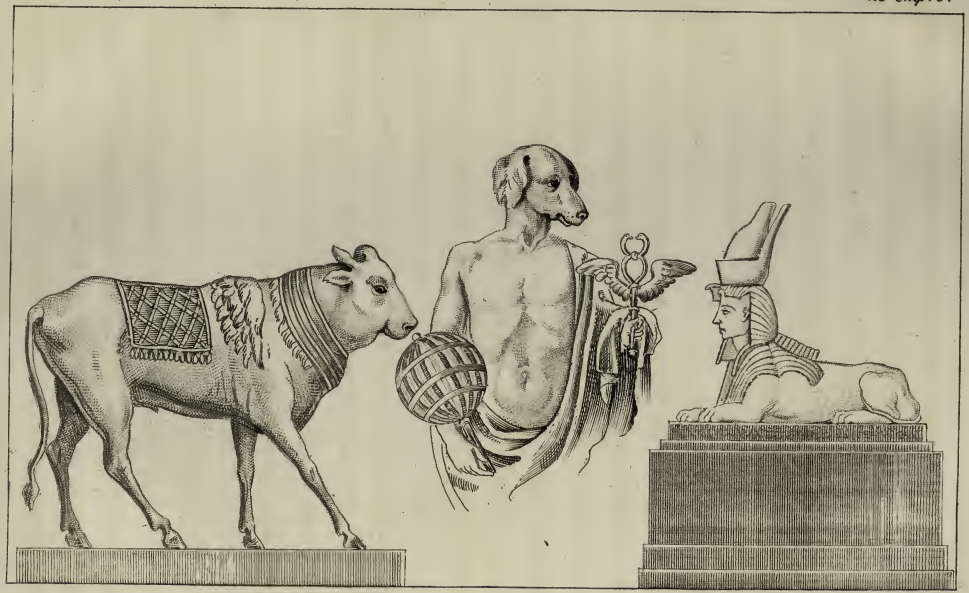
Страна между рукавами Нила получила отъ Грековъ названіе Дельты, потому что видомъ походитъ на греческую букву (Δ) дельту.

Лѣтъ за пятьдесятъ гораздо менѣе знали о Египтѣ, нежели теперь. Еще недавно ученые стали обращать особенное вниманіе на эту любопытную страну, изслѣдовать ее и знакомить насъ съ ея памятниками и съ ея исторіею.

РЕЛИГІЯ ДРЕВНИХЪ ЕГИПТЯНЪ.

Менесъ первый назвался царемъ египетскимъ (2000 л. до Р. Х.); онъ жилъ въ Ѳивахъ, и власть его сперва простиралась только на окрестности этого города, которыя тогда были извѣстны подъ названіемъ нома ѳиваидскаго. Но земли его расширились, когда онъ устроилъ плотины, и тѣмъ ограничилъ излишнее разлитіе Нила. На землѣ, незатопляемой нильскимъ наводненіемъ, при самой вершинѣ Дельты, былъ основанъ обширный, прекрасный городъ Мемфисъ. Менесъ былъ достойнымъ преемникомъ жрецовъ эѳіопскихъ. Онъ не только поддерживалъ религію, введенную его предками въ Египтѣ, но и самъ учредилъ нѣкоторые новые обряды при жертвоприношеніяхъ. Кстати я скажу вамъ о вѣрованіяхъ Египтянъ.

1. Изида. 2. Ибисъ. 3. Озирисъ.



1. Аписъ. 2. Анубисъ. 3. Сфинксъ.

Они боготворили солнце, подъ именемъ бога Озириса, и луну, подъ именемъ богини Изиды. Исторію этихъ двухъ боговъ вы можете прочесть въ Миѳологіи. Озирису Египтяне приписывали изобрѣтеніе земледѣлія, потому что солнце оплодотворяетъ землю и содѣйствуетъ созрѣванію жатвы.

Кромѣ того они поклонялись разнымъ животнымъ, напр. быку Апису, собакѣ, подъ названіемъ бога Анубиса, кошкѣ и птицѣ ибису. Такъ Египтяне почитали божественнымъ все то, отъ чего получали пользу.

Быкъ служилъ Египтянину къ обработыванію земли; собака стерегла его стада; кошка ловила мышей, вредныхъ для его полей; ибисъ также имѣлъ право на его признательность: эта птица вела безпрерывную войну съ маленькими змѣями, которыя оставались на берегахъ, послѣ разлитія Нила.

Многія огородныя овощи, наиболѣе употребительныя и полезныя, составляли также предметъ благоговѣнія Египтянъ.

Наконецъ въ ряду боговъ находились и такіе, которые внушали къ себѣ страхъ, и которыхъ Египтяне думали умилостивить, сожигая передъ ними ѳиміамъ.

Таковъ напримѣръ крокодилъ, огромное земноводное, живущее въ Нилѣ и выходящее на сушу. Видомъ онъ походитъ на нашу ящерицу, но по свойствамъ совершенно отличенъ отъ этого маленькаго животнаго, боязливаго и безвреднаго. Крокодилъ хитръ и свирѣпъ. Разсказываютъ, будто онъ, желая завлечь къ себѣ неопытнаго странника, скрывается въ тростникѣ, растущемъ по берегамъ рѣки, и кричитъ, подобно плачущему ребенку. Но не должно трогаться этимъ крикомъ и подходить къ берегу: чудовище тотчасъ бросается на неосторожнаго и пожираетъ его. Къ счастію, крокодилъ никакъ не можетъ обезопасить себя отъ ихневмона, смертельнаго своего врага. Ихневмонъ или египетская мышь пожираетъ дѣтей крокодиловыхъ при самомъ ихъ рожденіи и тѣмъ останавливаетъ размноженіе этихъ опасныхъ земноводныхъ. Благодарность Египтянъ включила и ихневмона въ число боговъ.

Слѣдующая черта Египтянъ достойна вниманія, доказывая ихъ любовь къ справедливости и безпристрастію: они высоко цѣнили почести, воздаваемыя умершимъ, и по этому не всякому ихъ оказывали, а присуждали только въ награду безукоризненнаго поведенія и мудрости.

Когда Египтянинъ умиралъ, родственники отдавали его тѣло для бальсамированія. Бальсамированіе состояло въ томъ, что трупъ намазывали благовоніями, отвращавшими гніеніе, а потомъ обвивали тонкимъ полотномъ, слегка напитаннымъ также благовонною смолою.

Этимъ способомъ Египтяне сохраняли отъ поврежденія не только черты лица и вообще всю наружность умершаго, но и волосы, зубы, и даже кожу, которая отъ времени только дѣлалась сухою и жесткою, какъ пергаментъ. Наконецъ, положивъ тѣло въ открытый ящикъ, относили его въ одну изъ тѣхъ гробницъ, о которыхъ послѣ я вамъ разскажу, или оставляли его въ домѣ, и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы каждый могъ его видѣть. Въ обоихъ случаяхъ тѣло приставлялось къ стѣнѣ совершенно въ прямомъ положеніи.

Такія бальсамированныя тѣла называются египетскими муміями. Въ наше время еще находятъ ихъ очень много и въ совершенной цѣлости, не смотря на то, что болѣе трехъ тысячь лѣтъ прошло со времени ихъ бальсамированія.

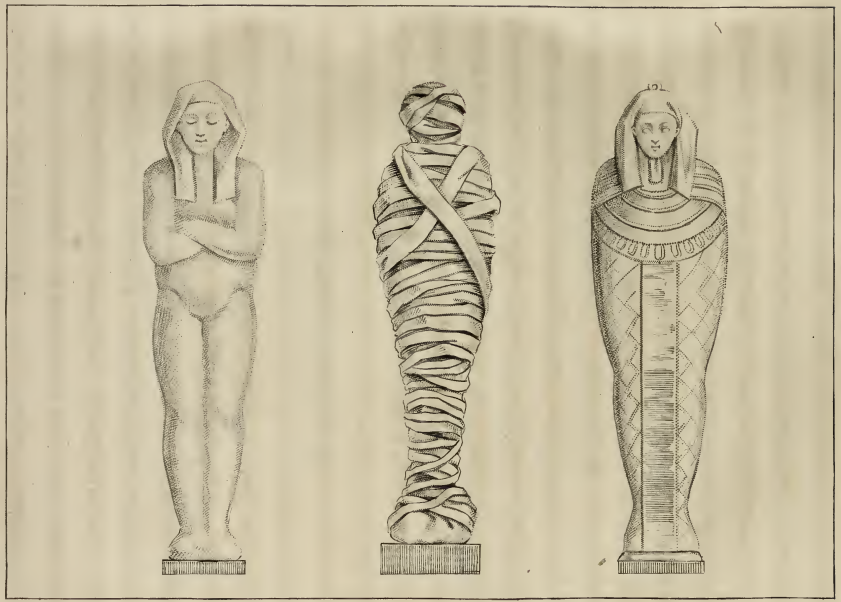
Замѣтьте, однако жъ, что умершаго не тотчасъ бальсамировали. Сперва родственники обязаны были выставить тѣло покойника на площадь;

здѣсь, передъ судьею, каждый имѣлъ право обвинять усопшаго, и если судья видѣлъ, что обвиненія дѣйствительно справедливы, тогда покойникъ лишался погребальныхъ почестей. Самые цари не избавлялись отъ такого суда. Можетъ быть этимъ обрядомъ хотѣли показать, что и они, хотя при жизни своей стоятъ выше другихъ, подходятъ по смерти подъ общій законъ человѣческой природы. Теперь нигдѣ нѣтъ обыкновенія произносить приговоръ надъ умершимъ; но память злаго и безъ того всегда заклеймена ненавистными воспоминаніями и безчестіемъ; даже противъ тайнаго порока рано или поздно возстанетъ обвинитель, который передъ цѣлымъ свѣтомъ обличитъ его, какъ посмертный судъ у Египтянъ.

Во множествѣ находятъ въ Египтѣ и муміи ибисовъ, сбереженныя съ такимъ же стараніемъ какъ и человѣческія. Вѣроятно это остатки тѣхъ священныхъ птицъ, которымъ покланялись Египтяне, и которыя воспитывались въ храмахъ ѳивскихъ и мемфисскихъ. Въ пещерахъ по берегамъ Нила лежатъ многія тысячи бальсамированныхъ крокодиловъ.

Нѣкоторые думаютъ, что бальсамированіе было предохранительною мѣрою противъ чумы, зарази-

къ Стр. 8.



Египетскія мумiи.

тельной болѣзни, которая и теперь часто свирѣпствуетъ въ Египтѣ. Она могла распространяться отъ того, что разлитіе Нила разрывало могилы и оставляло послѣ себя гніющіе трупы людей и животныхъ. Вы скажете, что гораздо проще было бы сжигать трупы. Но это строго запрещалось закономъ. Огонь почитался у Египтянъ свирѣпымъ животнымъ, которое поглощаетъ все, и насытясь, умираетъ само, вмѣстѣ съ тѣмъ, что оно поглотило. И такъ, по ихъ понятіямъ, сжечь тѣло значило уничтожить вмѣстѣ съ нимъ и душу человѣка.

ЦАРИ-ПАСТЫРИ.

1800 — 1500 до Р. Х.

Спустя довольно долгое время по смерти Менеса, когда въ Египтѣ царствовалъ Тимаосъ, вдругъ неизвѣстный народъ, рыжеволосый, съ голубыми глазами, приходитъ съ востока въ Египетъ, вторгается въ эту мирную страну и покоряетъ большую ея часть. Одежда новыхъ завоевателей была самая грубая, изъ воловьей кожи, и едва-едва прикрывала наготу, волосы

длинные и всклоченные; тѣло испещренное разными узорами, самыхъ странныхъ цвѣтовъ.

Этихъ пришельцевъ назвали Гиксосами, т. е. кочующимъ, пастушескимъ племенемъ, «пастырями», потому что они, вторгшись сперва, въ Нижній-Египетъ (Дельту), привели съ собою многочисленныя стада. Эти пастухи надѣлали однако жъ много вреда Египту; они умертвили всѣхъ эѳіопскихъ жрецовъ, которыхъ только успѣли захватить, сожгли города, разрушили храмы и наконецъ поставили царемъ одного изъ своихъ предводителей, по имени Салатиса. Новый царь утвердился въ Мемфисѣ, и основалъ, при устьѣ одного изъ рукавовъ Нила, городъ Аварисъ, который послѣ названъ Пелузіемъ. За Салатисомъ послѣдовательно пять царей изъ Гиксосовъ восходили на престолъ и довольно долго управляли Египтомъ; но ни одному изъ нихъ не удалось овладѣть Ѳивами; Ѳивапда сохранила свою независимость.

Къ сожалѣнію, до насъ дошло очень мало извѣстій объ этихъ отдаленныхъ временахъ; главною причиною тому были египетскіе жрецы; они старались хранить историческія свѣдѣнія исключительно въ своемъ сословіи, употребляли письмена, для нихъ только понятныя, и отъ того

всѣ прочіе Египтяне вовсе не знали исторіи своихъ предковъ.

Этотъ особенный родъ письма можно видѣть еще и теперь на древнихъ египетскихъ памятникахъ, уцѣлѣвшихъ до нашихъ временъ, и на гробницахъ, въ которыхъ положены муміи. Онъ принесенъ въ Египетъ Эѳіоплянами, извѣстенъ подъ именемъ іероглифовъ, и состоитъ частью изъ знаковъ, довольно страннаго начертанія, частью изъ изображеній животныхъ, напр. льва, носорога, бегемота, камелопарда, и другихъ, свойственныхъ Эѳіопіи.

Въ наше время нашлись ученые, которые начали разбирать смыслъ іероглифовъ, чтобы узнать исторію тѣхъ временъ Египта, о которыхъ теперь ограничиваемся сбивчивыми понятіями. Пока ученые достигнутъ своей цѣли, т. е. выучатся читать іероглифы, до тѣхъ поръ надобно довольствоваться немногими свѣдѣніями, должно изучать произведенія ваянія и тѣ величественные остатки египетской древности, которые ясно свидѣтельствуютъ, на какой высокой степени совершенства находились разныя искусства у Египтянъ.

Цари-Пастыри господствовали надъ Египтомъ болѣе трехъ сотъ лѣтъ; но и въ это про-

должительное время они мало сдѣлали успѣховъ въ образованіи. Наконецъ Тутмозисъ, царь ѳивскій, выгналъ ихъ изъ завоеванныхъ ими земель, отнялъ у нихъ пространный Мемфисъ, и овладѣлъ даже Аварисомъ. Съ тѣхъ поръ, это чуждое поколѣніе совершенно исчезло, и Египетъ снова перешелъ въ руки природныхъ своихъ государей.

По изгнаніи Гиксосовъ, Египетъ началъ украшаться памятниками, которые и теперь еще приводятъ всѣхъ въ изумленіе своею громадностью и необыкновенною прочностью постройки.

ПАМЯТНИКИ ЕГИПЕТСКІЕ.

Знаете ли вы, что такое египетскія пирамиды? Это огромныя каменныя зданія, которыя стоятъ каждое на большомъ квадратномъ основаніи, и къ верху постепенно съуживаются. Съ земли, отъ подошвы высокой пирамиды, кажется что она оканчивается точкою; но взойдите по этимъ огромнымъ лѣстницамъ, которыя устроены по бокамъ ея, и вы найдете на вершинѣ площадку. Оттуда открываются самые поразительные виды во всѣ стороны.

къ Стр. 12.

Египетскія пирамиды.

Въ Египтѣ много пирамидъ; вообще полагаютъ что онѣ служили гробницами древнихъ Египтянъ. Пирамидъ средней величины множество; самыя замѣчательныя по своей огромности, стоятъ недалеко отъ нынѣшняго города Каира, построеннаго почти на развалинахъ древняго Мемфиса.

Турки, недавніе повелители Египта, называютъ каирскія пирамиды и «Фараоновыми горами». Фараонъ не есть собственное имя одного какого нибудь государя; это общее названіе, титулъ всѣхъ царей египетскихъ.

Самая высокая изъ пирамидъ каирскихъ построена по повелѣнію царя Хеопса; другая воздвигнута братомъ и преемникомъ его Хефремомъ. Труды, употребленные на сооруженіе этихъ громадъ, стоили жизни многимъ Египтянамъ; говорятъ, что въ каждые три мѣсяца погибало здѣсь около 100,000 человѣкъ; но ни Хеопсъ, ни Хефремъ не удостоились погребенія, и тѣла ихъ не были положены въ пирамиды, ими воздвигнутыя; такимъ образомъ наказаны гордость и жестокосердіе этихъ двухъ государей, бѣдственныя для Египта. Впрочемъ, недавно начало распространяться мнѣніе, что пирамиды сооружены для защиты плодоносныхъ земель Египта отъ сыпучихъ песковъ, наносимыхъ вѣтрами

изъ пустыни. По изслѣдованіямъ дѣйствительно оказывается, что видъ, положеніе и направленіе египетскихъ пирамидъ весьма искусно приспособлены къ отраженію ударовъ столбовъ летучаго песку. Если эти догадки подтвердятся, то пирамиды еще болѣе сдѣлаются достойными удивленія по необыкновенному искусству и глубокимъ соображеніямъ, которыми руководствовались ихъ строители; это будутъ уже не простые надгробные памятники, воздвигнутые тщеславіемъ, а искуственныя стѣны, безъ которыхъ нильская долина и вся плодородная часть Египта давно бы обратилась въ песчаную пустыню.

Во многихъ мѣстахъ Египта встрѣчаются другаго рода памятники, обелиски; это высокіе четвероугольные и остроконечные столбы, высѣченные изъ цѣльнаго камня.

Эти столбы обработывались искусными мастерами, въ самыхъ каменоломняхъ, и уже по окончательной отдѣлкѣ нагружались на суда, нарочно для того построенныя, и по теченію Нила сплавлялись куда было нужно.

Египтяне употребляли на обелиски гранитъ. Безъ сомнѣнія вамъ извѣстно, что гранитъ очень твердая горнокаменная порода красноватаго цвѣта. Египтяне выламывали его въ горахъ, ко-

торыя сопровождаютъ теченіе Нила, въ верхнихъ его частяхъ.

Лабиринтъ былъ также однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній египетскаго зодчества. Такъ называлось огромное зданіе, соединеніе двѣнадцати дворцовъ, которые, какъ говорятъ, построены были двѣнадцатью царями, въ одно время царствовавшими въ Египтѣ. Все зданіе заключало въ себѣ столько переходовъ, комнатъ, дверей, лѣстницъ, что зашедшій въ него, не могъ уже самъ выйти оттуда. Поэтому, и теперь называютъ лабиринтомъ садъ, въ которомъ дорожки такъ разнообразно между собою переплетены, что трудно найти изъ него выходъ.

Наконецъ еще удивительный памятникъ составляетъ Мерндово-озеро. Оно вырыто по повелѣнію фараона Мерида, для стока воды Нила, когда она поднималась слишкомъ высоко, и слѣдовательно могла затопить весь Египетъ. Оно служило также для орошенія полей, во время засухи; множество небольшихъ каналовъ проведено было отъ него по всѣмъ направленіямъ.

Мерндово озеро должно причислить къ тѣмъ великимъ предпріятіямъ, которыми цари благотворятъ своему народу и на многія поколѣнія

распространяютъ благодѣтельныя слѣдствія своей прозорливости и попечительности.

Короче, нѣтъ возможности исчислить всего, что находится любопытнаго и примѣчательнаго въ Египтѣ. Смотря на огромные и еще прочные остатки величественныхъ памятниковъ, которыми усѣяна эта страна, можно подумать, что они произведены не людьми обыкновенными, а великанами, которыхъ силы были гораздо выше человѣческихъ. Между прочимъ въ развалинахъ города Ѳивъ находится множество колоссальныхъ статуй, которыя изображаютъ сфинксовъ, чудное баснословное животное съ львинымъ туловищемъ и съ головою женщины. Два сфинкса привезены изъ Египта въ С. Петербургъ, въ царствованіе нынѣшняго нашего Государя Императора, и поставлены на Васильевскомъ-Острову на невской набережной, прямо противъ академіи художествъ.

Думаютъ что Египтяне выражали ими какое-то таинство своей религіи, однако жъ до сихъ поръ никто его не объяснилъ.

Вамъ случится также слышать о статуѣ Мемнона. До сихъ поръ уцѣлѣли двѣ преогромныя статуи, въ видѣ сидящихъ великановъ, вышиною около 9 саженей. Одинъ изъ этихъ колоссовъ издавалъ каждое утро жалобный и вмѣстѣ пріят-

ный звукъ, когда въ него ударяли лучи восходящаго солнца. Это явленіе объясняютъ теперь естественно и удовлетворительно тѣмъ, что два тѣла, неодинаковой плотности, при различной нагрѣтости, могутъ иногда приходить въ дрожаніе и издавать звукъ. Вѣроятно при отдѣлкѣ статуи случайно соединились двѣ части ея такъ, какъ нужно для этого дѣйствія.

Египтяне вѣрили еще существованію славнаго феникса, чудесной птицы, у которой золотыя перья перемѣшаны съ бѣлыми и пурпуровыми. Эта птица была только одна на землѣ; достигнувъ старости, она собирала костеръ, сожигала себя на немъ, и изъ пепла снова возрождалась еще красивѣе прежняго.

Разумѣется, что это басня, выдумка. Подобной птицы никогда не было на землѣ.

ЦАРИ ЕГИПЕТСКІЕ.

1450 — 643 до Р. Х.

Изъ царей египетскихъ славнѣе и могущественнѣе другихъ былъ Сезострисъ, или Великій

Рамезесъ. Исторія его была бы очень наставительною, если бъ достовѣрность ея не подлежала сомнѣнію.

Отецъ Сезостриса назывался Аменофисомъ. Желая приготовить своему сыну друзей еще съ колыбели, онъ приказалъ воспитывать вмѣстѣ съ Сезострисомъ всѣхъ мальчиковъ, которые родились въ Ѳивахъ въ одинъ день съ нимъ.

Такихъ ровесниковъ царевичу набралось до 1700. Всѣ они росли и обучались вмѣстѣ съ Сезострисомъ, и въ послѣдствіи способствовали ему сдѣлаться однимъ изъ величайшихъ государей на землѣ; они любили его, какъ брата, и были преданы ему неограниченно.

Какое привлекательное зрѣлище! Молодой царевичь былъ всегда окруженъ дѣтьми одинаковаго съ нимъ возраста, которые почитали его своимъ другомъ и товарищемъ. Находясь постоянно между ними, онъ привыкалъ любить ихъ и научался поступать со всѣми такъ, какъ онъ поступалъ съ друзьями своей юности.

Сезострисъ, какъ разсказываютъ, сдѣлался обладателемъ значительной части земнаго шара; поэтому неудивительно, что изображеніе его встрѣчается на многихъ памятникахъ скульптуры и живописи, находимыхъ въ Египтѣ. На

этихъ памятникахъ онъ представленъ то сражающимся съ эѳіопскими царями, которыхъ онъ заставляетъ принести къ ногамъ своимъ золото, черное дерево и слоновую кость; то обращающимъ въ бѣгство азіятскихъ царей, въ ихъ длинной одеждѣ, съ длинными волосами. Нерѣдко онъ изображается, какъ торжествующій побѣдитель передъ побѣжденными и скованными народами Азіи и Эѳіопіи.

Все это заставляетъ думать, что Сезострисъ былъ самымъ могущественнымъ изъ египетскихъ фараоновъ; имя его надобно помнить: оно часто встрѣчается въ книгахъ, хотя исторія самаго государя и мало извѣстна.

Утверждаютъ, что около временъ Сезостриса одинъ изъ Египтянъ, Кекропсъ, со многими единоземцами, отплылъ на судахъ въ Европу и основалъ тамъ колонію въ одной изъ южныхъ ея странъ. Эта страна въ послѣдствіи называлась Греціей, но въ то время была еще мало извѣстна. Туда перенесъ Кекропсъ искусства и изобрѣтенія Египтянъ, и построилъ нѣсколько городовъ; изъ нихъ Аѳины прославились болѣе другихъ. Вы узнаете послѣ исторію этого города.

Послѣ Сезостриса въ Египтѣ происходили неутишимые раздоры между жрецами и воинами,

двумя главными классами (кастами) въ народѣ. Внутренніе раздоры всегда бываютъ гибельными для государства. Эѳіопляне, воспользовавшись ими, покорили Египетъ своей власти (за 800 лѣтъ до Р. Х.) Правда, что ихъ господство было непродолжительно, но прежній порядокъ и прежнее благосостояніе уже не возвращались. Во время внутреннихъ безпорядковъ, двѣнадцать вельможъ соединились въ Мемфисѣ для общаго управленія государствомъ. Они-то и построили лабиринтъ, о которомъ мы уже говорили. Греческій историкъ Геродотъ разсказываетъ, что оракулъ, т. е. голосъ языческаго бога, предсказалъ, что тотъ изъ нихъ сдѣлается владыкою всего Египта, кто принесетъ въ храмѣ жертву въ мѣдной чашѣ. Однажды, когда всѣ цари пришли въ храмъ для жертвоприношенія, верховный жрецъ, по ошибкѣ, принесъ для возліяній только 11 золотыхъ чашъ. Младшій изъ царей, *Псамметихъ*, которому недостало чаши, принесъ жертву въ своемъ мѣдномъ шлемѣ. Прочіе цари, вспомнивъ предсказаніе, поспѣшили въ страхѣ удалить Псамметиха. Они дали ему въ управленіе приморскую болотистую часть государства, самую ничтожную. Но Псамметихъ умѣлъ воспользоваться ею. Онъ вступилъ въ сношенія съ Греками, которые за-

нимались тогда морскими разбоями на Средиземномъ морѣ, и при помощи этихъ отважныхъ грабителей побѣдилъ прочихъ 11 царей. Псамметихъ сдѣлался единодержавнымъ государемъ Египта около 650 года до Р. Х. Съ этого времени египетская исторія становится уже болѣе извѣстною и достовѣрною. Преемники Псамметиха, Нехао и другіе, начали распространять свои завоеванія въ Азіи и расширили торговлю. Но это цвѣтущее время для Египта было непродолжительно: при царѣ Псамменитѣ Персы покорили Египетъ, какъ увидите въ послѣдствіи.

Теперь, когда уже вамъ извѣстны главныя достопримѣчательности Египта, перейдемъ къ Азіи. Эта часть свѣта, по словамъ Священнаго Писанія, была колыбелью рода человѣческаго.

НЕМВРОДЪ ЗВѢРОЛОВЪ.

2500 — 2000 до Р. Х.

Жилъ нѣкогда въ Азіи человѣкъ до такой степени преданный звѣриной ловлѣ, что все время проводилъ въ лѣсахъ, на охотѣ. Онъ назывался Немвродомъ-Звѣроловомъ (ловцомъ).

Не думайте, однако жъ, чтобъ у звѣролова Немврода не было ничего въ виду, кромѣ удовольствія истреблять дикихъ звѣрей. Охота была для него только средствомъ къ другой высшей цѣли; ему удалось собрать около себя сильныхъ и смѣлыхъ молодыхъ людей, которые, постоянно обращаясь съ оружіемъ, незамѣтно привыкли къ жизни суровой и трудолюбивой, и научились мало по малу повиноваться безпрекословно начальнику, распоряжавшему ихъ дѣйствіями на охотѣ. Однажды они сказали Немвроду, что хотятъ избрать его своимъ царемъ, и Немвродъ, превосходившій всѣхъ своимъ мужествомъ и ловкостью, охотно согласился на ихъ предложеніе.

Тогда онъ покинулъ прежній образъ жизни, пересталъ скитаться по лѣсамъ за дикими звѣрями, а напротивъ склонилъ своихъ подданныхъ очистить страну отъ лѣсовъ, ее покрывавшихъ, и убѣдилъ построить городъ, который назвалъ Вавилономъ. Такъ положено начало одного изъ величайшихъ городовъ, когда либо существовавшихъ на землѣ.

Вавилонъ основанъ былъ на берегахъ рѣки Евфрата, не въ дальнемъ разстояніи отъ обширной страны Сеннааръ, которой жители были извѣстны

подъ именемъ Халдеевъ. Вы удивитесь, когда услышите, что Халдеи, которыхъ исторіи мы вовсе почти не знаемъ, были первыми изобрѣтателями одной изъ самыхъ трудныхъ наукъ, астрономіи. Въ ней заключаются свѣдѣнія о звѣздахъ, разумѣя въ томъ числѣ солнце и луну.

У пастуховъ, населявшихъ эту прекрасную страну Азіи, гдѣ небо всегда чисто и ясно, гдѣ земля никогда не замерзаетъ, не было жилищъ прочныхъ и постоянныхъ; переходя съ мѣста на мѣсто съ своими стадами по необозримымъ равнинамъ, они на ночь раскидывали шатры, покрытые кожами или древесными вѣтвями. Живя всегда подъ открытымъ небомъ, они привыкли внимательно наблюдать свѣтила небесныя, и замѣтили, что эти свѣтила могутъ руководить ихъ въ отдаленныхъ путешествіяхъ, по обширной странѣ, гдѣ не было дорогъ и никакихъ указаній для путешественника. Такимъ образомъ странствующее пастушеское племя положило основаніе астрономіи, науки не только любопытной, но необходимой, особенно для мореходца и географа. Астрономическія познанія перешли сначала къ Египтянамъ, а отъ нихъ распространились уже и между другими народами. Нѣкоторые трудолюбивые и любознательные

люди собрали ихъ, предпочтительно занимались ими и постепенно размножали и усовершенствовали.

По видимому, астрономія должна была убѣдить Халдеевъ въ безконечной премудрости и могуществѣ единаго, истиннаго Бога, Творца чудесъ, которыя они видѣли; но на дѣлѣ вышло совсѣмъ противное: проникнутые удивленіемъ и благоговѣніемъ къ свѣтиламъ, блиставшимъ надъ ихъ головами, люди начали мало по малу имъ покланяться, какъ божествамъ. Такимъ образомъ возникла ложная религія, извѣстная подъ именемъ сабеисма, или боготворенія свѣтилъ. Халдеи воздвигли жертвенники солнцу и стали чтить его подъ именемъ Ваала или Бела, что значитъ на языкѣ ихъ «господинъ», или въ религіозномъ смыслѣ «Господь». Вскорѣ они простерли свое заблужденіе до того, что начали воздавать божескія почести государямъ, которые сообщили имъ какое нибудь полезное свѣдѣніе. Звѣроловъ Немвродъ также былъ включенъ въ число боговъ. Въ честь его воздвигли храмъ въ самомъ Вавилонѣ; въ этомъ-то храмѣ, въ башнѣ весьма высокой, жрецы продолжали свои астрономическія наблюденія. Такъ объясняется происхожденіе язычества, многобожія.

Около временъ Немврода, другой уроженецъ Сеннаара, Ассуръ или Ашуръ, заложилъ на берегахъ рѣки Тигра новый городъ, Ниневію, а вся окрестная страна получила названіе Ассиріи или царства Ассирійскаго.

Такъ почти въ одно и то же время, въ одной и той же части свѣта, основаны двѣ монархіи, которыя не трудно отличить одну отъ другой. Халдейское государство было недолговѣчно: вскорѣ по смерти Немврода, царь ассирійскій Белъ, завладѣвъ Вавилономъ, приказалъ умертвить вавилонскаго государя и все его семейство, а Вавилонію присоединилъ къ своимъ владѣніямъ.

НИНЪ, ЦАРЬ АССИРІЙСКІЙ.

2000 — 1500 до Р. Х.

Сынъ Бела знаменитъ не менѣе своего отца. Въ его правленіе Ассиріяне распространили власть свою на большую часть Азіи. При помощи своихъ сосѣдей, Аравитянъ или Арабовъ, они покорили Египетъ, Сирію и другія страны, о которыхъ со временемъ услышите. Нинъ (такъ назывался сынъ Бела) предводительствовалъ

многочисленнымъ войскомъ, съ нѣсколькими тысячами колесницъ, вооруженныхъ косами.

Такимъ образомъ люди, за нѣсколько столѣтій неумѣвшіе строить себѣ жилищъ, теперь нашли уже замысловатыя средства истреблять другъ друга. Въ общественной жизни, въ государствѣ, люди весьма быстро образуются, пріобрѣтаютъ разнообразныя познанія и безпрерывно дѣлаютъ новыя открытія.

Нинъ, расширивъ предѣлы своего государства завоеваніями и достигнувъ высшей степени власти, избралъ Ниневію своею столицею. Онъ старался украсить ее великолѣпными дворцами и зданіями, и собиралъ въ ней войска, когда намѣревался присоединить къ своимъ владѣніямъ новыя области.

Осаждая Бактру, главный городъ Бактріи, одной изъ плодоноснѣйшихъ странъ Азіи, онъ увидѣлъ на стѣнахъ этого города женщину удивительной красоты, и захотѣлъ немедленно узнать ее. Женщина называлась Семирамидою, а мужъ ея былъ правителемъ осажденнаго города. Нинъ узналъ также, что Семирамида, оставленная въ младенчествѣ родителями въ лѣсу, была вскормлена чуднымъ образомъ голубями, и что она, кромѣ необыкновенной красоты,

одарена и другими превосходными качествами. Все это басня, какъ показываетъ и самое слово Семирамида, которое на туземномъ языкѣ значило «голубь».

Какъ бы то ни было, ассирійскій государь рѣшился вступить въ супружество съ Семирамидою; но къ несчастію, она была уже за мужемъ. Судьба, впрочемъ, все устроила въ его пользу. Черезъ нѣсколько дней Бактра была взята приступомъ, и мужъ Семирамиды, правитель города, погибъ въ битвѣ. Тогда Нинъ безпрепятственно женился на Семирамидѣ.

Честолюбивая и надменная Семирамида, увидѣвъ себя на престолѣ могущественнаго царства вмѣстѣ съ новымъ своимъ супругомъ, захотѣла сдѣлаться сама повелительницею Ассиріи. Нинъ, воображавшій себя счастливѣйшимъ изъ мужей, скоро жестоко былъ наказанъ за свое легковѣріе.

Подъ видомъ желанія узнать и оцѣнить всю прелесть царской власти, хитрая Семирамида просила позволенія у царя править полновластно государствомъ въ продолженіе пяти дней. Нинъ охотно согласился на это и тотчасъ велѣлъ сановникамъ своего двора и царства исполнять безпрекословно всѣ повелѣнія царицы. Пользу-

ясь этимъ роковымъ приказомъ, вѣроломная велѣла собственной царской стражѣ схватить Нина и заключить въ темницу, въ которой, какъ говорятъ, онъ и умерщвленъ.

Злодѣяніе сдѣлало Семирамиду обладательницею обширнаго царства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самою несчастною женщиною. Угрызенія совѣсти отравили величіе, котораго она такъ пламенно желала. Ежеминутно она видѣла передъ собою блѣдную и раздраженную тѣнь Нина, и слышала ея упреки въ неблагодарности. Страшный призракъ ни днемъ, ни ночью не давалъ царицѣ покою, и она рѣшилась наконецъ прибѣгнуть къ совѣтамъ оракула, который, по вѣрованіямъ язычниковъ, предсказывалъ будущее. Семирамида молила этого мнимаго проницателя научить ее, какъ освободиться отъ нестерпимыхъ внутреннихъ мученій; но оракулъ, вмѣсто всякаго утѣшенія, объявилъ, что сынъ ея Ниній будетъ причиною ея смерти.

Тогда она ясно увидѣла, что грозившая ей участь была справедливымъ наказаніемъ отъ боговъ за жестокость ея противъ Нина. Съ тѣхъ поръ она уже не находила удовольствія и въ обладаніи престоломъ.

Такъ злое дѣло не принесло хорошихъ плодовъ; за нимъ неизбѣжно послѣдовали угрызенія совѣсти, отъ которыхъ человѣкъ нигдѣ не можетъ укрыться.

СЕМИРАМИДА.

По другимъ преданіямъ, Нинъ умеръ спокойно и самъ завѣщалъ свое царство Семирамидѣ. Вообще исторія этой царицы наполнена множествомъ вымысловъ. Говорятъ, что она прославила свое царствованіе знаменитыми дѣяніями. Первымъ стараніемъ ея было украсить Вавилонъ памятниками, которые и теперь еще въ развалинахъ своихъ заслуживаютъ удивленія. Храмъ Бела, начатый жрецами халдейскими, для наблюденій астрономическихъ, она окружила высокою и крѣпкою стѣною, и сдѣлала его хранилищемъ всѣхъ своихъ богатствъ и сокровищъ, которыя собирались въ безчисленныхъ областяхъ ея царства; надъ храмомъ воздвигла она восемь башенъ, одну надъ другою; съ этого удивительнаго возвышенія можно было обозрѣвать городскія окрестности чрезвычайно далеко.

Въ башняхъ находилось множество статуй, картинъ, уборовъ, сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ, замѣчательныхъ по своей драгоцѣнности и отдѣлкѣ. Одна изъ статуй, вылитая изъ чистаго золота, говорятъ, была вышиною почти въ 6 саженей. Разумѣется нельзя вѣрить слѣпо всему, что разсказываютъ о подобныхъ чудесахъ. Эти разсказы очень походятъ на тѣ басни о чертогахъ волшебниковъ, гдѣ только и видны алмазы, да рубины, какъ будто драгоцѣнные камни въ то время, въ самомъ дѣлѣ, были такъ обыкновенны, какъ теперь булыжникъ.

Важнѣйшимъ зданіемъ при Семирамидѣ въ Вавилонѣ были насыпи, извѣстныя въ древности подъ названіемъ «висячихъ садовъ». Представьте себѣ множество рѣдкихъ деревьевъ, будто волшебною силою посаженныхъ на значительной высотѣ; они казались благовонными рощами, плавающими въ воздухѣ; въ этихъ рощахъ раздавалось пѣніе птицъ и во всѣхъ направленіяхъ струилась чистая, какъ стекло, вода, искуственно поднятая на такую высоту; ни въ чемъ не было недостатка въ этомъ новомъ раю; тамъ находились и прекраснѣйшіе цвѣты, и самые вкусные плоды; туда всходили по роскош-

нѣйшимъ лѣстницамъ. Висячіе вавилонскіе сады считались однимъ *изъ семи чудесъ* въ свѣтѣ.

Стѣны вокругъ Вавилона, начатыя еще при Немвродѣ, окончены также Семирамидою; построеніе ихъ принесло ей не менѣе славы, какъ и висячіе сады. Кромѣ необыкновенной высоты, стѣны удивляли и толщиною своею: двѣ или три колесницы, запряженныя въ нѣсколько лошадей, могли свободно разъѣзжать по нимъ.

Надобно еще упомянуть о великолѣпномъ мостѣ на рѣкѣ Евфратѣ, которая протекала черезъ городъ и по обѣимъ сторонамъ была обстроена огромнѣйшими зданіями. Этотъ мостъ и другіе значительные памятники, какъ въ самой столицѣ, такъ и въ другихъ частяхъ Ассиріи, также начаты и окончаны Семирамидою. Утверждаютъ, что многіе милліоны людей трудились для выполненія обширныхъ предпріятій этой женщины.

Ея стараніями Вавилонъ сдѣлался первымъ городомъ въ цѣломъ свѣтѣ; вообще не было въ то время государя, который бы лучше ея управлялъ своимъ царствомъ.

Среди трудовъ и заботъ государственныхъ, Семирамида не забывала и своего войска, часто сама предводительствовала имъ на войнѣ и ввела въ немъ строгій порядокъ. Однажды, занимаясь

уборкою своихъ волосъ, она получила извѣстіе о возмущеніи войска. Не окончивъ своего убора, она спѣшитъ къ бунтовщикамъ, является неожиданно въ ихъ толпѣ и наказавъ болѣе виновныхъ, принуждаетъ остальныхъ тотчасъ обратиться къ своему долгу.

По случаю этого событія воздвигнули Семирамидѣ статую, которая изображала ее съ распущенными волосами, въ память ея неустрашимости и твердости духа.

Между тѣмъ наступило время, когда должно было исполниться предсказаніе оракула. Семирамида съ прискорбіемъ узнала о покушеніи на ея жизнь: придворные, подъ предлогомъ мщенія за смерть Нина, составили противъ нея заговоръ; разумѣется, они надѣялись угодить тѣмъ наслѣднику престола Нинію, хотя этотъ молодой царевичъ и не зналъ объ ихъ злоумышленіи. Такая горестная новость совершенно разстроила Семирамиду, и верховная власть со дня на день становилась для нея несноснѣйшимъ бременемъ. Она рѣшилась тайно удалиться къ гробницѣ Нина, оплакать тамъ свое преступленіе, и провесть остатокъ жизни въ уединеніи. И дѣйствительно она скрылась, и долго не было объ ней никакаго извѣстія. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ

Ниній узналъ объ участи своей матери, глубоко печалился о ней, и приказалъ воздвигнуть въ честь ея великолѣпный храмъ, въ которомъ Ассиріяне покланялись ей, какъ божеству.

Съ своими языческими заблужденіями, они не понимали, что женщина, совершившая столько великихъ дѣяній, все таки была простая смертная.

Тѣло Семирамиды положено въ Вавилонѣ, въ великолѣпную гробницу, на которой она еще при жизни своей приказала вырѣзать слѣдующую надпись:

»Природа дала мнѣ тѣло женщины, но дѣла поставили меня наравнѣ съ самыми доблестными мужами. Я правила государствомъ ниновымъ, обнимавшимъ почти всю Азію; до меня Ассиріяне не знали что такое море, а я ознакомила ихъ съ четырьмя морями, которыхъ никто прежде не видывалъ. Я измѣнила теченіе рѣкъ для орошенія безплодныхъ земель, которыя сдѣлались теперь цвѣтущими; я построила укрѣпленія и проложила дороги черезъ неприступныя скалы; мои воинскія колесницы проходили по такимъ путямъ, гдѣ не рыскали самые дикіе звѣри. И среди такихъ подвиговъ у меня было еще время для своихъ удовольствій.«

Какъ ни высокомѣрна эта надпись, но въ ней вычислены дѣла великой царицы. Четыре моря, которыхъ открытіемъ гордилась Семирамида, были: Средиземное, Каспійское, Понтъ-Евксинскій и Красное море (заливъ Аравійскій). Положеніе ихъ вы лучше можете видѣть на географической картѣ. Между тѣмъ замѣтьте, что эта государыня поставила Ассирійское государство на такую степень величія, на какой не находилось оно ни при одномъ изъ государей, царствовавшихъ и прежде и послѣ Семирамиды.

СМЕРТЬ САРДАНАПАЛА.

1500 — 880 до Р. Х.

Цари ассирійскіе, преемники Семирамиды, вовсе не походили на нее. Даже ея сынъ, Ниній, не показалъ такой дѣятельности и мужества. Запершись въ своемъ дворцѣ, въ Ниневіи, онъ проводилъ жизнь въ безпечности и праздности и никогда не показывался народу, а народъ, невидя и незная своего государя, охладѣлъ въ усердіи къ нему. Нѣсколько царей, послѣ Нинія, восходили одинъ за другимъ на престолъ; но

они ничѣмъ великимъ не ознаменовали своего правленія, а послѣдній изъ нихъ былъ вовсе недостоинъ царскаго сана.

Этотъ послѣдній ассирійскій царь назывался Сарданапаломъ. Высшимъ наслажденіемъ для него было жить въ пышныхъ чертогахъ, въ толпѣ женщинъ, которымъ онъ подражалъ въ нарядахъ и занятіяхъ, румянился и даже прялъ.

Въ то время прясть шерсть или ленъ было обыкновеннымъ занятіемъ женщины, къ какому бы сословію она ни принадлежала. Тончайшая шерсть употреблялась на одежды царей и первыхъ вельможъ; ее окрашивали въ пурпуръ, самую пріятную для глазъ краску, которую добывали изъ небольшихъ морскихъ раковинъ.

Лучшія пурпуровыя ткани привозились изъ Тира, знаменитаго города въ Азіи, о которомъ мы будемъ имѣть случай говорить послѣ.

Ничтожный Сарданапалъ велъ себя самымъ недостойнымъ образомъ; никого изъ подданныхъ не допускалъ къ себѣ, даже не забавлялся охотою, которую такъ страстно любилъ отважный Немвродъ; его не видывали на боевомъ конѣ передъ ратною дружиной; день онъ проводилъ въ тайномъ отдѣленіи дворца, а ночь всю напролетъ пилъ вино и плясалъ съ своими неволь-

никами. Трубный звукъ былъ противенъ его слуху, привыкшему къ музыкѣ изнѣженной и тихой; болѣе всего на свѣтѣ онъ опасался пыли и солнечныхъ лучей, боясь что они попортятъ цвѣтъ его тѣла и сдѣлаютъ смуглымъ его лице.

При такомъ образѣ жизни Сарданапалъ не могъ заниматься дѣлами своего государства. Даже первѣйшіе сановники никогда не видывали его въ лице.

Однако жъ Арбаку, правителю Мидіи, одной изъ главныхъ областей ассирійскихъ, удалось побывать внутри царскихъ покоевъ. Представьте же негодованіе этого вельможи, когда онъ увидѣлъ лице своего государя разрумяненное, а голову его покрытую, вмѣсто короны, легкимъ женскимъ покрываломъ! Меча Сарданапалъ никогда не носилъ; ему казалось, что онъ даже не въ состояніи поднять такой тяжести.

По выходѣ изъ дворца, Арбакъ не могъ скрыть отъ своихъ товарищей такой презрѣнной жизни Сарданапала; негодованіе овладѣло ими: они возмутились.

Между тѣмъ, не смотря на роскошь и безпечность, которой предавался Сарданапалъ, ему нерѣдко приходила въ голову мысль объ опасности, которая могла угрожать его жизни. По

обычаю своего времени, онъ обратился къ оракулу и требовалъ у него совѣтовъ. Оракулъ отвѣчалъ, что Ниневія тогда только будетъ взята врагами, когда Тигръ приметъ ихъ сторону.

Вамъ уже извѣстно, что на берегахъ Тигра стояла Ниневія, съ своими огромными стѣнами и мѣдными воротами. Слова оракула скоро исполнились: воды Тигра поднялись необыкновенно высоко, и своимъ напоромъ разрушили часть городской стѣны. Арбакъ и его соумышленники воспользовались этимъ обстоятельствомъ; они проникли черезъ обвалъ въ самый городъ и осадили Сарданапала въ его собственномъ дворцѣ. Однако жъ и у Сарданапала были защитники; нашлись храбрые люди, которые почли для себя долгомъ принять сторону царя и, если нужно, пожертвовать за него жизнію. Произошла жаркая битва, и друзья Арбака не могли одержать побѣды, а нѣкоторые стали уже думать и объ отступленіи; но Белесъ, халдейскій жрецъ и астрономъ, удержалъ ихъ; ссылась на предзнаменованіе звѣздъ, онъ обѣщалъ непремѣнно овладѣть городомъ, если только подождутъ еще не болѣе пяти дней. Разумѣется, звѣзды не могли ничего предсказать Белесу; но товарищи повѣрили хитрецу и продолжали осаду.

Дѣйствительно, еще до исхода пятаго дня Сарданапалъ вспомнилъ пророчество оракула, не весьма для него благопріятное, и утомленный борьбою, приказалъ зажечь передъ дворцомъ огромный костеръ. Тутъ показалъ онъ рѣшимость, какой не обнаруживалъ во всю свою жизнь: онъ бросился въ огонь, вмѣстѣ съ своими женами, и погибъ; съ нимъ погибъ его дворецъ со всѣми сокровищами; все истреблено пламенемъ, или расхищено.

Вы удивляетесь, что предсказанія оракула непремѣнно сбывались? По моему мнѣнію, они выдуманы послѣ, для убѣжденія легковѣрнаго народа въ томъ, что жрецы и астрологи обладали способностью узнавать будущее.

Со смертію Сарданапала кончилась и Ассирійская монархія, основанная Беломъ, и въ царствованіе Семирамиды достигшая необыкновеннаго могущества. Она раздѣлилась на три особенныя государства, которыя также были весьма важными въ древней исторіи. Арбакъ, главный виновникъ переворота, овладѣлъ Мидіей, и покушался доставить ей первенство надъ остальною частію Азіи; Белесъ, халдейскій жрецъ, который хитростію удержалъ товарищей отъ отступленія, получилъ Вавилонъ; а третьему изъ

союзниковъ, Фулу, досталась Ниневія, въ которой онъ господствовалъ со славою.

МИДІЙСКАЯ МОНАРХІЯ.

880 — 660 до Р. Х.

Послѣ Сарданапала, мидійскимъ государемъ сдѣлался Арбакъ; но по смерти его Мидяне охотно остались безъ царя, и вскорѣ подверглись величайшимъ бѣдствіямъ, потому что народъ не могъ управляться самъ собою.

Мидяне, безъ законной управы, начали отгонять одинъ у другаго стада, сильный обижалъ слабаго, никто не наслаждался спокойствіемъ и безопасностью. Наскучивъ такою жизнію, они рѣшились прекратить взаимныя ссоры единодушнымъ избраніемъ верховнаго судьи. Взоры всѣхъ обратились на Деіока, человѣка извѣстнаго въ Мидіи своимъ умомъ и душевными качествами.

Дѣйствительно, Деіока весьма уважали всѣ его сосѣди: какъ скоро возникалъ между ними споръ, они тотчасъ обращались къ умному Деіоку, требовали его рѣшенія, и такимъ образомъ избѣгали самоуправства; словомъ, всѣ знавшіе Деіока

высоко цѣнили его справедливость и разсудительность.

При такихъ похвальныхъ отзывахъ, и остальные Мидяне согласились избрать Деіока посредникомъ своихъ споровъ. Постепенно они привыкали ему повиноваться; умъ есть также власть своего рода. Но Деіокъ, подъ видомъ скромности, скрывалъ немалое честолюбіе; ему скоро наскучило быть только судьею, и онъ распустилъ слухъ о непремѣнномъ своемъ намѣреніи удалиться въ другую страну отъ безпокойствъ, наносимыхъ ему мятежными и непокорными соотечественниками. Онъ и дѣйствительно такъ поступилъ. Но едва удалился Деіокъ, какъ снова начались безпорядки, и Мидяне пришли еще въ худшее положеніе, чѣмъ прежде. Между ними безпрестанно возникали новыя распри, которыя почти всегда оканчивались открытою враждою и смертоубійствами.

Тогда благоразумнѣйшіе изъ жителей различныхъ селеній отправились къ Деіоку и умоляли его принять надъ ними верховную власть. Но Деіокъ отклонилъ это предложеніе, желая принудить ихъ къ самымъ униженнымъ просьбамъ и къ уступкѣ ему совершеннаго полновластія надъ народомъ. Дѣло и кончилось тѣмъ, что

Деіокъ согласился принять въ свои руки правленіе, съ титуломъ царя. Впрочемъ онъ вскорѣ и доказалъ, что дѣйствительно былъ достоинъ этаго сана.

Обладая обширнымъ умомъ, онъ въ короткое время сдѣлался могущественнымъ государемъ и въ нѣсколько лѣтъ привелъ Мидійское царство въ цвѣтущее состояніе.

Чтобъ смягчить строптивый и неспокойный характеръ своихъ подданныхъ, онъ велѣлъ имъ оставить разсѣянныя хижины, въ которыхъ они жили, построилъ обширный городъ и назвалъ его Экбатаною. Въ этомъ городѣ поселился онъ самъ, съ семействомъ и съ частію своихъ подданныхъ. Экбатана сдѣлалась столицею государства.

Деіокъ безпрестанно получалъ извѣстія о всемъ, что происходило въ разныхъ областяхъ его монархіи, которыми управляли его именемъ испытанные сановники. Дворецъ свой онъ окружилъ семью стѣнами, изъ нихъ каждая отличалась особеннымъ цвѣтомъ; между этими стѣнами находились жилища подданныхъ. Мудростію своею онъ сдѣлалъ Мидійскую монархію сильною и страшною для другихъ, и умеръ послѣ долговременнаго, славнаго царствованія, оста-

вивъ престолъ сыну своему Фраорту. При этомъ государѣ Мидія утратила свое могущество, доставленное ей умомъ и талантами Деіока.

НАШЕСТВІЕ СКИѲОВЪ.

660 — 625 до Р. Х.

Фраортъ могъ бы жить спокойно въ Экбатанѣ. Но ему мало было Мидіи; онъ безразсудно вызвалъ на неравную борьбу Навуходоносора I, царя Ниневіи, мужественнаго и страшнаго. У Навуходоносора въ это время было многочисленное войско; онъ владычествовалъ не только въ Ниневіи, но и въ Вавилонѣ, потому что и Вавилонія за нѣсколько лѣтъ при Ассаргадонѣ, отцѣ Навуходоносора, подчинилась власти Ниневійцевъ. Раздраженный извѣстіемъ, что царь мидійскій осмѣлился напасть на области Ниневіи, Навуходоносоръ тотчасъ выступилъ въ походъ, чтобы наказать Фраорта за его дерзость.

Войска обоихъ враждебныхъ царей встрѣтились на берегу Тигра, въ обширной равнинѣ, называемой Рагау. Произошло ужасное сраженіе. Слѣдствія его были чрезвычайно гибельны для

къ Стр. 43.

Скиѳы.

мидійскаго монарха: конница его была разсѣяна, военныя колесницы опрокинуты, и самъ онъ, попавъ въ руки непріятеля, пораженъ стрѣлами, пущенными по приказанію неумолимаго Навуходоносора.

Побѣдитель, возвратившись въ Ниневію, четыре мѣсяца провелъ въ безпрерывныхъ пиршествахъ и забавахъ съ своими сподвижниками. Таковъ обычай Азіятцевъ: послѣ трудовъ они всегда предаются праздности и наслажденіямъ. Между тѣмъ надъ Навуходоносоромъ сбиралась непредвидѣнная гроза.

Ціаксаръ, сынъ и преемникъ несчастнаго Фраорта, рѣшился воспользоваться бездѣйствіемъ Ассиріянъ. Собравъ войско, онъ неожиданно явился подъ стѣнами Ниневіи, и уже надѣялся вскорѣ овладѣть городомъ, какъ вдругъ Скиѳы, дикій и грубый народъ, обитатели береговъ Меотійскаго моря (нынѣшнее Азовское), перешли Кавказскія горы, отдѣляющія Европу отъ Азіи, и напали на Мидію.

Они были страшнаго, звѣрскаго виду, безчеловѣчно разоряли страны, черезъ которыя проходили и хотя вовсе не знали цѣны сокровищъ, неупотребительныхъ въ ихъ дикомъ быту, од-

нако жъ забирали все, что ни попадалось, и даже цѣлыя племена уводили въ рабство.

Это первое вторженіе варваровъ въ Азію—происшествіе замѣчательное. Оно показываетъ, что нерѣдко народы дикіе, невѣжественные имѣютъ вліяніе на судьбу народовъ образованныхъ. Послѣ вы увидите, что за народъ были Скиѳы, и какія въ послѣдующіе вѣка произвели они перемѣны въ устройствѣ цѣлаго міра, разрушивъ самыя могущественныя царства.

Ціаксаръ съ своимъ войскомъ встрѣтилъ Скиѳовъ, но тщетно усиливался выгнать ихъ изъ Мидіи. Послѣ сраженія, въ которомъ Мидяне показали необыкновенную храбрость, Скиѳы все таки утвердились въ опустошенной ими странѣ и даже разлились по значительной части Азіи. Ціаксаръ долженъ былъ выжидать благопріятнѣйшаго времени, и уже по истеченіи многихъ лѣтъ удалось ему опять утвердиться на престолѣ. Объ этомъ я сей часъ буду говорить.

Скиѳы, занявъ Мидію, мало помалу оставляли прежнюю свою дикость. Есть преданіе, что Мидяне однажды пригласили ихъ на пиршество, которое приготовлено было въ одинъ день и въ одинъ часъ во всей странѣ. Скиѳы охотно приняли предложеніе: они очень любили вино и

вкусныя яства, такъ что любовь ихъ къ пиршествамъ обратилась у древнихъ даже въ пословицу.

Но когда Скиѳы, раздѣлясь на малыя толпы, пришли по приглашенію въ назначенныя мѣста, вдругъ, по данному знаку, Мидяне бросились на нихъ, подавили своею многочисленностью и безъ жалости умертвили неосторожныхъ, неимѣвшихъ при себѣ никакого оружія. Немногіе спаслись бѣгствомъ. Такъ Ціаксаръ снова возвратилъ себѣ потерянный престолъ.

Но вы скажете, что Мидяне, истребивъ измѣннически этихъ несчастныхъ, поступили сами какъ злодѣи. Дѣйствительно, лучше бы открытымъ боемъ возстановить свою независимость, но вѣроятно Скиѳы уже слишкомъ безчеловѣчно поступали съ Мидянами, когда послѣдніе рѣшились на такую крайность. Впрочемъ у древнихъ не было въ обычаяхъ соблюдать съ непріятелемъ правила чести. Образованному же человѣку постыдно такъ думать. Онъ обязанъ быть всегда честнымъ, великодушнымъ, и въ отношеніяхъ къ своимъ непріятелямъ; а христіянская религія предписываетъ намъ всѣхъ людей считать своими ближними, братьями, и даже любить враговъ своихъ.

Если бы Скиѳы сами не были жестокими и свирѣпыми, то избіеніе ихъ, даже и по тогдашнимъ понятіямъ, было бы поступкомъ гнуснымъ. Древніе свято чтили гостепріимство, и если иностранецъ входилъ куда нибудь въ домъ, то женщины, почтенныя въ семействѣ, умывали ему ноги и наперерывъ старались ему услуживать.

Неожиданный оборотъ дѣлъ, доставившій снова Ціаксару престолъ мидійскій, пробудилъ въ этомъ государѣ прежнее намѣреніе отмстить Навуходоносору за пораженіе и за смерть отца. Онъ успѣлъ склонить на свою сторону и Набополассара, владѣтеля Вавилонскаго, обѣщавъ уступить ему Ассирію, если только удастся покорить эту страну.

Союзники двинулись вмѣстѣ къ Ниневіи, овладѣли ею послѣ кровопролитнаго сраженія и разрушили ее до основанія. Такъ погибъ одинъ изъ обширнѣйшихъ городовъ, основанный Ассуромъ. Ассирія подпала подъ власть Набополассара, и могущественный Вавилонъ сдѣлался общею столицею Вавилоніи и Ассиріи.

СОНЪ НАВУХОДОНОСОРА.

625 — 560 до Р. Х.

Теперь прошу васъ со вниманіемъ выслушать удивительную исторію.

Неоспоримо, что Навуходоносоръ II, сынъ Набополассара, былъ славнѣе прочихъ вавилонскихъ царей; это былъ и великій государь и искусный полководецъ: онъ воевалъ съ Египтянами, покорилъ Іудею и овладѣлъ богатымъ Тиромъ, откуда, какъ уже было сказано, Древніе получали пурпуровую краску и дорогія ткани.

Тиръ находился на берегу Средиземнаго моря, въ странѣ, называвшейся Финикіею. Если вѣрить преданію, Финикіяне были первыми въ свѣтѣ купцами и мореплавателями. Имъ приписываютъ изобрѣтеніе письма, которое перешло послѣ къ Египтянамъ; имъ же приписываютъ и основаніе Карѳагена, знаменитаго города въ Африкѣ, о которомъ въ Римской Исторіи не рѣдко будетъ говориться. Какъ бы то ни было, но Тиръ взятъ Навуходоносоромъ послѣ долговременной и славной осады, и жители его должны были поселиться

въ другомъ мѣстѣ, безопасномъ отъ покушеній непріятельскихъ.

Но въ характерѣ Навуходоносора былъ одинъ важный недостатокъ, который помрачалъ всѣ хорошія его качества: этотъ завоеватель былъ гордъ до невѣроятности. Конечно, похвально возвыситься надъ толпою блистательными подвигами, но еще лучше отличаться высокими добродѣтелями, и не забывать, что Богъ выше всѣхъ царей земныхъ, и что всѣ люди равны передъ его небеснымъ правосудіемъ.

Это самое и забылъ Навуходоносоръ, особенно когда увидѣлъ, что все покоряется его желаніямъ. Онъ и занимался только тѣмъ, что украшалъ Вавилонъ великолѣпными памятниками, какъ нѣкогда дѣлала Семирамида. Но вдругъ, среди безпримѣрнаго величія ужасный сонъ возмутилъ его душу и поселилъ въ ней страхъ, котораго ничто не могло истребить.

Ему приснилось, что онъ видитъ передъ собою огромное дерево, вѣтви котораго, простиравшіяся до небесъ, были обременены прекраснѣйшими плодами; животныя всѣхъ родовъ искали убѣжища подъ тѣнію этого дерева и всѣ птицы небесныя гнѣздились на немъ. Но раздался звучный и страшный голосъ, нисходившій по-

видимому съ неба, и произнесъ слѣдующія слова: «Подсѣките это дерево подъ самый корень, обрубите его вѣтви, и только корень оставьте въ землѣ. Пусть оно будетъ связано узами желѣзными и среди полей питается травою, какъ дикое животное; пусть отнимется у него сердце человѣка и дастся сердце скота на семь лѣтъ.»

Это сновидѣніе показалось Навуходоносору необыкновеннымъ. Но вы не разъ встрѣтите въ исторіи, что и великіе люди приходятъ въ безпокойство отъ подобныхъ сновидѣній, хотя часто отъ насъ самихъ, отъ расположенія духа зависитъ хорошій или худой сонъ.

Встревоженный Навуходоносоръ тотчасъ послалъ за жрецами вавилонскими и требовалъ у нихъ объясненія своему видѣнію. Но жрецы отказались истолковать таинственный сонъ Навуходоносору, потому что они въ немъ ничего не понимали. Только Даніилъ, юный пророкъ израильскій, могъ дать удовлетворительный отвѣтъ.

«Государь, сказалъ Даніилъ, когда привели его къ Навуходоносору, голосъ, который ты слышалъ и который исходилъ съ неба, есть голосъ самаго Бога. Онъ возвѣстилъ тебѣ наказаніе за твою гордость. Ты придешь въ состояніе животнаго, и подобно волу будешь питаться травою

въ теченіи семи лѣтъ; между тѣмъ государство твое будетъ сохранено для тебя и по прошествіи семи лѣтъ, снова вступишь на престолъ, и будешь такимъ же могущественнымъ монархомъ, какъ и теперь.»

Навуходоносоръ отвѣчалъ улыбкою на это объясненіе, но въ глубинѣ души его осталось сильное безпокойство, котораго онъ никакъ не могъ разсѣять.

Не прошло и года, какъ однажды, расхаживая по своему дворцу и видя великолѣпныя зданія, воздвигнутыя имъ въ Вавилонѣ, Навуходоносоръ воскликнулъ съ гордостію: »вотъ Вавилонъ, который я украсилъ, и который навсегда останется памятникомъ моей славы». Произнося эти слова онъ готовъ былъ вѣрить, что онъ Богъ.

Но страшное наказаніе тотчасъ дало ему почувствовать, что онъ человѣкъ, и человѣкъ виновный. Пророчество Даніила исполнилось: Навуходоносоръ внезапно потерялъ разсудокъ; оставя свои чертоги семь лѣтъ бродилъ по полямъ и питался травою. Длинные волосы покрыли все его тѣло, а ногти на рукахъ и ногахъ сдѣлались подобными когтямъ птицы.

Когда время наказанія прошло, Навуходоносоръ былъ отысканъ придворными, вновь по-

лучилъ и разсудокъ и человѣческій образъ, и опять сдѣлался государемъ великимъ и страшнымъ. Онъ смирился и позналъ, что Богъ сильнѣе всѣхъ сильныхъ земли. Конецъ его царствованія былъ еще славнѣе, нежели начало. Умирая, онъ оставилъ престолъ сыну своему Валтасару, о которомъ вскорѣ услышите.

КОЛЬЦО ГИГЕСОВО.

За 727 лѣтъ до Р. Х.

Кромѣ трехъ государствъ, о которыхъ мы говорили, въ Азіи находилось много и другихъ: значительнѣе прочихъ было государство Лидійское. Оно занимало почти всю Малую-Азію. Такъ называется полуостровъ, отдѣленный отъ Азіи рѣкою Евфратомъ и высокими горами, извѣстными подъ именемъ Тавра.

Удивительное сказаніе сохранилось о Кандаулѣ, древнѣйшемъ лидійскомъ царѣ; оно, надѣюсь, займетъ и васъ.

У Кандаула была жена, необыкновенная красавица; онъ любилъ ее страстно.

Въ Азіи и теперь еще господствуетъ обычай, что женщины не показываются мужчинамъ и не выходятъ изъ дому безъ покрывала; только отецъ или супругъ могутъ видѣть ихъ лице. При томъ же онѣ рѣдко выходятъ изъ дому, а сидятъ во внутреннихъ комнатахъ, подъ строгимъ надзоромъ невольниковъ, которые ни съ кѣмъ не позволяютъ имъ разговаривать; принудить женщину поднять покрывало, значило бы нанесть ей величайшее оскорбленіе.

Въ числѣ придворныхъ Кандаула находился Гигесъ, смотритель стадъ его. Кандаулъ любилъ Гигеса искренно, и желая похвалиться передъ нимъ необыкновенною красотою своей супруги, обѣщалъ ему показать ее тайно.

Сказано, сдѣлано. Безразсудный Кандаулъ скрылъ Гигеса въ такомъ мѣстѣ, откуда онъ могъ видѣть царицу. Казалось бы, въ томъ не было еще большой бѣды; но царица замѣтила Гигеса, когда онъ выходилъ изъ покоя, и такъ разсердилась на супруга, что въ ту же минуту рѣшилась жестоко отмстить ему за обиду.

Она тайно призвала Гигеса и дала ему на выборъ загладить проступокъ или собственною своею смертію, или смертію царя.

Гигесъ не долго размышлялъ—онъ рѣшился умертвить Кандаула, при первомъ удобномъ случаѣ.

Разсказываютъ, что у Гигеса былъ перстень, или кольцо, удивительнаго свойства: когда онъ подносилъ его къ лицу, то вдругъ дѣлался невидимкою. Такимъ образомъ, безъ опасенія быть замѣченнымъ, онъ могъ наблюдать все, что происходило вокругъ него.

Нужно ли говорить, что такого перстня не было и быть не могло. Но въ прежнія времена, когда вообще любили чудесное, слѣпо вѣрили, что онъ дѣйствительно существовалъ. Для насъ же это просто можно объяснить тѣмъ, что Гигесъ былъ хитръ и лукавъ, и при этихъ качествахъ успѣшно исполнялъ свои намѣренія, что для другаго казалось вовсе невозможнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ ему удалось воспользоваться довѣрчивостью несчастнаго Кандаула и умертвить его. Озлобленная супруга царя дѣйствовала за одно съ Гигесомъ, и послѣ вышла за него за мужъ, отдавъ ему вмѣстѣ съ рукою и корону.

Такъ неблагоразумная и неприличная болтливость Кандаула и его хвастливость были причиною, что онъ потерялъ жену-красавицу, корону и жизнь.

Гигесъ спокойно царствовалъ въ Лидіи. По смерти его долго разсказывали объ его чудесномъ кольцѣ, которое будто бы доставило ему престолъ.

КРЕЗЪ И СОЛОНЪ.

ЗА 546 ЛѢТЪ до Р. Х.

Можетъ быть вамъ случалось слышать, что о человѣкѣ богатомъ, говорятъ: «онъ настоящій Крезъ.» Выслушайте же исторію этого Креза, который также былъ царемъ лидійскимъ, однимъ изъ преемникомъ гигесовыхъ.

Во-первыхъ въ похвалу Креза надо сказать, что онъ любилъ просвѣщеніе, уважалъ ученыхъ, старался привлекать ихъ къ своему двору, не безъ основанія думая, что общество ихъ можетъ быть для него полезнымъ.

Къ сожалѣнію, онъ слишкомъ былъ избалованъ счастіемъ, и воображалъ, что богатство можетъ все замѣнить, и что кромѣ богатства нѣтъ другаго высшаго блага на землѣ.

Въ Сардесъ, столицу Лидійскаго государства, прибылъ однажды путешественникъ, Грекъ

Солонъ. Онъ родился въ знаменитомъ городѣ Аѳинахъ, который за нѣсколько столѣтій еще основанъ въ Греціи Кекропсомъ, Египтяниномъ. Крезъ былъ радъ прибытію такого гостя, принялъ его съ большими почестями и велѣлъ показать ему всю пышность своего двора. Но блескъ не ослѣпилъ мудреца Солона, привыкшаго цѣнить людей болѣе по добродѣтелямъ, нежели по богатству.

На другой день, желая насладиться бесѣдою гостя, Крезъ приказалъ позвать его къ себѣ. Солонъ принялъ приглашеніе, хотя и не любилъ хвалиться познаніями и выставлять ихъ передъ другими; но онъ надѣялся сообщить лидійскому монарху нѣсколько совѣтовъ, полезныхъ для его государства.

Крезъ, по обыкновенію, завелъ рѣчь о своихъ сокровищахъ, о дворцахъ и о своей обширной монархіи; наконецъ спросилъ Солона: есть ли въ цѣломъ мірѣ кто нибудь счастливѣе его?

Такой вопросъ былъ сдѣланъ по безумной гордости лидійскаго государя. Нѣтъ ничего скучнѣе и утомительнѣе, какъ слушать, когда твердятъ о своихъ богатствахъ, о своихъ достоинствахъ и вообще о своей личности. Это признакъ ума ограниченнаго, признакъ самолюбія,

которое должно тщательно удерживать, если не хочешь казаться смѣшнымъ. Солонъ могъ бы тоже самое замѣтить и Крезу, но онъ довольствовался разсказомъ слѣдующей исторіи.

«Недавно на моей родинѣ жилъ человѣкъ, котораго благополучію нельзя не позавидовать. Это былъ простой гражданинъ аѳинскій, по имени Теллъ. Въ молодости онъ благотворилъ ближнимъ, помогалъ бѣднымъ, утѣшалъ несчастныхъ и подавалъ согражданамъ хорошій примѣръ и благоразумные совѣты. Лѣта зрѣлаго возраста его протекли въ счастливой посредственности; онъ съ удовольствіемъ видѣлъ умноженіе своего семейства, дѣтей и внуковъ, и наконецъ умеръ со славою, сражаясь за отечество.»

Крезъ улыбнулся презрительно, выслушавъ этотъ расказъ; онъ не могъ подумать, чтобъ какой нибудь простолюдинъ, безъ власти и богатства, былъ счастливъ; но изъ учтивости снова обратился къ Солону, и спросилъ: по крайней мѣрѣ послѣ Телла не могу ли я почесться первымъ счастливцемъ между людьми?

«Въ Греціи, отвѣчалъ мудрецъ, я зналъ двухъ молодыхъ людей; ихъ любили всѣ безъ исключенія за то, что они съ нѣжною заботливостію старались угождать малѣйшимъ желаніямъ

престарѣлой и дряхлой своей матери. Однажды этой доброй женщинѣ нужно было отправиться въ храмъ для совершенія обрядовъ; но волы, на которыхъ она хотѣла ѣхать, не были приведены ко времени. Тогда сыновья, отъ природы сильные и крѣпкіе, сами повезли колесницу до храма; народъ восклицаніями привѣтствовалъ добрыхъ юношей и поздравлялъ счастливую мать съ такими прекрасными дѣтьми, а она тронутая до глубины сердца, молила боговъ ниспослать ея дѣтямъ все, что есть лучшаго въ мірѣ, и молитвы ея были скоро услышаны: едва окончилось жертвоприношеніе, какъ оба брата заснули сномъ пріятнымъ и непробуднымъ.

Въ храмѣ, въ которомъ они скончались, воздвигли имъ статуи, и память ихъ до сихъ поръ чтится всѣми матерями, которыя желаютъ себѣ подобныхъ дѣтей.»

Крезъ пожалъ плечами и воскликнулъ: «И такъ нужно умереть, чтобы увѣриться, были ли мы благополучны при жизни? И не счастливѣе ли я во сто разъ этихъ двухъ юношей, которые такимъ образомъ потеряли жизнь; я одинъ изъ величайшихъ государей, обладатель несмѣтныхъ сокровищъ.» Послѣ этого онъ продолжалъ хва-

литься своимъ могуществомъ и исчислять свои богатства.

«Государь, прервалъ его Солонъ, не считай вѣчнымъ счастія, которымъ ты теперь наслаждаешься; никто не можетъ назвать себя счастливымъ прежде смерти.» Сказавъ это, Солонъ вышелъ, и оставилъ Креза болѣе изумленнымъ, нежели расположеннымъ воспользоваться даннымъ урокомъ.

Скоро мы увидимъ, какъ справедливо и основательно говорилъ Солонъ, увидимъ и услугу, какую оказалъ онъ Крезу, который потомъ и самъ не могъ надивиться его прозорливости.

ЭЗОПЪ ВЪ ЛИДІИ.

около 570 г. до Р. Х.

Самосцы, т. е. жители острова Самоса, сосѣдственнаго съ Лидіею, оскорбили Креза. Крезъ приготовился-было жестоко отмстить за обиду, и хотѣлъ послать противъ нихъ многочисленное войско; но устрашенные Самосцы, чтобъ умилостивить его, отправили къ нему посла, извѣстнаго оборотливостію своего ума.

Посолъ назывался Эзопомъ. Если бъ нарисовать его портретъ, то иные не могли бы удержаться отъ смѣха, хотя неблагоразумно шутить надъ тѣлесными недостатками.

Эзопъ былъ малъ ростомъ, ноги у него были кривыя, голова большая и уродливая, ротъ широкій. Но при такой невыгодной наружности, онъ обладалъ острымъ умомъ и такимъ любезнымъ характеромъ, что привлекалъ къ себѣ всякаго, кто только зналъ его.

Эзопъ, представляясь государю лидійскому, былъ одѣтъ въ богатую мантію, которая нѣсколько скрывала его уродливость. Но взглянувъ на него, Крезъ все таки не могъ утаить изумленія и нѣкотораго рода ужаса. «Что это значитъ?» вскричалъ онъ; неужели Самосцы хотятъ смѣяться надо мною, отправивъ ко мнѣ такого посла?» Но гнѣвъ его скоро превратился въ удивленіе, когда онъ позволилъ Эзопу изложить причину его посольства, и когда Эзопъ, простершись передъ нимъ, по обычаю Азіятцевъ, разсказалъ ему слѣдующую басню.

«Нѣкто ловилъ на своемъ полѣ саранчу и случайно поймалъ кузнечика; онъ готовился было умертвить его также, какъ умерщвлялъ саранчу; но вдругъ кузнечикъ сказалъ ему: чѣмъ

обидѣлъ я тебя, что ты такъ жестоко хочешь поступить со мною? Я не ѣлъ твоего хлѣба, и никакого вреда тебѣ не сдѣлалъ! У меня ничего нѣтъ кромѣ голоса, который и употребляю на невинное удовольствіе пѣть утромъ и вечеромъ. Великій государь! ты этотъ ловецъ, а я — пойманный кузнечикъ! Кромѣ голоса у меня нѣтъ ничего, и я вѣрно не дерзнулъ имъ обидѣть тебя.»

Крезу понравилась эта басня; онъ ласково поднялъ Эзопа, но все еще сердился на Самосцевъ и не хотѣлъ простить ихъ. Тогда Эзопъ разсказалъ другую басню; она такъ полюбилась лидійскому царю, что онъ совсѣмъ пересталъ сердиться.

«Нѣкогда овцы и волки, наскучивъ непрерывною войною, заключили миръ. Волки поклялись не трогать овецъ, если только онѣ выдадутъ собакъ, которыя ихъ стерегутъ. Легковѣрныя овцы согласились; но волки, растерзавъ собакъ, напали на овецъ и передушили ихъ, потому что у нихъ не было уже защитниковъ.»

«Ты, государь, во мнѣ видишь вѣрную собаку, оберегающую жителей Самоса; захочешь ли ты наказать Самосцевъ, когда ихъ стражъ находится въ твоихъ рукахъ?»

Эта басня показалась Крезу довольно забавною, и Эзопъ долженъ былъ для него написать ее, вмѣстѣ съ другими своими баснями. У Эзопа много было такихъ замысловатыхъ побасенокъ, въ которыхъ онъ заставлялъ говорить животныхъ, чтобы научать людей.

По нѣкоторомъ размышленіи Крезъ согласился простить Самосцовъ, убѣдилъ Эзопа остаться въ Лидіи и осыпалъ его благодѣяніями.

Не смотря на свое безобразіе, Эзопъ достоинъ былъ такой участи. Умъ и свѣдѣнія его въ самомъ дѣлѣ были удивительны; въ молодости онъ былъ бѣднымъ невольникомъ, которымъ всякой пренебрегалъ за его безобразіе; но дарованія освободили его отъ рабства, даже снискали ему расположеніе Креза. Крезъ, съ своей стороны, никогда не раскаявался въ томъ, что благодѣтельствовалъ Эзопу, который вѣрно служилъ ему и совѣтами и познаніями, и всегда доказывалъ ему искренно свою признательность.

Эзопъ — творецъ тѣхъ прекрасныхъ басень, которыя вы, безъ сомнѣнія, уже читали. Когда станете ихъ перечитывать, вспомните, что Эзопъ не только умѣлъ давать хорошіе уроки въ разсказахъ, но и жизнію своею служилъ примѣромъ для другихъ.

ЮНОСТЬ КИРА.

595 — 560 г. до Р. Х.

Астіагъ, царь мидійскій, преемникъ Ціаксара I, разрушителя Ниневіи, выдалъ дочь свою Мандану за знатнаго Перса.

Въ то время Персія не была еще государствомъ обширнымъ и могущественнымъ, какимъ она явилась въ послѣдствіи. Это былъ незначительный участокъ земли, населенный, правда, народомъ крѣпкимъ и храбрымъ, но немногочисленнымъ, и притомъ раздѣленнымъ на небольшія орды, независимыя одна отъ другой. Зять Астіага былъ начальникомъ или княземъ одной изъ этихъ ордъ. Царь мидійскій нарочно выдалъ дочь свою за такаго незначительнаго владѣтеля: по предсказаніямъ жрецовъ, онъ страшился быть сверженнымъ съ престола своимъ внукомъ.

У Персовъ было обыкновеніе отдавать дѣтей своихъ съ юныхъ лѣтъ въ общественныя школы; тамъ они пріучались искусно владѣть и ловко дѣйствовать оружіемъ, особенно же пріуча-

лись къ терпѣнію, покорности и воздержанію; на послѣдній предметъ устремлено было главное вниманіе воспитателей, потому-что умѣренность открываетъ путь къ другимъ добродѣтелямъ. Персскимъ юношамъ не давали никакой другой пищи, кромѣ хлѣба и воды.

Дочь астіагова, выданная за владѣтеля перскаго, родила сына, котораго назвали Киромъ.

Этотъ ребенокъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ обнаружилъ необыкновенныя дарованія. Мандана, какъ нѣжная мать, не оставила ихъ неразвитыми; она отдала Кира въ общественную школу, гдѣ онъ и воспитывался наравнѣ съ другими молодыми Персами. Извлекъ ли юный царевичъ какую нибудь пользу для себя изъ уроковъ въ школѣ, увидимъ послѣ.

Когда Киру исполнилось двѣнадцать лѣтъ, мать отвезла его къ дѣду Астіагу, который принялъ внука весьма ласково; онъ увидѣлъ, что Киръ былъ милый и образованный мальчикъ. Но внукъ, съ своей стороны, получилъ не очень выгодное понятіе о дѣдѣ, увидѣвъ его раскрашенное лице, насурмленныя брови и на головѣ накладные волосы; при томъ же старикъ носилъ длинную пурпуровую мантію и увѣшанъ былъ ожерельями и браслетами, по обычаю Мидянъ.

Этотъ странный нарядъ, никогда невиданный въ Персіи, удивилъ Кира. Однако жъ онъ былъ такъ скроменъ и почтителенъ къ своему дѣду, что не показалъ изумленія. Ловкостью и быстрыми отвѣтами онъ чрезвычайно понравился старику. Астіагъ не хотѣлъ и разставаться съ нимъ, и надѣялся удержать его при своемъ дворѣ, доставляя ему каждый день новыя зрѣлища и новыя удовольствія.

Однажды данъ былъ для Кира роскошный пиръ. Дѣдъ, замѣтивъ что внукъ его съ презрѣніемъ смотрѣлъ на вкусныя яства, поставленныя передъ нимъ, съ участіемъ спросилъ его: «развѣ ты не хочешь ѣсть»? «Нѣтъ», отвѣчалъ маленькій гость, «я не привыкъ къ такимъ кушаньямъ; на моей родинѣ обыкновенно утоляютъ голодъ просто хлѣбомъ.»

Астіагъ улыбнулся при такомъ отвѣтѣ ребенка, и приказалъ ему все, что было на столѣ, раздѣлить гостямъ. Киръ не заставилъ повторить себѣ приказанія, и тотчасъ все лучшее раздѣлилъ собесѣдникамъ; только Сакасъ не получилъ отъ него ничего.

Сакасъ былъ царскимъ кравчимъ, т. е. на немъ лежала обязанность подносить государю вино, и эту обязанность выполнялъ онъ съ осо-

бенною ловкостью. Примѣтивъ обиду, нанесенную кравчему, Астіагъ сказалъ, обратясь къ внуку: «искуснѣе Сакаса никто не умѣетъ налить моей чаши; я не могу обойтись безъ его услугъ и люблю его больше другихъ.»

«А развѣ этого довольно, отвѣчалъ Киръ, чтобъ удостоиться твоей милости? Если такъ, то я надѣюсь скоро заслужить ее, и увѣренъ, что еще лучше Сакаса налью тебѣ чашу.»

Въ ту же минуту онъ нарядился въ одежду кравчаго, важно выступилъ впередъ, и держа тремя пальцами царскую чашу, поднесъ ее Астіагу съ такою пріятностью, что всѣ гости были имъ очарованы. Киръ, прыгая отъ радости, сказалъ: «бѣдный Сакасъ! я хочу быть самъ на твоемъ мѣстѣ»; но дѣдъ, подозвалъ его къ себѣ, обнялъ и произнесъ: «внукъ мой! я доволенъ тобой; я видѣлъ, что ты искусный кравчій; но ты забылъ одинъ важный обрядъ: надобно было самому отвѣдать вино прежде, чѣмъ ты поднесъ его мнѣ».

«Я не забылъ, отвѣчалъ Киръ, отвѣдать его, а боялся въ немъ отравы».— «Отравы?»— «Да, сказалъ царевичъ, еще не такъ давно ты пировалъ съ своими царедворцами, и я имѣлъ случай замѣтить пагубное дѣйствіе вина; я видѣлъ

какъ твои гости мало по малу всѣ лишились разсудка: одинъ кричалъ, другой пѣлъ; всѣ шумѣли и не понимали другъ друга; собесѣдники твои забыли, казалось, что ты царь ихъ, а ты забылъ, что они твои подданные; наконецъ ты хотѣлъ было встать, и не могъ».

«Какъ, возразилъ Астіагъ, развѣ ты никогда не видывалъ отца своего въ такомъ же положеніи?»

«Никогда, отвѣчалъ Киръ; онъ пьетъ всегда столько, сколько нужно, чтобъ утолить только жажду!»

Внукъ удивилъ дѣда благоразуміемъ, и далъ нетолько ему, но и всѣмъ вельможамъ мидійскимъ, похвальный урокъ воздержанія. Мидяне долго говорили объ этомъ урокѣ; но тотчасъ же и забывали о немъ, когда видѣли передъ собою превосходное ассирійское вино.

Юный Киръ еще нѣсколько времени оставался при Астіагѣ, желая научиться верховой ѣздѣ, которая была въ маломъ употребленіи у Персовъ. Въ песчаной и гористой Персіи нельзя было такъ разводить лошадей, какъ въ Мидіи, на ея тучныхъ пастбищахъ.

БИТВА ТИМБРЕЙСКАЯ.

560 — 546 г. до Р. Х.

Киръ, сдѣлавшись по смерти отца своего повелителемъ Персовъ, оправдалъ надежды, которыя подалъ о себѣ еще въ юности. Подданные благоденствовали въ его правленіе; храбрый и мужественный въ битвахъ, онъ сдѣлался наконецъ основателемъ обширной монархіи, какой не существовало со временъ Семирамиды.

Между государями мидійскимъ и вавилонскимъ вспыхнула вражда. Въ Мидіи въ это время уже не было Астіага: онъ умеръ, оставивъ престолъ сыну своему Ціаксару II. Ціаксаръ, не надѣясь одинъ одолѣть враговъ, прибѣгнулъ къ помощи племянника своего Кира.

Киръ тотчасъ выступилъ въ походъ. Войско его было немногочисленное, но состояло изъ храбрыхъ молодыхъ людей, совершенно преданныхъ своему вождю; они воспитывались съ нимъ вмѣстѣ въ общественныхъ школахъ; Киръ всѣхъ ихъ зналъ даже по именамъ, и обходился съ ними болѣе, какъ другъ и товарищъ, нежели какъ повелитель. Ціаксаръ встрѣтилъ Кира съ не-

описанною радостью, и оба они положили немедленно двинуться противъ Вавилонянъ, съ которыми, на бѣду свою, соединился уже извѣстный вамъ Крезъ. Гордость заставила Креза вмѣшаться въ войну, которая до него нисколько не касалась. Онъ, по надменности своей, презиралъ Персовъ и Мидянъ, первыхъ за ихъ простоту, а послѣднихъ за изнѣженность.

Неподалеку отъ города Сардеса, на мѣстѣ, называемомъ Тимбрея, Крезъ собралъ значительныя силы. Киръ, услышавъ объ этомъ, быстро устремился на лидійскаго государя, и хотя зналъ, что непріятель вдвое многочисленнѣе, но напалъ на него и завязалъ жестокое сраженіе. Это сраженіе чрезвычайно важно по своимъ послѣдствіямъ: оно доставило возможность Мидянамъ и Персамъ завладѣть Азіею и было причиною разрушенія могущественнаго государства.

Битва тимбрейская въ самомъ дѣлѣ была ужасная. Киръ показалъ въ ней удивительное мужество. Въ сраженіи подъ нимъ убита лошадь и самъ онъ едва не попалъ въ плѣнъ; но эта опасность только на нѣсколько минутъ отсрочила пораженіе Лидянъ. Когда Киръ снова явился передъ своими воинами, Лидяне въ ту же минуту обратились въ бѣгство и разсѣялись; ихъ

военныя колесницы, вооруженныя острыми косами, опрокинуты; подвижныя башни, наполненныя воинами, разрушены; самъ Крезъ, послѣ мужественнаго сопротивленія, долженъ былъ оставить кровавое поле и искать спасенія въ стѣнахъ столицы. Тутъ онъ убѣдился, что сокровища его были безполезны въ такой крайней опасности.

Преслѣдуя побѣжденныхъ, Киръ тотчасъ явился передъ Сардесомъ. Крезъ заперся въ своемъ дворцѣ; между тѣмъ побѣдитель окружилъ городъ со всѣхъ сторонъ и требовалъ у жителей все золото и серебро, сколько у нихъ ни было, обѣщая не дѣлать никому ни малѣйшаго зла, если повелѣніе его будетъ въ точности исполнено.

По тогдашнимъ обычаямъ, побѣдители, овладѣвъ непріязненнымъ городомъ, брали все, что находили въ немъ драгоцѣннаго; дѣлили даже жителей между собою, отводили ихъ въ рабство и продавали, какъ домашній скотъ. Слѣдовательно Киръ поступилъ снисходительно, даровавъ Сардесцамъ жизнь и свободу, и отнявъ у нихъ только драгоцѣнности для своего войска. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи Крезъ рѣшился по крайней мѣрѣ со славою умереть; еще разъ хотѣлъ испытать счастіе и ввѣрить судьбу

оружію. Вновь произошло сраженіе, въ которомъ Крезъ едва не лишился жизни. Одинъ Персъ, незнавшій его въ-лицо, занесъ уже на него свою саблю и, можетъ быть, убилъ бы его, если бъ юный сынъ царя не отвратилъ смертоноснаго удара. Царевичъ былъ нѣмъ отъ рожденія, но видя надъ отцомъ грозную опасность, сдѣлалъ усиліе, которое развязало ему языкъ, и онъ вскричалъ: Воинъ! не убивай Креза. Персъ опустилъ мечъ, обезоружилъ Креза и представилъ его Киру, въ надеждѣ получить щедрую награду.

Какъ трогательна и наставительна исторія нѣмаго царевича! Чего не въ состояніи сдѣлать добрый сынъ для своего родителя? Дѣтская любовь побѣдила здѣсь самую природу и разорвала узы, которыхъ прежде не могли расторгнуть никакія усилія. И благородный юноша съ избыткомъ былъ награжденъ за горячую любовь къ родителю: съ тѣхъ поръ онъ получилъ даръ слова, и началъ говорить свободно.

Между тѣмъ Киръ принялъ лидійскаго государя, какъ обыкновенно принимаютъ несчастныхъ. Униженный плѣнникъ наконецъ увѣрился, что гордость ослѣпляла его, и что недостаточно обладать сокровищами, а надо еще умѣть и пользоваться ими.

Варварскій обычай тѣхъ временъ осуждалъ лидійскаго государя на сожженіе. Крезъ уже готовъ былъ взойти на роковой костеръ, какъ вспомнилъ слова Солона, что никто прежде смерти не можетъ назваться счастливымъ. Волнуемый горестнымъ чувствомъ, онъ вскричалъ нѣсколько разъ: «Солонъ! Солонъ! ты сказалъ мнѣ истину».

Киръ находился не далеко отъ костра. Услышавъ восклицаніе, онъ захотѣлъ узнать причину, и велѣлъ привести передъ себя Креза. Крезъ, коротко повторивъ наставленія солоновы, сказалъ, что если бъ онъ слѣдовалъ имъ, то не былъ бы теперь въ такомъ бѣдствіи. «Если такъ, отвѣчалъ Киръ, то я буду къ тебѣ справедливѣе, нежели счастіе; я дарую тебѣ не только жизнь, но хочу, что бъ ты пользовался и царскими почестями.»

И въ самомъ дѣлѣ Крезу былъ данъ особый дворецъ, и дружба персскаго монарха заставила его забыть недавнія бѣдствія. Онъ чувствовалъ себя несравненно счастливѣе съ тѣхъ поръ, какъ простился съ заботами о сокровищахъ, которыя приготовили ему гибель. Такъ благоразумные совѣты мудреца спасли жизнь одному изъ монарховъ, а другому дали поводъ совер-

шить прекрасное дѣло, болѣе славное, нежели побѣда, или покореніе области.

Дѣйствительно, богатство тогда только бываетъ благимъ даромъ Провидѣнія, когда мы умѣемъ имъ пользоваться; иначе, оно приноситъ болѣе вреда, нежели пользы, особенно, если отъ него поселится въ насъ гордость.

ПИРЪ ВАЛТАСАРОВЪ.

548 — 536 г. до Р. Х.

Киру, для удовлетворенія его властолюбія, не доставало еще Вавилона. И этотъ монархъ не былъ изъятъ отъ недостатка, очень свойственнаго людямъ. Безспорно, стремленіе къ славѣ производитъ великихъ людей; но нерѣдко оно же бываетъ источникомъ и бѣдствій народныхъ.

Въ Вавилонѣ царствовалъ Валтасаръ, сынъ и преемникъ Навуходоносора II, государь изнѣженный и невоздержный. Онъ воскресилъ гнусные пороки, которыми запятналъ себя Сарданапалъ. Труды воинскіе и дѣла государственныя ему равно были несносны; для него всего чувствительнѣе было пропустить хотя одинъ день безъ пиршества. Онъ каждый вечеръ и пировалъ въ

своемъ дворцѣ, не смотря на приближеніе войскъ Кира.

Такимъ образомъ, однажды, когда онъ роскошествовалъ съ знатнѣйшими вельможами вавилонскими и съ прекраснѣйшими женщинами своего двора, вдругъ пришло ему въ голову странное желаніе: онъ потребовалъ, чтобы подавали вино въ тѣхъ самыхъ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ, которые Навуходоносоръ, отецъ его, похитилъ изъ храма іерусалимскаго. Но едва эти сосуды, удивительные не только по драгоцѣнности металла, но и по изяществу отдѣлки, были принесены, какъ въ ту же минуту увидѣли руку, чертившую на стѣнѣ какія-то непонятныя письмена.

Валтасаръ не могъ скрыть ужаса при этомъ явленіи; онъ собралъ къ себѣ волхвовъ, жрецовъ огня, которому покланялись Вавилоняне, гадателей, людей занимавшихся чародѣйствомъ и астрологовъ, т. е. ложныхъ астрономовъ, о которыхъ думали, что они могли по звѣздамъ узнавать будущее. Однако жъ никто не разгадалъ, что написала на стѣнѣ таинственная рука.

Слухъ объ этомъ происшествіи скоро дошелъ и до Нитокрисы, матери царя вавилонскаго. Пришедши въ собраніе, она убѣдила сына немед-

ленно призвать того Израильтянина, который прежде истолковалъ сонъ Навуходоносора.

Даніилъ былъ уже старъ въ это время, но не утратилъ еще дара пророчества. Взглянувъ на роковыя слова, онъ тотчасъ объявилъ, что они произносятся такъ: мани, ѳекелъ, фаресъ.

Царь Вавилонскій пожелалъ узнать ихъ значеніе, и Даніилъ сказалъ:

«Государь! это значитъ, что Богъ опредѣлилъ конецъ твоему царствованію; что Онъ взвѣсилъ тебя на Своихъ вѣсахъ, и что царство твое скоро раздѣлится между Мидянами и Персами.»

Такой отвѣтъ привелъ въ ужасъ присутствовавшихъ; всѣ въ смятеніи смотрѣли другъ на друга; но Валтасаръ, не воображая чтобъ гроза бѣдствія была такъ близка, продолжалъ пировать по прежнему, и приказалъ веселиться всѣмъ, во всю ночь. Онъ самъ подавалъ примѣръ неумѣренности, и всюду, въ царскихъ чертогахъ и на улицахъ, слышны были только крики пирующихъ и звуки музыки.

Между тѣмъ Киръ подступилъ подъ самыя стѣны Вавилона, и узнавъ, что жители этой столицы, по примѣру своего государя, предались разгулу, поспѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. Среди общаго безпорядка, онъ

вторгнулся въ городъ и овладѣлъ имъ, почти безъ сопротивленія.

Нетрезвый Валтасаръ хотѣлъ выйти на встрѣчу врагу, который такъ нечаянно застигъ его, но былъ убитъ Персами. Та же участь постигла большую часть его собесѣдниковъ.

И такъ слова Даніиловы исполнились почти въ самую минуту предсказанія; славный Вавилонъ сдѣлался добычею Мидянъ и Персовъ; часть великолѣпнѣйшихъ его зданій была разрушена; преемники Кировы устроили въ немъ звѣринецъ, гдѣ содержали дикихъ звѣрей для травли.

Смерть Валтасара въ другой разъ положила конецъ ассирійской монархіи; Киръ присоединилъ ее къ своимъ владѣніямъ. Вскорѣ перешла къ нему и Мидія, по смерти дяди его Ціаксара II. Тогда государь персскій явился однимъ изъ могущественнѣйшихъ владыкъ въ цѣломъ свѣтѣ.

Киръ обладалъ многими прекрасными качествами и былъ достоинъ своего высокаго жребія; вся жизнь его представляетъ цѣпь дѣйствій благородныхъ и похвальныхъ: въ юности трезвый и воздержный, онъ и въ старости сохранилъ бодрость духа и силы тѣлесныя.

КАМБИЗЪ ВЪ ЕГИПТѢ.

530 — 522 г. до Р. Х.

Послѣ Кира остались два сына; старшій назывался Камбизомъ, а младшій Смердисомъ.

Камбизъ наслѣдовалъ престолъ; но онъ вовсе не походилъ на своего отца: вспыльчивый, жестокій, онъ соединялъ въ себѣ и другіе пороки. Отцовская простота въ одеждѣ и пищѣ ему не нравилась; онъ ввелъ между Персами вавилонскіе и мидійскіе обычаи, которые юному Киру, во время пребыванія его у Астіага, казались смѣшными и недостойными.

Камбизъ всегда являлся въ длинной, вышитой пурпуровой мантіи, увѣшанный золотыми цѣпями, съ алмазными запястьями, съ лицомъ нарумяненнымъ и съ подкрашенными бровями. Головной уборъ его былъ усыпанъ крупными алмазами.

Эта придворная роскошь и великолѣпіе скоро распространились и въ низшихъ классахъ народа, какъ и всегда бываетъ. Въ короткое время Персы сдѣлались народомъ такимъ же изнѣженнымъ и презрѣннымъ, какъ и народы, ими покоренные.

къ Стр. 76.

1.й Мидійскій Воинъ.
2.й Египетскій пѣшій Воинъ.

Камбизъ просилъ руки дочери египетскаго царя; но Амазисъ (имя египетскаго государя), знавшій свойства камбизовы, отвергъ его предложеніе.

Негодуя на отказъ и считая его для себя оскорбленіемъ, Камбизъ поклялся жестоко отмстить Амазису.

По восшествіи на престолъ первымъ его дѣломъ было вторженіе въ Египетъ. За войскомъ, которое онъ велъ съ собою, тянулись тысячи повозокъ съ пышными палатками и лакомыми яствами. Персскій монархъ особенно заботился о своей кухнѣ, и наблюдалъ, чтобъ въ ней не было ни въ чемъ недостатка.

Но до вступленія въ Египетъ Персы должны были пройти Каменистую-Аравію, раздѣлявшую оба непріязненныя государства. Замѣтьте, что въ этой странѣ нѣтъ вовсе рѣкъ, даже самые маленькіе ручейки весьма рѣдки, и войско камбизово непремѣнно погибло бы въ ней отъ жажды и утомленія, если бъ одинъ арабскій князь не снабжалъ его водою въ продолженіе всего пути.

Воду привозили изъ отдаленныхъ мѣстъ на верблюдахъ, въ кожаныхъ мѣшкахъ. Она въ большомъ количествѣ требовалась для воиновъ и для скота; бѣдныя животныя, палимыя знойнымъ солнцемъ, съ трудомъ двигались по раскален-

ному песку. Однако жъ Камбизу удалось наконецъ проникнуть въ Египетъ. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе, что противникъ его уже умеръ, и что сынъ и преемникъ амазисовъ, Псамменитъ, готовится встрѣтить его съ многочисленнымъ войскомъ.

Враги сошлись. Камбизъ воспользовался воинскою хитростію, которая привела непріятеля въ безпорядокъ и исторгла изъ рукъ его побѣду. Хитрость состояла въ томъ, что Камбизъ выставилъ впереди своего войска множество кошекъ, собакъ и другихъ животныхъ, которымъ покланялись Египтяне. Несмѣвшіе употребить оружія противъ своихъ боговъ, Египтяне легко были разбиты; Персы произвели между ними страшное пораженіе.

Эта побѣда открыла Камбизу свободный входъ въ Египетъ. Онъ овладѣлъ Пелузіей и многими другими городами; самъ Псамменитъ и его сыновья попали въ плѣнъ.

При такой удачѣ, персскій монархъ отправилъ посла въ Мемфисъ требовать у жителей безусловной покорности; но Мемфисцы, раздраженные Персами, умертвили посла и всю его свиту, хотя послы даже у самыхъ грубыхъ народовъ считались лицами неприкосновенными, и малѣйшая

обида послу наказывалась какъ важное преступленіе. Причина понятна: послы очень часто бываютъ вѣстниками мира и тишины и всегда представляютъ лицо своего государя.

Камбизъ, узнавъ о вѣроломномъ умерщвленіи въ Мемфисѣ своего посла, былъ раздраженъ до такой степени, что велѣлъ умертвить по десяти знатнѣйшихъ Египтянъ за каждаго погибшаго Перса. Въ числѣ этихъ несчастныхъ жертвъ находился одинъ изъ сыновей царя египетскаго; даже Псамменитъ, съ которымъ Камбизъ сначала обходился ласково, принужденъ былъ выпить отраву, отъ которой въ ту же минуту и умеръ. Мемфисъ за упорство жителей потерпѣлъ ужасное наказаніе.

Жестокость Камбиза привела въ ужасъ остальныхъ Египтянъ: они безусловно покорились ему и надолго остались подъ властью Персовъ. Но вы увидите, что персскій монархъ не умѣлъ благоразумно пользоваться своею побѣдой.

Горя нетерпѣніемъ удовлетворить мести, которую все еще питалъ къ Амазису, онъ велѣлъ извлечь трупъ этого государя изъ пирамиды и бросить его въ огонь. Бо́льшаго безчестія и вреда нельзя было нанести умершему! Вы помните, какъ дорожили Египтяне почестями погре-

бальными и что у нихъ запрещалось сжигать трупы. Да и не безумно ли нарушать тишину гробовъ, предметъ благоговѣнія у всѣхъ народовъ? Только безчувственный, для котораго ничего нѣтъ священнаго, рѣшается на такой поступокъ.

Въ другой разъ Камбизъ увидѣлъ, что Египтяне приносили жертву Апису; увлеченный гнѣвомъ, онъ бросился на священное животное и убилъ его мечемъ своимъ. Этотъ поступокъ совершенно вооружилъ Египтянъ противъ тирана. И послѣ, когда жестокость камбизова достигла высочайшей степени и превратилась въ какое-то неистовство, жрецы египетскіе всѣ свои бѣдствія приписывали праведному гнѣву умерщвленнаго божества.

Вообще Камбизъ оказывалъ къ вѣрѣ Египтянъ презрѣніе, котораго они никогда не могли забыть. И то надобно сказать, что иностранцу трудно было удержаться отъ смѣха или негодованія, когда Египтяне, въ траурѣ, съ выбритыми бровями, въ знакъ глубокой горести, погребали бальсамированныхъ кошекъ и собакъ. Но надобно помнить, что вѣротерпимость въ каждомъ человѣкѣ, а особенно въ государѣ, составляетъ высокую добродѣтель. Вѣротерпимостью называется

позволеніе каждому подданному государства исповѣдовать ту религію, въ которой онъ взросъ, которой слѣдовали его предки. Противъ заблужденій должно терпѣливо дѣйствовать кротостью и убѣжденіемъ, а не оскорбленіями и ожесточеннымъ преслѣдованіемъ. Это долженъ знать каждый благовоспитанный человѣкъ, который хочетъ быть полезнымъ для другихъ.

Удачное нападеніе на Египтянъ возбудило въ Камбизѣ охоту къ завоеваніямъ. Онъ часто слыхалъ объ Аммоніянахъ, народѣ, отдѣленномъ отъ Египта пустынями, подобными Каменистой-Аравіи. Необъятныя песчаныя равнины, гдѣ не было ни дерева, чтобъ укрыться отъ зноя, ни капли воды, чтобъ утолить жажду, повидимому, должны бы удержать Камбиза отъ безразсуднаго намѣренія покорить этотъ народъ. Но деспотъ не думалъ о препятствіяхъ и отправилъ часть своего войска противъ Аммоніянъ.

Едва войско углубилось въ эти обширныя пустыни, какъ на него обрушились всѣ бѣдствія. Персы, палимые солнцемъ и томимые жаждой, скитались нѣсколько времени по раскаленному песку, пока, истощившись въ силахъ, падали и умирали; тѣ же, которые были крѣпче и сильнѣе, шли далѣе, въ надеждѣ когда нибудь достигнуть

земли Аммоніянъ. Ихъ увѣряли, что эта страна покрыта роскошною зеленью, что она производитъ въ изобиліи пальмы и сочные плоды, какіе только растутъ въ жаркомъ климатѣ. Но они шли, долго шли, и все не видѣли конца роковому пути.

Какъ будто нарочно для увеличенія ужаса ихъ положенія, они усматривали иногда въ отдаленіи озеро или широкій ручей, осѣненный вѣтвистою рощею; имъ казалось, что они уже видятъ прозрачную поверхность воды, ощущаютъ прохладу, вѣющую отъ нея; одной капли достаточно было бы оживить истомленные члены; они толпою бросались къ ней, въ нетерпѣніи погрузиться въ прохладныя струи водъ и утолить нестерпимую жажду; полуживые достигали мѣста, гдѣ думали найти спасительную влагу . . . и чтоже? Взорамъ ихъ вдругъ открывался песокъ, бѣлѣвшій во всѣ стороны на необозримое пространство. И эти-то пески обольщенный глазъ принималъ издалека за обширную поверхность водъ.

Этотъ обманъ, такъ жестоко искушавшій несчастныхъ воиновъ камбизовыхъ, не былъ просто мечтою ихъ воображенія. Мнимыя рѣки и озера—явленіе очень обыкновенное въ пустыняхъ Африки; оно происходитъ отъ дѣйствія лучей

свѣта. Такія явленія, подобныя зеркальнымъ изображеніямъ въ воздухѣ, вообще свойственны степямъ, и называются маревомъ или миражемъ. Когда вы короче познакомитесь съ физикою, то лучше узнаете ихъ причину.

Не только зной и жажда губили Персовъ: нерѣдко въ этихъ пустыняхъ поднимается ужасный вихрь и движетъ цѣлыя горы песку. Горе путнику, если его застигнетъ этотъ вихрь! Онъ погибнетъ неизбѣжно!

Такова была участь войска, посланнаго персскимъ государемъ противъ Аммоніянъ. У него не было другихъ непріятелей, кромѣ вѣтровъ Ливійской пустыни (степь, окружавшая страну Аммоніянъ); но и этихъ непріятелей было довольно, чтобы въ конецъ истребить сильное войско: ни одинъ Персъ не спасся, не кому было и возвѣстить въ Египтѣ объ участи несчастныхъ товарищей; всѣ погребены въ пескахъ.

Въ то же время Камбизъ отправилъ къ царю эѳіопскому въ подарокъ золотыя запястья, пурпуровыя одежды, драгоцѣннѣйшіе ароматы и нѣсколько сосудовъ отличнаго вина. Но грубый Эѳіоплянинъ не обратилъ вниманія на драгоцѣнности: ему понравилось только вино. И дѣйствительно, пурпуровыя одежды, по знойному кли-

мату, были для него безполезны; золотыя запястья казались ему ничтожными украшеніями, приличными болѣе женщинѣ, нежели мужчинѣ, а ароматы еще лучшіе привозили ему изъ Аравіи. Однако жъ онъ не хотѣлъ остаться въ долгу у Камбиза и послалъ ему лукъ, такой огромный и тугой, что требовалась почти сверхъ-естественная сила, чтобъ натянуть его. Этимъ подаркомъ онъ намекалъ, что Персы до тѣхъ поръ не должны помышлять о покореніи Эѳіопіи, пока не научатся владѣть этимъ оружіемъ также хорошо, какъ владѣютъ имъ Эѳіопляне.

Камбизъ, раздраженный отвѣтомъ, съ бѣшенствомъ устремился противъ Эѳіоплянъ, но нигдѣ не встрѣчалъ ихъ. Въ странѣ, совершенно безплодной, войска его, безъ съѣстныхъ запасовъ, сначала кормились травами и кореньями, а потомъ лошадинымъ мясомъ; наконецъ голодъ дошелъ до того, что принудилъ нѣкоторыхъ рѣшиться на ужасную крайность, ѣсть другъ друга. Но между тѣмъ какъ бѣдные воины умирали съ голоду, у самого Камбиза была постоянно роскошная пища. За войскомъ слѣдовали верблюды, навьюченные всѣмъ, необходимымъ для царскаго стола. Камбизъ шелъ впередъ до тѣхъ поръ, пока увидѣлъ, что при немъ не осталось почти

никого. Тогда онъ поспѣшилъ возвратиться въ Египетъ, чтобъ не попасть въ руки Эѳіоплянъ, которые стали показываться теперь, въ надеждѣ докончить оружіемъ то, что начато голодомъ и лишеніями.

Сперва сопутствовалъ персскому монарху братъ его Смердисъ, который одинъ изъ всѣхъ Персовъ могъ натягивать лукъ, присланный царемъ эѳіопскимъ. Но завистливый Камбизъ возненавидѣлъ за это брата, и зная, что Смердиса любятъ воины, съ которыми онъ дѣлилъ обыкновенно всѣ нужды и труды, отослалъ его въ Персію, приказавъ тайно одному вельможѣ умертвить его.

Послѣ этого злодѣйства Камбизъ уже не зналъ границъ своему неистовству: онъ женился на родной своей сестрѣ, Мероѣ, и тѣмъ подалъ гибельный примѣръ царямъ персскимъ и египетскимъ. Но однажды, въ пылу гнѣва, онъ собственною рукой умертвилъ несчастную царицу. Наконецъ, готовый на новыя жестокости, онъ случайно ранилъ себя, садясь на лошадь, тѣмъ самымъ мечемъ, которымъ убилъ нѣкогда Аписа, и черезъ нѣсколько дней умеръ. Египтяне радовались его смерти, и считали ее праведнымъ наказаніемъ за святотатство.

СМЕРДИСЪ-ВОЛХВЪ.

522 г. до Р. Х.

Камбизъ, отправляясь въ Египетъ, оставилъ правителемъ Персіи Патизиѳа, вельможу и главнаго начальника волхвовъ. Патизиѳъ сперва хранилъ вѣрность къ своему государю; но увидѣвъ, что Камбиза никто не любитъ за его жестокость, и узнавъ въ то же время о гибели юнаго Смердиса, которую тщательно скрывали, рѣшился воспользоваться этими обстоятельствами. У него блеснула мысль замѣнить Смердиса однимъ изъ своихъ братьевъ, который, какъ говорятъ, удивительно походилъ на умерщвленнаго царевича.

Мнимый Смердисъ былъ Мидянинъ, жрецъ огня, а потому и называютъ его Смердисомъ-Волхвомъ. Какъ онъ дѣйствительно имѣлъ большое сходство съ меньшимъ братомъ камбизовымъ, то Персы почитали его дѣйствительно за Смердиса и возвели на престолъ даже прежде, чѣмъ смерть освободила ихъ отъ жестокаго Камбиза.

Въ самомъ дѣлѣ у Персовъ могли удаваться

подобныя хитрости; у нихъ былъ такой же обычай, какъ и у Ассиріянъ (припомните исторію Сарданапала): немногіе вельможи пользовались правомъ приближаться къ особѣ государя, да и тѣ, по азіятскому раболѣпному этикету, не смѣли взирать на своего повелителя, закрытаго при томъ царскими одеждами и украшеніями.

И такъ Смердисъ-Волхвъ провозглашенъ государемъ. Надобно признаться, что онъ и умѣлъ воспользоваться своею властью. Патизиѳъ бдительно стерегъ, чтобъ кто нибудь не открылъ обмана; но когда пришло извѣстіе, что Камбизъ умеръ на возвратномъ пути изъ Египта, волхвы начали почитать себя уже совершенно безопасными и надѣялись успѣть въ своихъ замыслахъ.

У Персовъ былъ еще обычай: царь могъ имѣть нѣсколько женъ. Смердисъ, вступивъ на престолъ, въ самомъ дѣлѣ нашелъ ихъ много во дворцѣ камбизовомъ, и оставилъ всѣхъ при себѣ. Между ними была Федита, дочь Отапа, одного изъ первѣйшихъ персскихъ вельможъ.

Отанъ почему-то догадывался, что новый государь не братъ Камбиза, и рѣшился спросить у дочери своей: видала ли она когда нибудь своего супруга съ открытою головой? Онъ вспомнилъ, что у волхва, брата патизиѳова, не было ушей;

Камбизъ велѣлъ отрубить ихъ ему еще въ молодости за какой-то проступокъ.

Федита не забыла, что говорилъ ей отецъ, и при первомъ случаѣ, когда царь снялъ царскій вѣнецъ, увидѣла что у него дѣйствительно не было ушей. Отанъ тотчасъ сообщилъ это открытіе друзьямъ своимъ изъ знаменитѣйшихъ фамилій. Они согласились умертвить самозванца Смердиса и брата его. Нѣкоторые изъ нихъ не рѣшались еще нанести окончательный ударъ, но одно непредвидѣнное обстоятельство ускорило развязку.

Вельможа, по приказанію Камбиза умертвившій истиннаго Смердиса, вѣроятно раскаялся въ своемъ преступленіи; онъ, взойдя на высокую башню и обратясь къ народу, сказалъ, что братъ камбизовъ погибъ отъ его руки, и что тотъ, кто царствуетъ теперь подъ именемъ Смердиса, обманщикъ. Сказавъ это, онъ бросился съ башни и убился до смерти.

Когда слухъ объ этомъ разнесся, семь вельможъ персскихъ, увѣрившись, что Мидянинъ, и притомъ еще волхвъ, дерзнулъ овладѣть престоломъ, на которомъ сидѣлъ нѣкогда Киръ, немедленно бросились во дворецъ, напали врасплохъ на обоихъ братьевъ, умертвили ихъ, не

смотря на сопротивленіе, и окровавленныя головы ихъ выкинули въ окно.

Такъ ужасно наказано самозванство, къ которому прибѣгнули братья, чтобъ завладѣть верховною властью! Ложь, какъ бы ни была искусно сплетена, рано или поздно непремѣнно откроется.

Между тѣмъ чернь, узнавъ о коварствѣ волхва, обвиняла жрецовъ, что они допустили такой обманъ, и умертвила всѣхъ ихъ безъ исключенія. И въ каждую годовщину этой страшной казни совершалось у Персовъ торжество, извѣстное подъ именемъ магофоніи, т. е. «избіенія волхвовъ». Въ этотъ день ни одинъ жрецъ не смѣлъ показываться на улицѣ.

Вельможи, умертвившіе Лже-Смердиса, были въ затруднительномъ положеніи, и не знали, кому вручить царскую корону; наконецъ рѣшились предоставить дѣло случаю.

Между ними находился Дарій, сынъ первѣйшаго персскаго вельможи, Гистаспа. Онъ болѣе всѣхъ способствовалъ успѣху предпріятія, и первый поразилъ волхва мечемъ; притомъ, онъ былъ одаренъ многими блестящими качествами; по этому народъ желалъ, чтобъ онъ сдѣлался царемъ.

Вельможи согласились на другой день рано

выѣхать на извѣстное мѣсто, вблизи города, и условились, чтобъ тотъ, чей конь первый заржетъ, получилъ скипетръ.

Но, можетъ быть, вы знаете, что лошади, слыша ржаніе другихъ лошадей, имъ знакомыхъ, тотчасъ начинаютъ сами ржать. Этимъ и воспользовался Дарій. Отправляясь въ назначенное мѣсто, онъ приказалъ своему конюшему скрыть за деревьями лошадь, которая обыкновенно слѣдовала за его конемъ. Разумѣется, конь даріевъ и заржалъ прежде другихъ. Дарій тотчасъ былъ признанъ царемъ. Товарищи его сдержали вѣрно свое слово и не обнаружили къ счастливцу зависти, а остались по прежнему его друзьями.

Дарій I Гистаспъ (т. е. сынъ Гистасповъ) въ знакъ своей благодарности позволилъ всѣмъ своимъ товарищамъ носить на головѣ уборъ, или вѣнецъ, на подобіе царскаго, съ малымъ только отличіемъ.

Еще при жизни Камбиза, Дарій, бывшій въ числѣ его тѣлохранителей, познакомился въ Египтѣ съ Грекомъ Силосономъ, котораго братъ, Поликратъ, управлялъ островомъ Самосомъ. Дарію очень понравился красный плащъ Силосона; онъ хотѣлъ купить его, но Силосонъ не

согласился взять никакой платы, а просто подарилъ свой плащъ новому знакомцу.

Когда Дарій сдѣлался царемъ, Силосонъ явился въ Сузу и напомнилъ царю о плащѣ, которымъ ссудилъ его въ Мемфисѣ. «Да, честный человѣкъ, я помню тебя», сказалъ Дарій, «и готовъ отблагодарить за твое добро; выбирай себѣ награду». Силосонъ просилъ царя, чтобъ онъ освободилъ его отечество, Самосъ, которымъ овладѣлъ Меандръ, одинъ изъ рабовъ, по смерти Поликрата, убитаго Персами. «Сдѣлай для меня это», продолжалъ Силосонъ, «не проливая ничьей крови и не отнимая ни у кого свободы.» Дарій послалъ его къ Самосу съ военною флотиліей. Однако жъ, вопреки желанію благодушнаго Силосона, дѣло не обошлось безъ кровопролитія. Надо было силою оружія подчинить островъ новому владѣтелю. Силосонъ позволилъ Меандру безобидно удалиться съ острова.

ДАРІЙ ВЪ СКИѲІИ.

522 — 486 до Р. Х.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, по восшествіи своемъ на престолъ, Дарій получилъ непріятное извѣ-

стіе: жители Вавилона, со временъ Кира подвластные персскимъ государямъ, взбунтовались противъ царскаго намѣстника и умертвили Персовъ, которые находились при немъ.

Дарій съ многочисленнымъ войскомъ выступилъ противъ Вавилонянъ, твердо рѣшившись наказать возмутителей жестоко и до основанія разрушить ихъ городъ. Но Вавилоняне мужественно оборонялись. Осьмнадцать мѣсяцовъ Персы безуспѣшно осаждали непокорный городъ, и уже готовы были отказаться отъ надежды взять его, какъ одинъ молодой вельможа, именемъ Зопиръ, любимецъ Дарія, рѣшился пожертвовать собою для выгодъ своего повелителя.

Не сказавъ никому ни слова о своемъ намѣреніи, чтобъ не встрѣтить помѣхи въ исполненіи, Зопиръ отрѣзалъ себѣ носъ и уши и изуродовалъ все тѣло; потомъ, покинувъ тайно персскій лагерь, явился къ воротамъ Вавилона, показалъ стражѣ свое окровавленное лицо и увѣрилъ ее, что Дарій, въ пылу гнѣва, поступилъ съ нимъ такъ безчеловѣчно. Онъ клялся, если впустятъ его въ городъ, отмстить тирану. Вавилоняне повѣрили этой выдумкѣ тѣмъ легче, что она оправдывалась кровавыми знаками. По-

лагая, что жажда мщенія заставитъ этого человѣка неутомимо дѣйствовать противъ ихъ враговъ, поручили ему защиту города, какъ опытному и храброму воину. Но Зопиръ, выждавъ благопріятную минуту, ввелъ персское войско въ Вавилонъ и предалъ городъ въ руки Дарія. Съ возмутителями поступили очень жестоко: три тысячи главныхъ мятежниковъ казнены и знаменитыя стѣны, построенныя Семирамидою, разрушены почти до основанія.

Легко можно себѣ представить, какъ Дарій былъ доволенъ своимъ любимцемъ, отъ котораго произошелъ весь успѣхъ предпріятія. Но онъ не могъ безъ горести смотрѣть на бѣднаго друга своего, до такой степени обезображеннаго. Хотя раны Зопира были уже залѣчены, но безъ носу и ушей онъ былъ такъ страшенъ, что не льзя было и взглянуть на него.

Дарій нерѣдко слыхалъ о Скиѳахъ, которые, при Ціаксарѣ I вторгались въ Мидію и разоряли ее. Онъ рѣшился теперь наказать этихъ варваровъ за прежніе набѣги.

Страна, гдѣ жили Скиѳы, отдѣлялась отъ персскаго государства съ одной стороны высокимъ хребтомъ Кавказскимъ, а съ другой обширнымъ моремъ, которое въ древности называлось Понт-

томъ Евксинскимъ, а теперь называется Чернымъ-моремъ. Но ни море, ни горы не помѣшали Дарію переправить свое войско черезъ Ѳракійскій-Босфоръ, узкій морской проливъ (нынѣшній Константинопольскій), отдѣляющій Европу отъ Азіи. Персы достигли рѣки Истра, нынѣшняго Дуная, за которою простиралась Скиѳія.

У Скиѳовъ не было ни селеній, ни домовъ; жилищемъ служили имъ необозримыя степи, по которымъ скитались они, переходя съ мѣста на мѣсто и влача за собою множество повозокъ съ женами и дѣтьми. Передъ собой они обыкновенно гнали многочисленныя стада овецъ и лошадей, и тамъ, гдѣ находили тучные луга для своихъ стадъ, останавливались, раскидывали шатры и отдыхали.

Дарій, не знавъ крайней бѣдности этого дикаго народа, рѣшился покорить его. Достигнувъ береговъ Истра, онъ тотчасъ велѣлъ навести мостъ черезъ рѣку и переходить по немъ войску.

Вы удивляетесь, что можно очень скоро построить мостъ? Но я сей-часъ объясню вамъ какъ это дѣлается.

На берегу рѣки, черезъ которую хотятъ переправиться, сначала вбиваютъ въ землю, какъ

можно крѣпче, большія заостренныя сваи; потомъ къ этимъ сваямъ крѣпкими канатами привязываютъ судно; къ нему привязываютъ другое, третье, и такъ далѣе, пока наконецъ достигнутъ противоположнаго берега, гдѣ также вколачиваютъ сваи, за которыя держится послѣднее судно. Когда все это готово, кладутъ на суда длинные и крѣпкіе брусья, а на нихъ доски, по которымъ войско можетъ переходить, съ лошадьми обозомъ, и со всѣмъ, что при немъ находится.

Наведенію моста нерѣдко препятствуютъ напоры волнъ и усилія враговъ. Тогда съ большимъ только трудомъ, а нерѣдко и съ потерею людей удается навести мостъ.

Дарій, перейдя съ войскомъ черезъ Истръ, поручилъ охраненіе моста Грекамъ, служившимъ въ его войскѣ подъ предводительствомъ своихъ вождей: Истіея милетскаго и Милтіада аѳинскаго; самъ же быстро устремился въ глубину скиѳскихъ степей. Онъ надѣялся, что Скиѳы непремѣнно выйдутъ къ нему на встрѣчу и покорятся; но прошло нѣсколько дней въ изнурительномъ походѣ, а никто не являлся ни сражаться, ни просить пощады.

Скиѳы разсудили отступать. Они откочевали

внутрь своей земли и отгоняли стада свои все далѣе и далѣе, а наконецъ зашли такъ далеко, что войско персское не могло уже ихъ преслѣдовать.

Дарій однако жь не терялъ надежды, а между тѣмъ отъ усталости и холоду погибла большая часть его войска; на походѣ не встрѣтилось ни одного города, гдѣ бы можно было отдохнуть, или укрыться отъ непогоды. Новое бѣдствіе довершило несчастія Персовъ: они всѣ должны были погибнуть отъ жажды; Скиѳы, не смотря на быстрое свое отступленіе, успѣли завалить всѣ колодцы, единственныя водохранилища въ степяхъ.

Самъ Дарій испыталъ бы участь, постигшую его воиновъ, если бъ не уцѣлѣлъ при немъ верблюдъ, съ запасомъ воды. Царь такъ былъ признателенъ къ этому животному, что возвратясь въ Персію, велѣлъ въ богатой провинціи построить для него зданіе, которое назвалъ Гавгамелою, что по-персски значило «домъ верблюда».

Къ Персамъ, находившимся въ такомъ положеніи, явился Скиѳъ и просилъ представить его Дарію, къ которому, говорилъ онъ, имѣетъ весьма важное порученіе. Просьба его была исполнена. Онъ поднесъ персскому монарху птицу, мышь, лягушку и пять стрѣлъ, и хотѣлъ уда-

литься; но Дарій потребовалъ, чтобъ онъ объяснилъ ему значеніе своего приношенія. Скиѳъ спокойно сказалъ: «Скиѳы прислали тебѣ этотъ подарокъ въ знакъ того, что если воины твои не улетятъ, какъ птицы, не уйдутъ въ землю, какъ мышь, или не скроются въ воду, какъ лягушки, тогда ничто не спасетъ ихъ отъ скиѳскихъ стрѣлъ.»

Дарій хладнокровно выслушалъ это объясненіе и велѣлъ отпустить Скиѳа, безъ всякаго ему вреда. Царь понялъ, что лучше возвратиться въ Персію, нежели выжидать, пока варвары исполнятъ свои угрозы. Онъ немедленно обратился къ Истру, и съ неописаннымъ удовольствіемъ увидѣлъ берега этой рѣки, хотя и немногіе изъ его воиновъ пережили несчастный походъ.

Но Дарію грозила опасность еще съ другой стороны: Милтіадъ, одинъ изъ греческихъ вождей, оставленныхъ на Истрѣ, предложилъ товарищу своему Истіэю разрушить мостъ, ввѣренный ихъ храненію, и такимъ образомъ погубить Персовъ вмѣстѣ съ ихъ государемъ, лишивъ ихъ возможности къ обратной переправѣ. Къ этому предложенію Милтіадъ побуждался мыслію, что славолюбивый Дарій, покорившій уже нѣкоторые греческіе города, скоро сдѣ-

лается опаснымъ для всей Греціи. Онъ и не ошибался въ своихъ расчетахъ; но Истіэй отвергнулъ предложеніе, и Дарій былъ очень счастливъ, что выбрался изъ дикой страны, послужившей гробомъ для большей части его войска.

Дарій Гистаспъ встрѣтится еще намъ въ исторіи, и мы увидимъ, какъ онъ началъ войну съ Греками, которую заранѣе предвидѣлъ прозорливый Милтіадъ. Впрочемъ эта война только прославила Грековъ.

КСЕРКСЪ I И ЦАРИЦА АМЕСТРИСА.

486 — 465 до Р. Х.

Дарію наслѣдовалъ сынъ его Ксерксъ I, гордый и надменный государь, воображавшій, что весь міръ созданъ для того только, чтобъ ему повиноваться. Вы узнаете изъ греческой исторіи какъ жестоко былъ онъ наказанъ за свою надменность; теперь же я раскажу вамъ, что произошло въ семействѣ этого царя отъ его собственной слабости и отъ злобы супруги его, царицы Аместрисы.

У брата ксерксова, Мариста, была прекрасная супруга, съ которою царь любилъ бесѣдовать, и

къ которой онъ былъ расположенъ больше, нежели къ злой Аместрисѣ. Это возбудило въ царицѣ ревность къ невѣсткѣ, и произвело, какъ увидите, гибельныя слѣдствія.

Однажды Ксерксъ явился къ невѣсткѣ своей въ пышной мантіи, которую вышивала сама Аместриса. Эта прекрасная мантія такъ понравилась юной Арсентѣ, дочери Мариста, что она захотѣла непремѣнно получить ее.

Ксерксъ, любя Арсенту, обѣщалъ ей дать все, чего бы она ни пожелала; неосторожная по неопытности принцеса попросила у него мантію, единственный предметъ своихъ желаній. Царь хотѣлъ было сначала отказать ей, опасаясь раздражить царицу, которая сама вышивала эту одежду, съ тѣмъ чтобы супругъ берегъ ее. Но Арсента просила его такъ настойчиво, что царь наконецъ согласился. Этотъ подарокъ сдѣлался гибельнымъ для многихъ. Молодая принцесса явилась въ своей богатой мантіи въ собраніе, и тѣмъ раздражила Аместрису.

Царица не могла перенесть обиды, которую сдѣлалъ ей Ксерксъ, отдавши ея подарокъ другой. Почитая требованіе Арсенты просто дѣтскою прихотью, она весь гнѣвъ обратила про-

тивъ ея матери, и на нее первую излила страшное мщеніе.

Съ неумолимымъ ожесточеніемъ Аместриса изыскивала случай погубить эту принцессу; она пылала ревностью, тою опасною страстью, которая легко портитъ даже прекрасное сердце.

Изъ всѣхъ дней въ году каждый Персъ почиталъ важнѣйшимъ день своего рожденія, а потому вошло у нихъ въ обычай, чтобы царь въ день своего рожденія исполнялъ всякое требованіе царицы. Обычай этотъ, конечно, имѣлъ ту цѣль, чтобы царица могла избавить невиннаго отъ преслѣдованій или оказать вспомоществованіе несчастному; но Аместриса занята была другимъ. Лишь только наступилъ день рожденія Ксеркса, она торжественно испрашивала, чтобъ царь выдалъ ей мать Арсенты.

Угадывая страшные замыслы царицы, царь умолялъ ее требовать чего нибудь другаго; но она была непоколебима. Такое упорство въ злой женщинѣ не удивительно; но изумительно то, что Ксерксъ согласился исполнить желаніе царицы, хотя и съ условіемъ не употреблять во зло его слабости.

Какъ скоро Аместриса получила согласіе царя, тотчасъ послала своихъ стражей схватить

несчастную, отрѣзать ей носъ, уши и губы, и велѣла при себѣ бросить ихъ собакамъ. Обезображенную страдалицу отвели къ ея мужу, Маристу.

Но Аместриса не успокоилась однимъ злодѣйствомъ. Узнавъ, что безутѣшный Маристъ сбираетъ вооруженныхъ людей, въ намѣреніи отмстить за жестокое оскорбленіе, она послала за нимъ всадниковъ, которые и умертвили его со всѣмъ семействомъ. Не было женщины, которая бы равнялась въ неистовствѣ съ Аместрисою; но что сказать и о равнодушіи Ксеркса, который допустилъ такое злодѣйство, имѣя возможность однимъ словомъ предупредить его, или грозно наказать виновницу? Это значитъ, что онъ самъ былъ склоненъ къ жестокости, поселявшей ужасъ въ его семействѣ и въ цѣломъ государствѣ; но варварство его не осталось безъ возмездія.

Однажды невоздержно выпивъ вина, онъ приказалъ Артабану, начальнику дворцовой стражи, умертвить Дарія, старшаго своего сына, которымъ былъ недоволенъ. Артабанъ думалъ, что Ксерксъ, протрезвясь, перемѣнитъ свое намѣреніе, и потому медлилъ исполнить приказаніе; но на другой день Ксерксъ повторилъ то же. Артабанъ, не сомнѣваясь болѣе, что отъ такого человѣка, который хладнокровно требуетъ крови

собственнаго своего сына, нельзя ожидать ничего добраго, и надѣясь самъ достигнуть престола, рѣшился погубить Ксеркса и все его семейство.

Въ слѣдующую ночь Артабанъ, подкупивъ царскаго комнатнаго служителя, пробрался въ комнату Ксеркса, пронзилъ его сонпаго кинжаломъ, и потомъ поспѣшилъ къ Артаксерксу, третьему сыну ксерксову, чтобы съ притворнымъ ужасомъ объявить ему, будто старшій братъ его совершилъ отцеубійство. Артаксерксъ, повѣривъ словамъ злодѣя, бросился въ комнату брата, и прежде нежели тотъ успѣлъ объясниться, или приготовиться къ оборонѣ, далъ знакъ слѣдовавшимъ за нимъ стражамъ умертвить его.

Такимъ образомъ Артаксерксъ вступилъ на престолъ. Вскорѣ онъ узналъ о вѣроломствѣ Артабана, и опасаясь самъ сдѣлаться жертвою измѣнника, убилъ его, и приказалъ также истребить всѣхъ его соучастниковъ и приверженцовъ.

АРТАКСЕРКСЪ ДЛИННОРУКІЙ (ЛОНГИМАНЪ).

465 — 424 до Р. Х.

Въ Персіи царствовали сряду нѣсколько Артаксерксовъ (Ардширъ); ихъ различаютъ обыкно-

венно по прозваніямъ. Сынъ ксерксовъ былъ прозванъ Длиннорукимъ (Лонгиманъ), потому что у него правая рука была длиннѣе лѣвой.

Когда Артаксерксъ I находился во дворцѣ своемъ въ Сузѣ, одномъ изъ столичныхъ городовъ Персіи, гдѣ обыкновенно цари проводили зиму, неизвѣстный странникъ выпросилъ позволеніе явиться къ царю, и простершись передъ его трономъ, сказалъ:

«Великій государь! ты видишь у ногъ своихъ Ѳемистокла аѳинскаго, котораго имя, можетъ быть, извѣстно и тебѣ: я разбилъ войско отца твоего Ксеркса, напавшее на Грецію; теперь мои сограждане изгнали меня изъ отечества, и я отдаюсь въ твою волю, и прошу у тебя убѣжища.»

Ѳемистоклъ въ самомъ дѣлѣ былъ однимъ изъ самыхъ искусныхъ и храбрыхъ греческихъ вождей, что вы узнаете изъ греческой исторіи. Онъ побѣдилъ Персовъ, подъ предводительствомъ Ксеркса вторгшихся въ его отечество. Но неблагодарные Аѳиняне, руководимые завистниками этого великаго человѣка, изгнали его изъ своего города и преслѣдовали всюду, куда онъ ни укрывался. Наконецъ, онъ рѣшился искать убѣжища у царя персскаго, славившагося своею благосклонностью и великодушіемъ.

Артаксерксъ I не любилъ Ѳемистокла за то, что онъ сдѣлалъ много зла Персіи; царь даже обѣщалъ большую награду тому, кто доставитъ къ нему Ѳемистокла живаго или мертваго. Но теперь, видя великаго полководца у своихъ ногъ, онъ почувствовалъ состраданіе къ несчастливцу, который добровольно ввѣрялъ себя его покровительству. Царь велѣлъ ему явиться къ себѣ на другой день.

Въ то время Персы, какъ почти и всѣ древніе народы, покланялись нѣсколькимъ божествамъ; изъ нихъ главными были: Ормуздъ, божество добра, и Агрименъ или Ариманъ, божество зла. Первое означало свѣтъ, или солнце, освѣщающее и животворящее всю природу; второе— мракъ, отсутствіе солнца. День и ночь почитались слѣдствіемъ безпрерывнаго боренія двухъ враждебныхъ божествъ и поперемѣннаго торжества одного надъ другимъ. Но Персы вѣрили также, что наступитъ время когда Ормуздъ побѣдитъ Агримена, добродѣтели будутъ владычествовать на всей землѣ и люди насладятся безпредѣльнымъ блаженствомъ. Основаніе этой религіи приписываютъ древнему мудрецу и законодателю Зороастру. Къ Агримену прибѣгали обыкновенно съ молитвою, чтобъ онъ ниспослалъ на враговъ всѣ бѣдствія и внушалъ имъ пагуб-

къ Стр. 104.

Жертвоприношеніе персскихъ жрецовъ.

ныя мысли. Ему приносили въ жертву пирогъ, сдѣланный изъ одного вреднаго растенія и волчьей крови, который клали въ глубокую пещеру, куда не проникалъ никогда дневной свѣтъ. Такъ и Артаксерксъ I принесъ ему благодарную жертву за то, что онъ внушилъ Грекамъ безразсудную мысль изгнать Ѳемистокла. Теперь этотъ великій человѣкъ былъ въ его рукахъ, и онъ отъ радости неоднократно восклицалъ даже ночью, во время сна: «Ѳемистоклъ аѳинскій въ моихъ рукахъ!»

На другой день Артаксерксъ, призвавъ къ себѣ знаменитаго странника, сказалъ ему: «Ѳемистоклъ! я обѣщалъ значительную награду тому, кто представитъ тебя ко мнѣ живаго или мертваго. Ты, самъ явившись ко мнѣ, заслужилъ эту награду, и я тотчасъ прикажу ее выплатить тебѣ. Я сдѣлаю еще болѣе: ты хотѣлъ быть гостемъ царя персскаго, а я дамъ тебѣ четыре большіе города въ моемъ царствѣ: одинъ будетъ доставлять тебѣ хлѣбъ, другой мясо, третій вино, четвертый одежду.

Эти слова глубоко тронули Ѳемистокла; Артаксерксъ никогда не измѣнялъ своего къ нему расположенія; нерѣдко оставлялъ его въ своемъ дворцѣ, за удовольствіе считалъ бесѣдовать съ

нимъ, и оказывалъ ему всевозможные знаки своего благоволенія.

Вы можете судить, что Артаксерксъ I такимъ кроткимъ обхожденіемъ съ опаснѣйшимъ врагомъ Персіи, заслужилъ большую похвалу. Но если бъ онъ изъ низкаго мщенія погубилъ Ѳемистокла, тогда всякой могъ бы сказать, что онъ не умѣлъ уважить несчастія, которому подвергся человѣкъ знаменитый. Въ послѣдствіи вы увидите, что Ѳемистоклъ былъ достоинъ жребія, которымъ пользовался по милости Артаксеркса: онъ предпочелъ лучше умереть, нежели быть неблагодарнымъ противъ своего благодѣтеля, или поднять оружіе противъ отечества, изъ котораго его изгнали.

Прощать врагамъ обиды и имъ благодѣтельствовать во всѣ времена считалось подвигомъ прекраснымъ; но для насъ, воспитанныхъ въ Христіанской вѣрѣ, прощеніе обидъ есть уже непремѣнная и святая обязанность.

АРТАКСЕРКСЪ II ПАМЯТЛИВЫЙ (МНЕМОНЪ) И ЕГО СЕМЕЙСТВО.

424 — 404 г. до Р. Х.

Я не стану разсказывать вамъ о трехъ сынахъ Артаксеркса Длиннорукаго, которые цар-

ствовали сряду одинъ за другимъ, а замѣчу только, что двое царствовали по нѣскольку дней, а третій, Дарій Нотъ, долго управлялъ государствомъ со славою, и умеръ уже въ старости.

По смерти своей онъ оставилъ двухъ сыновей: старшимъ былъ Артаксерксъ, прозванный Мнемономъ, т. е. «Памятливымъ», потому-что обладалъ удивительною памятью, а младшимъ Киръ, страстно любимый своею матерью Парисатою, за его превосходныя качества и блестящія надежды, которыя онъ подавалъ о себѣ. Къ несчастію оба брата ненавидѣли другъ друга: Артаксерксъ ненавидѣлъ Кира за исключительную любовь къ нему матери, а Киръ за то, что братъ занялъ престолъ по смерти ихъ отца.

У Персовъ каждый государь, при восшествіи своемъ на престолъ, непремѣнно отправлялся въ городъ Пассаргаду, основанный Великимъ Киромъ, гдѣ находился и гробъ его. Тамъ жрецы посвящали на царство новаго царя, съ извѣстными обрядами, нѣсколько странными, но полезными по наставительному своему значенію. Такъ напр. новый монархъ обязанъ былъ снять свою одежду и надѣть ту, которую Киръ носилъ прежде, чѣмъ сдѣлался царемъ, и которую жрецы хранили съ благоговѣніемъ въ Пассаргадѣ.

Это значило, что царь долженъ былъ облечься тѣми же прекрасными качествами и высокими доблестями, которыя украшали Кира. Послѣ того подавали царю напитокъ, смѣсь уксуса съ молокомъ, который онъ долженъ былъ выпить въ одинъ пріемъ. Этимъ хотѣли выразить, что пріятности царской власти часто бываютъ смѣшаны съ непріятностями.

Царевичъ Киръ (котораго обыкновенно называютъ *Младшимъ*, для отличія отъ перваго персскаго царя), бывшій въ Пассаргадѣ при священномъ обрядѣ, смотрѣлъ съ отчаяніемъ на спокойное вступленіе брата въ управленіе государствомъ. Увлеченный пылкимъ характеромъ, онъ тотчасъ поддался преступной мысли убить брата въ ту самую минуту, когда онъ раздѣнется въ храмѣ. Все уже было приготовлено къ совершенію преступнаго замысла; но одинъ жрецъ предувѣдомилъ царя объ опасности, и Артаксерксъ немедленно приказалъ своей стражѣ схватить Кира и предать его казни.

Я не буду описывать вамъ горесть Парисаты, когда она услышала объ этомъ происшествіи. Долго испрашивая помилованія своему любимому сыну, она обвила его своими волосами, прижала къ своей груди и не хотѣла съ нимъ разстаться.

Ея мольбы и слезы тронули наконецъ царя. Онъ далъ обѣщаніе не дѣлать никогда зла своему брату и послалъ его управлять отдаленною областью, запретивъ являться ко двору. Такимъ образомъ Киръ на этотъ разъ сохранилъ свою жизнь; но неукротимое честолюбіе все таки погубило его.

Киръ Младшій основалъ свое пребываніе въ Сардесѣ, древней лидійской столицѣ, о которой упоминалось въ исторіи Креза. Тамъ, казалось, жажда могущества не томила его болѣе; онъ занимался улучшеніемъ своихъ садовъ и украшеніемъ дворца. Онъ обладалъ большимъ умомъ, познаніями и любезностью въ обществѣ.

Его посѣтилъ греческій полководецъ Лисандръ, который зналъ вражду его къ брату. Лисандръ имѣлъ въ виду подстрекнуть самолюбіе пылкаго царевича и произвесть возмущеніе въ Азіи, изъ котораго Греки могли бы извлечь пользу.

Лисандръ съ качествами храбраго полководца соединялъ удивительную тонкость и искусство льстить страстямъ другихъ, въ случаѣ нужды. Съ перваго взгляда онъ понялъ, что гордость была главнымъ порокомъ юнаго Кира и что онъ съ негодованіемъ переносилъ опредѣленный ему родъ жизни. «О Какая прекрасная аллея!» сказалъ Лисандръ, прогуливаясь съ Киромъ по его са-

дамъ. «Я самъ устроилъ ее», отвѣчалъ съ довольнымъ видомъ Киръ.

«Эта бесѣдка восхитительна», продолжалъ Спартанецъ, «тысячи различныхъ цвѣтовъ дышатъ ароматами; я упоенъ ихъ благоуханіемъ.» Они всѣ, подхватилъ Киръ, посажены по моему выбору.

«Эти деревья», прибавилъ хитрецъ, «обременены превосходными плодами».—Я хотѣлъ, отвѣчалъ Киръ, собрать сюда всѣ рѣдкія растенія.

Наконецъ они вмѣстѣ вошли въ тѣнистую рощу, куда не проникали солнечные лучи. «Я никогда не видывалъ деревъ лучше этихъ», сказалъ Лисандръ съ удивленіемъ. «Я насадилъ ихъ своими руками,» подхватилъ съ гордостью Киръ.

«Такъ, царевичъ», продолжалъ Спартанецъ, осмотрѣвъ его съ ногъ до головы, «ты носишь пурпуровую одежду, золотыя запястья, обувь съ богатою бахрамой, плаваешь въ морѣ благоуханій, и при всемъ томъ, ты только — садовникъ.»

При этихъ словахъ Киръ покраснѣлъ отъ стыда, потупилъ глаза передъ Лисандромъ, который такъ больно кольнулъ его самолюбіе, и тайно поклялся лучше умереть, нежели вести

подобную жизнь, когда братъ носитъ корону. Въ самомъ дѣлѣ, спустя немного времени, Киръ собралъ въ Сардесѣ войско и рѣшился оспоривать престолъ у Артаксеркса, почитая себя достойнѣйшимъ царской власти. Для обезпеченія побѣды, онъ присоединилъ къ своему войску 30 тысячь Грековъ, считавшихся тогда лучшими и храбрѣйшими воинами во всемъ свѣтѣ. Мы тотчасъ увидимъ судьбу и войска и Кира, увлеченнаго къ погибели неумѣстною гордостью и слишкомъ высокимъ о себѣ мнѣніемъ.

ОТСТУПЛЕНІЕ ДЕСЯТИ-ТЫСЯЧЪ.

404 — 399 г. до Р. Х.

Киру Младшему нужно было цѣлыхъ шесть мѣсяцовъ, чтобы довести свое войско до Вавилонской области, гдѣ Артаксерксъ приготовлялся къ битвѣ и собиралъ огромныя силы. Такъ обширна была персская монархія! Очевидно, что войско кирово должно было преодолѣть много трудностей при переходѣ такого пространства. Съ бодростью и терпѣніемъ переправлялось оно черезъ рѣки, взбиралось на горы и

проходило по стезямъ, почти вовсе неизвѣстнымъ.

Наконецъ два войска, предводимыя двумя братьями-врагами, сошлись при мѣстечкѣ Кунаксѣ, недалеко отъ Вавилона. Здѣсь произошла кровопролитнѣйшая битва, съ неслыханнымъ ожесточеніемъ. Киръ, вспомоществуемый Греками, сражался съ такимъ мужествомъ, что побѣда уже клонилась на его сторону; но замѣтивъ въ толпѣ брата своего Артаксеркса, онъ, ослѣпленный ненавистью, бросился на него съ звѣрскимъ остервененіемъ и палъ подъ ударами враговъ (за 401 г. до Р. Х.).

Такъ кончилъ жизнь свою неугомонный Киръ. Превосходныя качества, которыми онъ обладалъ, довели его только до погибели; неограниченное честолюбіе было причиной его паденія. Никто, кромѣ матери, поблажавшей ему, не пожалѣлъ о немъ, потому-что онъ слѣдовалъ только внушеніямъ гордости и зависти.

Вы согласитесь, что нѣтъ ничего ужаснѣе ненависти двухъ братьевъ, которые должны любить другъ друга, а не враждовать. Когда трупъ Кира былъ отысканъ между убитыми, одинъ изъ простыхъ воиновъ отрѣзалъ его голову и правую руку, а царскій слуга Мезабатъ принесъ

ихъ во дворецъ Артаксеркса, гдѣ онѣ и были выставлены на показъ народу въ теченіи нѣсколькихъ дней.

Греки, такъ мужественно сражавшіеся въ пользу Кира, находились на разстояніи шести сотъ миль отъ своего отечества, окруженные непріятелями и отдѣленные отъ него большими рѣками, высокими хребтами горъ, съ путями незнакомыми.

Взглянемъ на карту страны, бывшей театромъ великихъ происшествій, и укажемъ слѣды безстрашныхъ греческихъ воиновъ, чтобы лучше удержать событія въ памяти.

Артаксерксъ, опасаясь неустрашимыхъ Грековъ, сначала позволилъ-было имъ свободно выйти изъ предѣловъ персскаго государства, но вскорѣ перемѣнилъ свое рѣшеніе, и заманивъ въ сѣти предводителя ихъ Клеарха и другихъ начальниковъ, погубилъ ихъ измѣнически. Греки, лишившись своихъ предводителей, пришли въ большое затрудненіе; но мужество и рѣшимость помогли имъ и въ этой крайности; они избрали новыхъ начальниковъ и между прочими Ксенофонта, который передалъ намъ исторію этого славнаго похода, извѣстнаго подъ названіемъ: *отступленія десяти тысячь*, потому-что

не болѣе этого числа осталось храбрыхъ Грековъ, послѣ столькихъ битвъ и трудовъ.

Вы не можете представить себѣ, сколько бѣдствій должны были перенести эти десять тысячь Грековъ на пути къ своему отечеству; то пересѣкали имъ путь великія рѣки Азіи, Тигръ и Евфратъ, черезъ которыя трудно было переправиться за неимѣніемъ судовъ, то они принуждены были взбираться почти на неприступныя горы Кардукскія, покрытыя снѣгомъ; то проходить черезъ безлюдныя и безплодныя степи, гдѣ голодъ или жажда истощали послѣднія силы; а между тѣмъ слѣдомъ гналось персское войско и не проходило дня безъ боя.

Наконецъ неустрашимые, но изнуренные Греки достигли своего отечества, со славою храбрыхъ, благоразумныхъ и искусныхъ воиновъ. Ксенофонтъ описалъ это достопамятное отступленіе, которому и теперь удивляются, хотя послѣ него было много другихъ битвъ и отважныхъ военныхъ подвиговъ.

Отступленіе десяти тысячь особенно замѣчательно тѣмъ, что оно въ полномъ блескѣ показало мужество Грековъ и превосходство ихъ надъ Персами. Грековъ, можетъ быть, во сто разъ сражалось меньше, нежели непріятелей.

Персы утратили свой воинственный духъ съ тѣхъ поръ, какъ перенялиу Мидянъ образъ жизни и обычаи. Такія перемѣны въ нравахъ встрѣчаемъ мы почти у всѣхъ азіятскихъ народовъ-завоевателей. Персы же, по словамъ греческаго историка Геродота, отличались особенною склонностью подражать всему чужеземному. Послѣ этого вы поймете какимъ образомъ, спустя нѣсколько лѣтъ, горсть Грековъ, предводимая великимъ полководцемъ Александромъ, царемъ македонскимъ, могла разрушить обширное персское царство.

МЩЕНІЕ ПАРИСАТЫ.

399 — 397 г. до Р. Х.

Едва Артаксерксъ II успокоился послѣ бури, поднятой Киромъ-Младшимъ, какъ новыя бѣдствія постигли его семейство и государство. Парисата, его мать, женщина неукротимая и жестокая, начала свое ужасное мщеніе за смерть любимаго сына, Кира.

Первые удары своей злобы Парисата обратила на Мезабата, того самого, который, по

приказанію Артаксеркса принесъ во дворецъ въ Кунаксѣ голову и руку Кира. Опасаясь препятствій со стороны царя, она прибѣгнула къ хитрости: притворно примирилась съ Артаксерксомъ, и когда онъ оставался одинъ, она приходила къ нему, какъ будто для развлеченія его какою-то игрою, тогда употребительною; замѣтьте однакожъ, что это была игра не въ карты; карты выдуманы гораздо позже. Можетъ быть это была игра въ кости или въ шахматы; изобрѣтеніе этихъ игръ относятъ къ самымъ отдаленнымъ временамъ.

Однажды Парисата, во время игры съ Артаксерксомъ, предложила ему условіе, чтобы проигравшій отдалъ одного изъ своихъ слугъ выигравшему, по его выбору. Царь согласился. Парисата сначала казалось проигрывала, но когда замѣтила, что Артаксерксъ сдѣлался не такъ внимательнымъ къ игрѣ, тотчасъ поправилась и выиграла. Выборъ ея палъ на Мезабата; царь, ничего не подозрѣвая, отдалъ его матери. Но она въ ту же минуту отдала несчастнаго въ руки палачей и приказала содрать съ него кожу. Мезабатъ погибъ въ ужасныхъ мученіяхъ. Артаксерксъ разгнѣвался; но Парисата ни-

чего не боялась, и на гнѣвъ своего царственнаго сына отвѣчала смѣхомъ.

Мщеніе Парисаты еще не насытилось; злоба ея обратилась на царицу Статиру, супругу Артаксеркса, которая тѣмъ возбудила ея ненависть, что явно радовалась погибели Кира. Статиру труднѣе было подвергнуть той же участи, какая постигла бѣднаго Мезабата: Артаксерксъ любилъ свою супругу; однако жъ коварная Парисата достигла наконецъ своей цѣли.

По видимому, она забыла свою ненависть къ Статирѣ и на всякомъ шагу оказывала ей уваженіе, безпрестанно возбуждала въ ней охоту къ празднествамъ и забавамъ, расточая передъ нею самыя нѣжныя ласки и похвалы. Однако жъ обѣ царицы все еще тайно не довѣряли другъ другу, и всегда брали кушанья съ однихъ и тѣхъ же блюдъ, для предупрежденія отравы общею опасностью. При всей осторожности Статиры, Парисата обманула ее.

Однажды подали на столъ рѣдкую дичину, отлично приготовленную. Парисата разрѣзала ее на двѣ части; одну подала своей невѣсткѣ, другую взяла себѣ; но едва Статира проглотила нѣсколько кусковъ, какъ страшныя судороги прекратили ея жизнь.

Артаксерксъ, пораженный скорбію, сначала не подозрѣвалъ участія своей матери въ смерти любимой супруги; но прислужница царицы открыла ему вскорѣ страшную тайну, и объявила, что она, по приказанію Парисаты, натерла сильнымъ ядомъ одну сторону ножа, которымъ рѣзали дичину. Желая удовлетворить своей ненависти Парисата и сама подвергалась опасности умереть.

Царь съ ужасомъ услышалъ этотъ разсказъ и тотчасъ приказалъ жестокой Парисатѣ удалиться въ Вавилонъ и никогда не выѣзжать изъ этого города, а самъ далъ себѣ слово — не приближаться къ нему.

Этотъ великій государь, повелитель многихъ народовъ, не находилъ въ своихъ владѣніяхъ никого несчастнѣе себя и, можетъ быть, даже завидовалъ судьбѣ брата своего Кира, вдругъ лишившагося жизни, въ пылу битвы.

ДѢТИ АРТАКСЕРКСА II.

362—336 г. до Р. Х.

У Артаксеркса II, по обычаю Персовъ, было много женъ; въ старости при немъ находилось

153 сына, своевольныхъ и нетерпѣливыхъ. Многіе изъ нихъ желали смерти старшихъ своихъ братьевъ, чтобы скорѣе взойти на престолъ. Старшимъ изъ сыновей Артаксеркса былъ Дарій. Царь, предвидя, что по смерти его каждый станетъ оспоривать престолъ у другихъ, рѣшился еще при жизни своей дать старшему сыну титулъ царя и право носить царскій вѣнецъ.

Но честолюбивый Дарій не довольствовался этимъ; въ нетерпѣніи скорѣе царствовать, онъ вмѣстѣ съ пятидесятью своими братьями, составилъ противъ отца заговоръ.

Такимъ образомъ Артаксерксъ во всю жизнь былъ несчастливъ въ семействѣ; прежде готовилъ ему смерть самолюбивый братъ, а въ старости честолюбивый сынъ, наслѣдникъ престола. Къ счастію однако жъ отцеубійство не совершилось: заговоръ былъ открытъ, и государь, столько же неумолимый къ дѣтямъ своимъ, сколько они были безчеловѣчны къ нему, повелѣлъ казнить виновныхъ. Артаксерксъ, претерпѣвшій столько горестей, не могъ перенести послѣдняго удара; утомленный жизнію онъ умеръ послѣ долгаго и славнаго царствованія, въ теченіи котораго несчастія безпрестанно его преслѣдовали.

Сынъ его, Артаксерксъ III, по прозванію Охъ, былъ хитрѣе или счастливѣе всѣхъ своихъ братьевъ. Онъ одинъ былъ свидѣтелемъ смерти отца своего, искусно скрывалъ ее отъ всѣхъ въ продолженіи десяти мѣсяцевъ, а между тѣмъ постоянно давалъ приказанія всѣмъ правителямъ отъ имени будто бы больнаго государя. Это онъ дѣлалъ изъ опасенія, чтобы кто нибудь не заспорилъ съ нимъ о коронѣ, и тогда только сбросилъ личину, когда привелъ въ исполненіе давно задуманное намѣреніе. Хитростью онъ завлекъ во внутренность дворца не только всѣхъ родныхъ, но и двоюродныхъ братьевъ, дядей и племянниковъ, и приказалъ всѣхъ ихъ беззащитныхъ умертвить.

Сестра Артаксеркса III Оха, которую онъ по видимому любилъ, зарыта живая въ землю за то, что осмѣлилась плакать надъ убитыми. Только принцессѣ Сизигамбѣ удалось спасти маленькаго своего сына.

Первыя дѣйствія Артаксеркса III возвѣстили Персіи о царствованіи грозномъ и кровавомъ. Чего же другаго можно было и ожидать отъ государя, который восшествіе свое на престолъ запятналъ убійствомъ всѣхъ своихъ родственниковъ?

Впрочемъ надобно замѣтить, что въ Персіи братья, дяди и внуки царскіе рѣдко видѣлись между собою, жили почти какъ незнакомые, а потому не могли любить другъ друга. Ихъ воспитывали отдѣльно въ дворцахъ, никогда не говорили имъ о счастіи мирной, семейной жизни и дружбы съ родственниками, а только внушали имъ взаимную недовѣрчивость. Такимъ образомъ, когда власть переходила въ руки новаго жестокаго властителя, онъ первымъ дѣломъ для своей безопасности поставлялъ истребленіе всѣхъ членовъ царскаго семейства, до самыхъ мелкихъ его отраслей.

Артаксеркса III встрѣтили на престолѣ тяжкія заботы. Египетъ, составлявшій владѣніе персскихъ царей со временъ Камбиза, возмутился противъ своихъ повелителей, и Артаксерксъ принужденъ былъ отправиться съ войскомъ противъ новаго египетскаго царя.

Въ то время персскіе цари легко собирали многочисленное войско, потому-что послѣ завоеваній великаго Кира и Камбиза, власть ихъ простиралась почти на всю Азію. Даже Греки не разъ сражались подъ ихъ знаменами. Такъ и Артаксерксъ повелъ въ Египетъ большое войско. При Пелузіи онъ разбилъ Египтянъ и при-

нудилъ царя ихъ Нектанеба удалиться въ Эѳіопію, гдѣ онъ вѣроятно и погибъ. Побѣдитель овладѣлъ Мемфисомъ и другими городами египетскими, и превзошелъ самаго Камбиза въ неистовствѣ и варварствѣ.

Онъ разрушалъ храмы, жегъ города, умерщвлялъ жрецовъ, и наконецъ, въ довершеніе своихъ сумасбродствъ, приказалъ сжарить быка Аписа и подать его къ своему столу на большомъ обѣдѣ, который онъ далъ для всего своего двора.

Конечно быкъ Аписъ былъ такое же животное, какъ и другіе быки; но зная, въ какомъ почтеніи былъ онъ у Египтянъ, нельзя удивляться ихъ негодованію на нечестивцовъ, скушавшихъ безъ зазрѣнія совѣсти божественное жаркое. Въ числѣ полководцовъ персскаго войска былъ Багой, воинъ ловкій и мужественный, родомъ Египтянинъ. Онъ не могъ равнодушно смотрѣть на Артаксеркса, явно презиравшаго все священное для Египтянъ, рѣшился отмстить ему и дѣйствительно нашелъ средство отравить его на пиршествѣ. Раздраженный въ душѣ Багой приказалъ бросить артаксерксовъ трупъ собакамъ. Египетскія собаки и съѣли его точно также, какъ персскіе придворные скушали отлично от-

кормленнаго Аписа. Изъ царскихъ костей Багой сдѣлалъ черенки для ножей, которые и употреблялись при его столѣ.

Багой могъ легко получить и корону, но онъ предпочелъ возводить другихъ на престолъ, нежели самому подвергаться опасностямъ отъ завистниковъ явныхъ и тайныхъ. Онъ избралъ въ цари малолѣтнаго артаксерксова сына, Ареса; но въ послѣдствіи, недовольный своимъ питомцемъ, способнымъ, какъ онъ думалъ, идти по слѣдамъ отца своего, Багой возвелъ на престолъ спасеннаго Сизигамбою ея сына, который и царствовалъ, подъ именемъ Дарія Кодомана.

Должно замѣтить, что въ Персіи три царя назывались Даріями: Дарій I, сынъ Гистаспа, вступилъ на престолъ по смерти жреца Смердиса; Дарій II Охъ, или Нотъ, наслѣдовалъ отцу своему Артаксерксу I Длиннорукому, и наконецъ Дарій III Кодоманъ, возведенъ на престолъ Багоемъ. Послѣдній былъ несчастнѣе всѣхъ: вмѣстѣ съ нимъ погибло и царство персское.

ПАДЕНІЕ ДАРІЯ III КОДОМАНА.

336 — 330 г. до Р. Х

Дарій III Кодоманъ, воспитанный въ уединеніи и бѣдствіяхъ умною и добродѣтельною своею матерью, достоинъ былъ по прекраснымъ душевнымъ качествамъ той высокой степени, на которую поставилъ его Багой. Съ самой юности онъ обнаруживалъ духъ воинской храбрости и первою для себя обязанностію почиталъ обогащеніе своего народа и утвержденіе его могущества. Къ несчастію, судьба не позволила ему привести въ исполненіе прекрасныя намѣренія, достойныя царя великодушнаго.

Честолюбивый Багой сперва надѣялся, что управленіе Персіею останется въ его рукахъ, и что Дарій Кодоманъ во всемъ будетъ сообразоваться съ его волею. Сбылось совсѣмъ противное: новый государь неспособенъ былъ дѣйствовать по чужой злой волѣ. Тогда Багой рѣшился на третье цареубійство и хотѣлъ отравить Дарія. Но царь былъ осторожнѣе Оха, проникъ намѣреніе Багоя и, помѣнявшись съ нимъ чашами, заставилъ его выпить ядъ, имъ приготовлен-

ный. Такъ освободился Дарій отъ опаснаго и хитраго врага, и никто не могъ обвинять его въ неблагодарности: Багой самъ былъ виновникомъ своей гибели.

Другая, большая опасность угрожала нетолько Дарію, но и всему его царству. Греки, народъ, доказавшій свое мужество и Дарію Гистаспу, и сыну его Ксерксу, и устрашившій отступленіемъ десяти тысячь всю Азію, соединились подъ предводительствомъ одного полководца и вторглись внутрь персскаго царства. Полководецъ этотъ былъ Александръ, царь македонскій, названный Великимъ.

Я не стану теперь подробно разсказывать чудную исторію Александра, который съ горстью воиновъ побѣдилъ и разрушилъ могущественное государство. Вы узнаете это въ греческой исторіи. Здѣсь же скажемъ только, что послѣ многихъ кровавыхъ битвъ, выигранныхъ Греками, царица Сизигамба, супруга Дарія Статира и все его семейство достались въ руки побѣдителя, а самъ несчастный Дарій-Кодоманъ погибъ отъ руки измѣнника Бесса.

Александръ Великій побѣдами своими сдѣлался полнымъ обладателемъ обширнаго персскаго царства и другихъ странъ, и только ранняя

смерть остановила его среди чуднаго и, казалось, безпредѣльнаго поприща славы и счастія.

Онъ не долго пережилъ Дарія; но и по смерти македонскаго завоевателя персская монархія, потрясенная уже въ основаніи, не могла возстановиться. Государство, созданное Великимъ Киромъ, погибло съ Даріемъ Кодоманомъ.

Замѣтимъ, что могущество древнихъ Ассиріянъ поколебалось и пало въ царствованіе Сарданапала, отъ роскоши и распутства; что Вавилонъ погибъ въ шумѣ празднества съ царемъ своимъ Валтасаромъ, и что наконецъ Дарій не могъ поддержать своего государства противъ Македонянъ, потому-что Персы, принявшіе обычаи Мидянъ, не походили уже ни въ чемъ на мощную дружину великаго Кира, которая не знала другой пищи, кромѣ овощей, и питья, кромѣ воды. Изъ этого видно, что мужество и воздержаніе возвышаютъ народы и судьбу государствъ, а невоздержность и излишество въ наслажденіяхъ ослабляютъ бодрость духа, дѣлаютъ народъ неспособнымъ къ перенесенію военныхъ трудовъ, и такимъ образомъ влекутъ его къ погибели подъ ударами перваго отважнаго честолюбца.

КОНЕЦЪ I-Й ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.
Предисловіе . . . . . .
Вступительная бесѣда. . . . . .
Первобытные Египтяне. . . . . 1.
Религія древнихъ Египтянъ . . . . . 4.
Цари-Пастыри . . . . . 9.
Памятники египетскіе . . . . . 12.
Цари египетскіе . . . . . 17.
Немвродъ звѣроловъ . . . . . 21.
Нинъ, царь ассирійскій . . . . . 25.
Семирамида . . . . . 29.
Смерть Сарданапала . . . . . 34.
Мидійская монархія . . . . . 39.
Нашествіе Скиѳовъ . . . . . 42.
Сонъ Навуходоносора . . . . . 47.
Кольцо гигесово . . . . . 51.
Крезъ и Солонъ. . . . . 54.
Эзопъ въ Лидіи . . . . . 58.
Юность Кира. . . . . 62.
Битва тимбрейская . . . . . 67.
Пиръ валтасаровъ. . . . . 72.
Камбизъ въ Египтѣ . . . . . 76.

Смердисъ-Волхвъ . . . . . 86.
Дарій въ Скиѳіи . . . . . 91.
Ксерксъ I и царица Аместриса . . . . . 98.
Артаксерксъ I Длиннорукій . . . . . 102.
Артаксерксъ II Памятливый . . . . . 106.
Отступленіе десяти тысячь . . . . . 111.
Мщеніе Парисаты . . . . . 115.
Дѣти Артаксеркса II. . . . . 118.
Паденіе Дарія Кодомана . . . . . 124.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ

ДЛЯ

ЮНОШЕСТВА,

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА,

соч. Ламе-Флёри.

ЧАСТЬ 2.

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ,

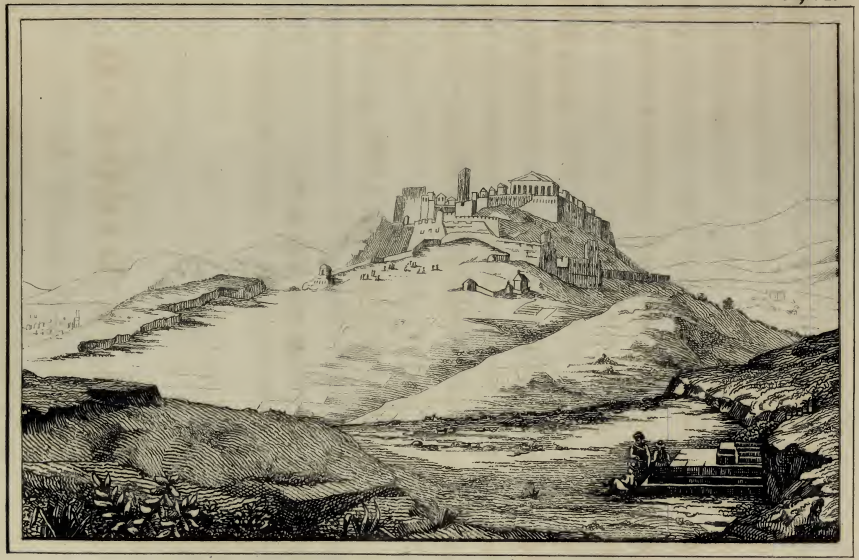
съ 8 гравюрами.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1846.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 28 Сентября 1846.

Цензоръ *А. Очкинъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ФИШЕРА.



Аѳины.

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ.

ПЕЛАЗГИ.

1800 — 1580 лѣтъ до Р. Х.

Греція, прекрасная страна, о которой мы уже часто упоминали, заслуживаетъ чтобъ ознакомиться съ главными ея городами и съ важнѣйшими событіями ея исторіи.

Это страна гористая, почти со всѣхъ сторонъ окруженная морями, способная и для земледѣлія и для торговли. Но въ самыя отдаленныя времена (за 1800 до Р. Х.) въ ней жили малочисленныя племена дикарей, которые занимались только звѣроловствомъ или пастушествомъ. Между ними многолюднѣе и сильнѣе другихъ были Пелазги и Эллины.

Дикіе Пелазги жили въ горныхъ ущельяхъ и дремучихъ лѣсахъ; питались травами, древесными листьями и кореньями.

Родоначальникомъ Пелазговъ, или первымъ вождемъ, соединившимъ ихъ въ одно общество, почитается Инахъ, а по другимъ историкамъ Фороней. Онъ внушилъ своимъ родичамъ, что люди предназначены Творцомъ для общественной жизни и для взаимнаго другъ другу вспоможенія. Фороней, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ удалось ему собрать Пелазговъ, построилъ городъ, названный по его имени Форонеемъ. Этотъ древнѣйшій въ Греціи городъ въ послѣдствіи сдѣлался славнымъ, подъ именемъ Аргоса.

Спустя нѣсколько лѣтъ, Спартонъ, сынъ Форонея, основалъ другой городъ и назвалъ его по своему имени, Спартою. Объ этомъ городѣ мы часто будемъ бесѣдовать.

Съ этого времени Пелазги начали отвыкать отъ дикой жизни; начали воздѣлывать землю; потомъ выстроили нѣсколько городовъ на возвышенныхъ мѣстахъ и обнесли ихъ толстыми и крѣпкими стѣнами; соорудили нѣсколько башенъ и другихъ зданій. Остатки ихъ и теперь еще видны и называются пелазгійскими строеніями,

въ память своихъ основателей. Гробница Фороней въ Аргосѣ принадлежитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ въ этомъ родѣ.

Пелазгійскіе памятники особенно замѣчательны по величинѣ камней, изъ которыхъ они сложены. Дѣйствительно, смотря на нихъ, съ трудомъ вѣришь, что люди могли ворочать такія огромныя массы и поднимать ихъ на такую высоту! Едва обтесанные чудовищные камни, взгромождены одинъ на другой безъ извести, но какъ будто слились въ одну плотную, неразрывную массу, и потому сохранили свое существованіе въ продолженіи многихъ вѣковъ, не смотря на то, что человѣкъ и природа безпрестанно дѣйствовали на нихъ разрушительно.

Эллины не составляли одного народа съ Пелазгами, но и не были совершенно имъ чуждыми. Эллины всегда обнаруживали любовь къ родинѣ, привязанность къ жилищамъ, избраннымъ ихъ родоначальниками, что рѣдко встрѣчаемъ у дикарей, которые живутъ скотоводствомъ и звѣроловствомъ. Напротивъ, Пелазги долго не любили осѣдлой жизни, блуждали многочисленными толпами по Греціи или переплывали на сосѣдственные острова. Отъ того они мало по малу выселились изъ Греціи, а частью смѣшались съ

племенами Эллиновъ, которые, по природному остроумію, были болѣе способны къ общественному образованію.

ОСНОВАНІЕ АѲИНЪ.

1530—1500 г. до Р. Х.

Положеніе Греціи было весьма выгодное для развитія образованности. Находясь между Европою, Азіей и Африкой, она отдѣляется отъ Египта и Сиріи только неширокимъ пространствомъ водъ; слѣдовательно не удалена отъ восточныхъ странъ, въ которыхъ въ древности процвѣтали образованность и торговля. По этому неудивительно, что Греція привлекала къ себѣ не только путешественниковъ, но и переселенцовъ изъ разныхъ земель.

Вы, безъ сомнѣнія, помните что въ царствованіе Великаго Сезостриса въ Египтѣ, одна египетская колонія, подъ предводительствомъ Кекропса, переселилась въ Грецію и основала тамъ нѣсколько городовъ.

Кекропсъ прибылъ съ своими спутниками въ Грецію, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ потопа,

который истребилъ въ этой странѣ большую часть туземцовъ. Наводненіе сопровождалось ужаснымъ землетрясеніемъ, отъ котораго горы разсѣлись, нѣкоторые рѣки и источники изсякли, а другіе появились вновь; словомъ, видъ страны во многомъ измѣнился. Это наводненіе называется обыкновенно «потомъ огигесовымъ», по имени одного изъ тогдашнихъ греческихъ царей. Оно ограничилось одною Греціей и потому его не должно смѣшивать со всемірнымъ потопомъ, которымъ Богъ, во времена Ноя, наказалъ развратившійся родъ человѣческій.

Кекропсъ былъ принятъ ласково туземнымъ царемъ и женился на его дочери. Этотъ иностранецъ и его спутники были люди промышленные и свѣдущіе въ искусствахъ египетскихъ; они вскорѣ привлекли къ себѣ жителей сосѣдственныхъ земель, и такимъ образомъ пополнили населеніе отечества Пелазговъ.

Прежде всего Кекропсъ началъ воздѣлывать поля новаго своего отечества и ввелъ земледѣліе, которое Египтяне нѣкогда переняли у Эѳіоплянъ; насадилъ въ разныхъ мѣстахъ масличныя деревья и научилъ новыхъ своихъ подданныхъ искусству выжимать сокъ изъ плодовъ этого дерева и приготовлять масло; научилъ разводить

виноградъ, который самъ собою росъ по скатамъ холмовъ, и выдѣлывать изъ него вино. Наконецъ онъ оказалъ не менѣе важную услугу улучшеніемъ скотоводства и первою выдѣлкою прочныхъ тканей изъ шерсти овецъ.

Однимъ изъ главныхъ дѣлъ Кекропса было построеніе нѣсколькихъ городковъ въ Аттикѣ, области, омываемой съ трехъ сторонъ моремъ. Самымъ большимъ изъ этихъ городковъ были Аѳины. Это названіе заимствовано отъ имени богини мудрости, которую Кекропсъ велѣлъ почитать туземцамъ подъ именемъ Аѳины (въ послѣдствіи ее называли по большей части Минервою). Мало по малу около Аѳинъ выстроились многіе другіе городки, которые всѣ заселены были Египтянами и остатками пелазгійскаго племени.

Царствованіе первыхъ преемниковъ Кекропса, большею частію, было также благодѣтельно для жителей Аттики. Эрихтоній, одинъ изъ этихъ царей, научилъ жителей впрягать лошадей въ колесницы; Триптолемъ, сынъ его, улучшилъ способы посѣва и жатвы, отъ чего и думали, что его научила этому сама Церера, богиня земледѣлія; далѣе, онъ открылъ искусство устроивать ульи для пчелъ, которыя въ большомъ количествѣ собирали медъ каждую весну на го-

рѣ Гиметѣ, въ окрестностяхъ Аѳинъ, гдѣ эти трудолюбивыя насѣкомыя находили много ароматическихъ растеній.

Я уже говорилъ вамъ о финикійскомъ городѣ Тирѣ, откуда древніе получали превосходную пурпуровую краску для украшенія царскихъ одеждъ. Жители этого города, какъ сказываютъ, были древнѣйшіе мореплаватели. Вскорѣ послѣ переселенія Кекропса въ Аттику, одна финикійская колонія, подъ предводительствомъ смѣлаго выходца Кадма (1500 г.), пристала также къ берегамъ Греціи и поселилась недалеко отъ Аѳинъ, въ странѣ, называемой Віотіею. Тамъ пришельцы построили городъ, который названъ сначала Кадмеею, а потомъ сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ Ѳивъ.

Здѣсь кстати замѣтить, что не надобно смѣшивать віотійскихъ Ѳивъ, построенныхъ Финикіянами, съ стовратными Ѳивами, древнею столицей Египта. Взглянувъ на географическую карту, легко сообразить, что эти два города находились въ большомъ разстояніи одинъ отъ другаго.

Кадмъ, какъ и всѣ предводители колоній, былъ человѣкъ искусный и предпріимчивый; онъ ввелъ въ Грецію множество полезныхъ знаній, пріобрѣтенныхъ Тирянами во время мор-

скихъ путешествій; между прочимъ замѣнилъ финикійскими литерами грубыя буквы, или рѣзы, которыми прежде писали Пелазги и которыя недостаточны были къ выраженію новыхъ понятій. Этотъ иноземецъ познакомилъ ихъ въ тоже время съ выгодами торговли и мореплаванія, которымъ городъ Тиръ одолженъ былъ своимъ блескомъ и богатствомъ.

Около того же времени Данай вывелъ новую египетскую колонію въ страну, въ которой нѣкогда царствовалъ Фороней и которая называлась Арголидою, отъ имени своей столицы Аргоса. Арголида отдѣлялась отъ прочихъ частей Греціи узкою полосой земли или перешейкомъ (истмомъ), гдѣ въ послѣдствіи времени основанъ великолѣпный городъ Коринѳъ; тогда и перешеекъ сталъ называться «коринѳскимъ».

Данай принесъ въ Арголиду такія же знанія, какія Кекропсъ сообщилъ жителямъ Аттики. Онъ научилъ ихъ въ особенности почитанію боговъ египетскихъ, преимущественно же богини Изиды; въ честь ея онъ учредилъ празднества, которыя назывались ѳесмофоріями или иначе «праздниками факеловъ». Эти праздники, при которыхъ могли присутствовать только женщины,

установленные въ честь земледѣлія, слились въ послѣдствіи у Грековъ съ праздниками Цереры.

Данай, говорятъ, пріѣхалъ въ Арголиду на огромнѣйшемъ кораблѣ, построенномъ въ Египтѣ. Этотъ корабль и сдѣлался образцомъ, по которому Греки строили послѣ свои суда.

По баснословнымъ преданіямъ, у Даная было пятьдесятъ дочерей, а у брата его пятьдесятъ сыновей. Отцы соединили своихъ дѣтей брачными узами. Къ несчастію, оракулъ предсказалъ Данаю, что одинъ изъ зятьевъ отниметъ у него престолъ и жизнь. Устрашенный царь приказалъ дочерямъ въ одну ночь умертвить своихъ мужей. Только одна изъ нихъ спасла мужа; всѣ прочія исполнили волю отца своего. За такое злодѣйство дочери Даная, или, какъ называютъ ихъ, Данаиды осуждены въ подземномъ царствѣ адскаго бога Плутона наливать безпрестанно воду въ бездонную бочку.

Персей, одинъ изъ преемниковъ Даная, основалъ въ Арголидѣ нѣсколько городовъ и между ними Микены. По порученію Персея искусные работники, извѣстные тогда подъ именемъ Циклоповъ, обнесли этотъ городъ крѣпкими, толстыми стѣнами, которыхъ замѣчательные остатки видны еще и теперь.

Циклоповъ, употребленныхъ Персеемъ для построенія стѣнъ микенскихъ, въ послѣдствіи стали воображать чудовищными исполинами, съ однимъ глазомъ во лбу, хотя въ самомъ дѣлѣ они были просто промышленные люди, умѣвшіе обтесывать огромные камни для постройки городскихъ стѣнъ и другихъ зданій. Постройки Циклоповъ также крѣпки, какъ памятники Пелазговъ; но не такъ грубы. Работая иногда подъ землею, они привязывали ко лбу лампу, которая и свѣтила имъ при подземныхъ работахъ. По этой причинѣ и представляютъ Циклоповъ съ однимъ только глазомъ во лбу; а какъ они совершали исполинскіе труды, превышающіе, по видимому, силу обыкновенныхъ людей, то и выдумали, что подобные работники были великаны.

Строенія Циклоповъ разнятся отъ пелазгійскихъ только тѣмъ, что послѣднія дѣлались изъ камней, совершенно необдѣланныхъ, тогда какъ Циклопы употребляли для своихъ зданій камни обтесанные, но тѣ и другія были складены безъ извести. Гробница Даная и гробницы другихъ царей его дома самые древніе памятники Циклоповъ.

Такимъ то образомъ дикіе народы этой страны приняли отъ переселившихся въ нее ино-

странцовъ зародышъ искусствъ и заняли самое почитаніе боговъ.

Мы увидимъ, что въ нѣсколько вѣковъ Греки достигли высочайшей степени совершенства во всѣхъ искусствахъ, и оказали удивительные успѣхи во всѣхъ родахъ знаній, къ какимъ только способенъ родъ человѣческій; безобразныя громады пелазгійскихъ или циклопскихъ строеній замѣнились прекрасными зданіями, и наконецъ возведена на верхъ совершенства скульптура (ваяніе), то есть, искусство дѣлать мраморныя или бронзовыя статуи. Скульптурныя произведенія Грековъ, исполненныя чувства и жизни, далеко превзошли въ красотѣ статуи египетскія, которыя обыкновенно представляли людей, съ закрытыми глазами, съ сложенными вмѣстѣ ногами, и съ руками, какъ будто приклеенными къ тѣлу. Это лишало ихъ всякой выразительности и жизни.

ПОТОПЪ ДЕВКАЛІОНОВЪ.

1500—1350 г. до Р. Х.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Кекропса и Кадма, жилъ Девкаліонъ, слывшій за потомка Іафета, сына ноева. Онъ сдѣлался царемъ гористой страны Өессаліи, смежной съ Віотіей.

Въ его время новый потопъ, подобный потопу огигесову, опустошилъ часть Греціи и принудилъ жителей ея искать убѣжища на высокихъ горахъ Өессаліи, гдѣ Девкаліонъ принялъ ихъ благосклонно и черезъ то значительно умножилъ народонаселеніе страны.

Современники девкаліоновы, еще грубые и невѣжественные, видя умноженіе народа послѣ потопа, который, по видимому, долженъ бы истребить всѣхъ людей, приписали Девкаліону сверхъестественное могущество; они разсказывали, что послѣ потопа этотъ царь и жена его, Пирра, услышали съ неба голосъ, который приказывалъ имъ, для заселенія опустошенной земли «бросать черезъ себя кости своей матери». Подумавъ о смыслѣ этого велѣнія, супруги на-

брали камней изъ-подъ своихъ ногъ и начали бросать ихъ черезъ себя, почитая камни костями земли, общей матери всего рода человѣческаго. Камни, брошенные Девкаліономъ, обращались въ мужчинъ, а брошенные Пиррою въ женщинъ; такимъ образомъ въ короткое время заселилась вся Греція. Подобными вымыслами украшены всѣ событія первобытныхъ Грековъ.

По смерти Девкаліона, распространившаго свое владычество надъ большею частію отечества Пелазговъ, остались два сына: Амфиктіонъ и Эллинъ. Они раздѣлили между собою владѣнія отца своего. Удѣлъ Эллина получилъ названіе Эллады. Что жъ касается до Амфиктіона, котораго земли простирались отъ Ѳессаліи до Аттики, то онъ, услышавъ, что Ѳракіяне, одинъ изъ сосѣдственныхъ народовъ, готовятся напасть на его владѣнія, собралъ всѣхъ начальниковъ греческихъ племенъ и склонилъ ихъ заключить общій союзъ для взаимной обороны. Это достопамятное собраніе, названное по имени своего основателя «совѣтомъ амфиктіоновымъ», происходило въ мѣстечкѣ Ѳермопилахъ, что по-гречески значитъ «теплыя ворота,» потому-что тамъ въ узкомъ ущельи протекалъ источникъ горячей воды. Въ послѣдствіи времени совѣтъ амфиктіо-

новъ, въ которой каждый народъ отправлялъ два раза въ годъ своихъ депутатовъ для разсужденія объ общемъ благѣ, сбирался иногда въ крѣпости Анѳелѣ, неподалеку отъ Ѳермопилъ, а иногда въ небольшомъ городкѣ Дельфахъ, построенномъ на высокой горѣ, гдѣ уже при дѣтяхъ Девкаліона возвышался знаменитый храмъ, посвященный богу Аполлону, подъ именемъ котораго обоготворяли солнце.

Въ скоромъ времени Эллинъ умеръ и оставилъ по себѣ троихъ сыновей: Дора, Эола и Ксуѳа. Они должны были раздѣлить царство своего отца; но эти братья, вмѣсто того, чтобъ жить въ согласіи, безпрестанно между собою ссорились и два старшіе принудили Ксуѳа отказаться отъ слѣдовавшей ему части наслѣдства. Онъ, съ небольшимъ числомъ Эллиновъ, удалился въ окрестности Аѳинъ; тогдашній Аѳинскій царь Эрехтей отдалъ за него въ супружество дочь свою, позволилъ построить въ Аттикѣ четыре городка и поселиться въ нихъ съ пришельцами. Но когда переселенцы размножились, дѣти Ксуѳа, Іонъ и Ахей, оставили Аттику, которая немогла вмѣщать большаго народонаселенія. Они удалились на Коринѳскій-перешеекъ, заняли все

пространство до Арголиды и основали два новыя владѣнія подъ именемъ Іоніи и Ахаіи.

Такъ образовались четыре эллинскія племени. Потомки Дора, или Дорійцы, и потомки Эола, или Эолійцы, заняли всю древнюю Элладу, подъ именемъ Дориды и Эоліи, а страна, занятая Ксуѳомъ, осталась за Іонянами и Ахейцами.

Спустя почти 200 лѣтъ послѣ Даная, когда Эллины сдѣлались уже обладателями всей Греціи, новый выходецъ изъ Азіи (изъ Лидіи), Пелопсъ, приплылъ на кораблѣ къ полуострову, который занимали Іоняне и Ахейцы, овладѣлъ на немъ довольно обширными землями и назвалъ его Пелопоннесомъ. Пелопсъ ознакомилъ Эллиновъ съ искусствомъ чеканить золотую и серебряную монету для облегченія торговыхъ сношеній; прежде же рогатый скотъ, составлявшій главную потребность по тогдашнему простому образу жизни, служилъ Грекамъ для обмѣна всѣхъ вещей. Потомки Пелопса, принявшіе названіе Пелопидовъ, покорили всю эту страну, кромѣ Арголиды, гдѣ продолжали царствовать потомки Египтянина Даная.

Такъ эллинскіе народы постепенно знакомились съ общежитіемъ, искусствами и ремеслами. На одномъ изъ сосѣдственныхъ Греціи остро-

вовъ, Критѣ, жилъ художникъ Дедалъ, которому приписываютъ множество полезныхъ изобрѣтеній, какъ то: *пилу*, необходимый инструментъ для приготовленія досокъ, и *колесо*, для обдѣлыванія глиняной посуды. Этотъ изобрѣтательный человѣкъ придумалъ также способъ приводить въ движеніе корабли посредствомъ парусовъ, надуваемыхъ вѣтромъ, между тѣмъ какъ до него плавали на судахъ только греблею, на веслахъ. Древніе, по склонности представлять истину подъ формою занимательныхъ басень, разсказывали будто Дедалъ нашелъ средство летать по воздуху на крыльяхъ.

ГЕРОИ БАСНОСЛОВНЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

1350 — 1250 до Р. Х.

Хотя Греки и сдѣлали уже большіе успѣхи въ общежитіи, но горы и лѣса ихъ отечества были еще наполнены львами, медвѣдями и другими лютыми звѣрями, которые, выходя изъ логовищь своихъ, распространяли страхъ и опустошеніе въ окрестныхъ долинахъ. Да и въ самыхъ долинахъ жило много свирѣпыхъ людей, которые

своею силою и дерзкою отважностью уподоблялись звѣрямъ. Пользуясь безсиліемъ правителей въ государствахъ еще неустроенныхъ, эти злодѣи грабили путешественниковъ, и даже иногда мучили ихъ и лишали жизни. Но люди благонамѣренные и отважные рѣшились истребить такихъ разбойниковъ и освободить землю отъ ихъ насилія и отъ лютости звѣрей. Эти предпріимчивые смѣльчаки, подвергаясь великимъ опасностямъ, странствовали по Греціи и сосѣдственнымъ землямъ, покрытые кожами убитыхъ ими дикихъ звѣрей и обремененные добычею, доставшеюся имъ послѣ злодѣевъ. Такихъ неустрашимыхъ храбрецовъ, прославившихся въ древности своими подвигами, называли героями, а время, въ которое они жили, получило названіе вѣковъ героическихъ. Греческіе народы, свидѣтели мужества и подвиговъ этихъ героевъ, почитали ихъ за необыкновенныхъ людей, и удивляясь имъ, утверждали, что большая часть изъ нихъ были дѣти боговъ.

Знаменитѣйшіе народные герои произошли отъ рода Данаева. Одинъ изъ нихъ, Персей, убилъ Медузу, у которой на головѣ вмѣсто волосъ были змѣи, и которая взглядомъ своимъ окаменѣняла людей. На крылатомъ своемъ конѣ,

Пегасѣ, Персей совершилъ много другихъ великихъ дѣлъ. Изъ его племени происходилъ и Геркулесъ (Ираклъ), который по необыкновенной силѣ и неустрашимости слылъ сыномъ бога Зевса (Юпитера). Въ юности звѣриная ловля и война были любимыми его занятіями. Ѳивскій царь выдалъ за него дочь свою. У нихъ было восьмеро дѣтей; но Геркулесъ въ припадкѣ бѣшенства умертвилъ и жену и дѣтей. Чтобы умилостивить боговъ, онъ обязался, по велѣнію оракула, служить 12 лѣтъ царю тиринскому Эврисѳею. По повелѣнію этого царя Геркулесъ совершилъ 12 опасныхъ подвиговъ: 1) убилъ страшнаго льва въ немейскомъ лѣсу, на коринѳскомъ перешейкѣ; 2) умертвилъ въ лернейскомъ болотѣ гидру, змѣю, со множествомъ головъ, которыя тотчасъ выростали, когда Геркулесъ отсѣкалъ ихъ; 3) поймалъ ужаснаго вепря на эримантскихъ поляхъ, въ Аркадіи, и на плечахъ принесъ его живаго къ царю; 4) отыскалъ на горѣ Менадѣ чудесную серну, съ золотыми рогами и мѣдными ногами; 5) очистилъ Стимфальское озеро, въ Аркадіи, отъ множества хищныхъ птицъ, съ мѣдными клювами и когтями; 6) въ одинъ день очистилъ хлѣвы царя Авгія, въ которыхъ въ продолженіи 30 лѣтъ накопился

навозъ отъ трехъ тысячь воловъ; 7) поймалъ за рога страшнаго быка критскаго, минотавра; 8) овладѣлъ конями ѳракійскаго царя Діомеда, который всѣхъ чужестранцовъ отдавалъ имъ на потоптаніе; 9) сражался съ воинственными женщинами, Амазонками, и добылъ перевязь ихъ царицы для дочери еврисѳеевой, Адметы; 10) быковъ трехлицаго Геріона, которыхъ стерегли великанъ и двуглавый песъ, увезъ съ острова Эритеи, лежащаго въ океанѣ, недалеко отъ береговъ Гесперіи (Испаніи); 11) досталъ золотыя яблоки изъ садовъ гесперидскихъ; 12) сходилъ въ адъ и вывелъ оттуда треголоваго пса Цербера, который охранялъ входъ въ подземное царство, и сковалъ его. Кромѣ этого онъ совершилъ много славныхъ дѣлъ, обходя землю истребляя чудовищь и разбойниковъ. На берегу океана, по обѣимъ сторонамъ пролива, которымъ онъ соединяется съ Средиземнымъ-моремъ, Геркулесъ поставилъ два столба, какъ знаки, что дальше нельзя странствовать. Говорятъ, что на одномъ изъ этихъ столбовъ была надпись, которая сдѣлалась очень извѣстною въ латинскомъ переводѣ Nec plus ultra т. е. «Далѣе нельзя». Напослѣдокъ онъ вступилъ въ бракъ съ Деянирою, дочерью одного изъ

греческихъ царей. Чудовище, пораженное Геркулесомъ, въ предсмертную минуту вручило Деянирѣ одежду, напитанную его кровью и увѣрило, что этотъ талисманъ навсегда сохранитъ ей любовь мужа. Неосторожная Деянира повѣрила чудовищу и отослала одежду Геркулесу; но лишь только онъ надѣлъ ее, ядъ проникъ его тѣло и одежда такъ прильнула къ нему, что страдалецъ сорвалъ вмѣстѣ съ нею все мясо, и потомъ приказалъ сжечь себя на кострѣ. Когда костеръ запылалъ, спустилось облако и въ немъ Геркулесъ, очищенный огнемъ отъ земныхъ пороковъ, съ громомъ поднялся на небо и сдѣлался тамъ полубогомъ. Греки, видя чудное сцѣпленіе событій въ жизни человѣческой, выразили въ баснословныхъ преданіяхъ о Геркулесѣ ту мысль, что всемогущая судьба предопредѣлила каждому человѣку извѣстныя дѣла и несчастія, которыхъ онъ никакъ не избѣгнетъ. Подобное этому вѣрованіе существуетъ теперь у Турковъ и многихъ другихъ народовъ. Оно называется *фаталисмомъ*, т. е. вѣрованіемъ въ предопредѣленія судьбы (рока). Мы, христіане, напротивъ того убѣждены, что Богъ предоставилъ человѣку свободу въ поступкахъ и выборъ путей въ жизни; а чтобъ каждый

могъ избирать только истинно доброе и благое, Творецъ далъ человѣку, какъ руководителей, разумъ и совѣсть.

ПОХОДЪ АРГОНАВТОВЪ.

1250 — 1225 г. до Р. Х.

Многіе изъ героевъ, освободивъ отечество отъ чудовищъ и разбойниковъ, захотѣли распространить свои подвиги за предѣлы Греціи. Первымъ ихъ предпріятіемъ былъ знаменитый походъ аргонавтовъ.

Существовало преданіе, что Фриксъ, сынъ одного изъ царей греческихъ, съ сестрою своею Гелле, бѣжалъ отъ гоненій злой мачихи, и на баранѣ золоторунномъ, т. е. покрытомъ золотою шерстью, приплылъ черезъ Черное-море, въ Калхиду (нынѣшній Кавказъ). На пути Гелле утонула въ проливѣ, отдѣляющемъ Европу отъ Азіи, который и названъ потомъ Геллеспонтомъ, «моремъ Гелле». Фриксъ въ Колхидѣ принесъ богамъ въ жертву своего барана, а кожу съ него или «золотое руно» повѣсилъ въ рощѣ, на священномъ деревѣ. Царь туземный приставилъ къ

нему стражемъ огнедышащаго дракона. Это преданіе возбудило у Грековъ охоту возвратить золотое руно, подъ которымъ можно разумѣть или богатства, увезенныя Фриксомъ, или золото, которое собирали Колхидцы, погружая бараньи шкуры въ потоки, несущіе золотой песокъ изъ горъ Кавказскихъ.

Для этой цѣли, 50 храбрѣйшихъ Грековъ соединились между собою и построили корабль, подобный тому, на которомъ Данай прибылъ въ Арголиду. Кораблю дано названіе «Арго», а потому и воины, отплывшіе на немъ, называются аргонавтами, т. е. «плавателями на кораблѣ Арго». Въ предводители былъ избранъ ѳессалійскій царевичъ Язонъ. Знатнѣйшими изъ аргонавтовъ были Ѳезей, сынъ аѳинскаго царя Эгея, Касторъ и Поллуксъ, братья-близнецы, прославившіеся своими подвигами, а въ началѣ похода участвовалъ и Геркулесъ. Плавателей забавлялъ игрою на лирѣ Орѳей, пѣвецъ изъ Ѳракіи, который силою музыки могъ усмирять дикихъ звѣрей, останавливать теченіе рѣкъ и даже заставлялъ плясать деревья, а для исцѣленія ранъ и болѣзней находился на кораблѣ Эскулапъ, искуснѣйшій врачъ своего времени, котораго называютъ «отцомъ врачебной науки».

Совершивъ продолжительное путешествіе, отдаленнѣе всѣхъ прежде предпринятыхъ, отважные мореходцы овладѣли сокровищами царя колхидскаго, съ помощью Медеи, дочери этого государя, которую Язонъ взялъ въ супружество.

Походъ Аргонавтовъ ознакомилъ Грековъ съ разными странами Европы и Азіи, гдѣ въ послѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ построили города и основали цѣлыя царства, точно также, какъ и самая Греція населена была египетскими и финикійскими выходцами.

Изъ героевъ, участвовавшихъ въ походѣ аргонавтовъ, надобно обратить особенное вниманіе на Ѳезея. По совершеніи многихъ подвиговъ, онъ возвратился въ отечество, и видя, что 12 колоній, основанныхъ въ разныя времена Кекропсомъ и Ксуѳомъ въ окрестностяхъ Аѳинъ, не достигнутъ благоденствія, пока не составятъ одного государства, успѣлъ обитателей ихъ соединить въ одинъ народъ, сблизивъ ихъ обычаи, подчинивъ однимъ и тѣмъ же законамъ и утвердивъ почитаніе однихъ и тѣхъ же боговъ. Въ память соединенія всѣхъ жителей Аттики, Ѳезей учредилъ въ честь Минервы празднество; оно отправлялось ежегодно и называлось панаѳинейскимъ, т. е. праздникомъ всѣхъ Аѳинянъ.

Съ этого времени городъ Аѳины началъ быстро возвышаться; мы часто будемъ имѣть случай говорить о немъ.

Сказываютъ, что Ѳезей въ старости помрачилъ славныя дѣянія своей жизни. Онъ несправедливо предалъ смерти сына своего Ипполита, котораго царица Федра, его мачиха, по злобѣ обвинила въ тяжкомъ преступленіи. Жестокость возбудила въ народѣ ненависть къ Ѳезею, и Аѳиняне, подстрекаемые тайными врагами его, недовольными перемѣнами въ управленіи городами Аттики, принудили Ѳезея удалиться на близлежащій островъ Скиросъ, гдѣ онъ и кончилъ жизнь свою.

Въ это же время дѣти геркулесовы, называвшіеся Ираклидами, въ борьбѣ съ дѣтьми Пелопса за право владѣнія Пелопоннесомъ, лишились собственнаго своего царства въ Аргосѣ и принуждены были искать убѣжища въ Аттикѣ. Аѳиняне сначала согласились помогать имъ; но Ираклиды, послѣ двукратнаго пораженія, увидѣли себя въ необходимости бѣжать въ Ѳессалію, къ Дорійцамъ, которые дали имъ пристанище съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они въ продолженіи ста лѣтъ не дѣлали никакихъ покушеній овладѣть отцовскимъ царствомъ.

ЭДИПЪ.

1225 — 1215 г. до Р. Х.

Когда въ Аѳинахъ жилъ Ѳезей, въ Ѳивахъ царствовалъ Лаій, одинъ изъ потомковъ Кадма Финикіянина. Женившись на дочери сосѣдственнаго государя, Іокастѣ, онъ вздумалъ спросить оракула, счастливо ли будетъ его супружество? Отвѣтъ оракула угрожалъ Лаію ужасными бѣдствіями, возвѣстивъ, что отъ его брака родится сынъ, который совершитъ неслыханныя преступленія: умертвитъ отца своего и женится на матери.

Это зловѣщее предсказаніе такъ устрашило Іокасту и Лаія, что они, когда родился у нихъ сынъ, отдали младенца слугѣ и велѣли тотчасъ его умертвить. Но слуга, изъ состраданія, отнесъ несчастнаго малютку на ближнюю гору Киѳеронъ и тамъ его оставилъ на произволъ судьбы. Пастухи, гонявшіе стада на эту гору, услышали крикъ младенца; они взяли малютку съ собой, принесли въ Коринѳъ и представили царю. Царь и царица такъ плѣнились красотою найденыша

что начали воспитывать его, какъ собственнаго сына, и назвали Эдипомъ.

Эдипъ росъ, вовсе не подозрѣвая, что былъ только пріемышемъ.

На одномъ празднествѣ, онъ увидѣлъ человѣка въ нетрезвомъ видѣ и показалъ къ нему презрѣніе. Грубый гуляка, въ отмщеніе назвалъ Эдипа подкидышемъ, который только изъ милости принятъ въ семейство царское. Оскорбленный юноша тотчасъ пошелъ къ мнимымъ родителямъ своимъ и разсказалъ, что съ нимъ случилось. Они старались утѣшить его ласками, но Эдипъ догадался, что отъ него скрываютъ истину, и на другой же день тайно отправился къ ближайшему оракулу. Оракулъ повторилъ ему точь въ точь слова, глубоко поразившія Лаія и Іокасту.

Услышавъ этотъ страшный отвѣтъ, Эдипъ въ отчаяніи рѣшился не возвращаться въ Коринѳъ, чтобъ не сдѣлаться причиною несчастій мнимыхъ своихъ родителей.

Онъ шелъ нѣсколько дней, самъ не зная куда; наконецъ, на перекресткѣ трехъ дорогъ, встрѣтился съ старцемъ, ѣхавшимъ въ колесницѣ, въ сопровожденіи многихъ слугъ. Безразсудный юноша не уступилъ ему дороги и отвѣ-

чалъ дерзко старцу, который приказывалъ ему посторониться. За эту дерзость путешественникъ велѣлъ своимъ слугамъ наказать его. Эдипъ, увлеченный необузданною пылкостью, ударилъ старца палкою и убилъ его на мѣстѣ. Слуги въ испугѣ разбѣжались, а Эдипъ, сожалѣя о неумышленномъ убійствѣ, продолжалъ путь наудачу по одной изъ трехъ дорогъ, и на другой день пришелъ въ Ѳивы.

Тамъ весь народъ былъ въ замѣшательствѣ и глубокой печали, по случаю извѣстія, что добрый царь Лаій убитъ на дорогѣ.

Особое обстоятельство еще болѣе увеличило ужасъ Ѳивянъ. Распространился слухъ, что какое-то чудовище, называемое сфинксомъ, съ женскою головой, львинымъ туловищемъ и орлиными крыльями, засѣло на скалѣ, при одной изъ самыхъ проѣзжихъ дорогъ, останавливаетъ путешественниковъ, предлагаетъ каждому загадку, трудную для разрѣшенія, и всякаго, кто не можетъ отгадать ее, свергаетъ со скалы въ пропасть.

Тотчасъ обнародовали по всему государству, что тотъ, кто освободитъ Віотію отъ ужаснаго сфинкса, получитъ ѳивскій престолъ и руку царицы. Эдипъ, обладавшій умомъ и мужествомъ, смѣло отправился на мѣсто, гдѣ находился сфинксъ.

Чудовище предложило ему загадку: «Какое животное по утру ходитъ на четырехъ ногахъ, въ полдень на двухъ, а вечеромъ на трехъ?». Эдипъ, подумавъ, сказалъ съ видомъ увѣренности: животное, о которомъ ты мнѣ говоришь, человѣкъ; въ младенчествѣ онъ ходитъ на рукахъ и на ногахъ; въ зрѣломъ возрастѣ легко и быстро на однѣхъ ногахъ, а въ старости слабыя и дрожащія ноги свои поддерживаетъ палкою.

При этомъ отвѣтѣ сфинксъ испустилъ ужасный крикъ, и самъ бросился со скалы. Слухъ о побѣдѣ Эдипа скоро дошелъ до Ѳивъ; молодой иностранецъ принятъ народомъ съ изъявленіемъ всеобщаго восторга, сдѣлался супругомъ Іокасты и возведенъ на престолъ Лаія.

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ этого происшествія; Эдипъ успѣлъ мудростью и добродушіемъ привлечь къ себѣ сердца Ѳивянъ, какъ вдругъ по всему государству распространилась моровая язва и истребляла множество народа.

Сострадательный Эдипъ, не находя средствъ къ избавленію народа отъ гибели, послалъ спросить оракула чѣмъ можно прекратить общественное бѣдствіе. Оракулъ объявилъ, что боги караютъ Ѳивянъ за то, что они возвели на пре-

столъ человѣка, который убилъ отца своего и сдѣлался супругомъ матери.

Этотъ отвѣтъ какъ громомъ поразилъ Эдипа. Тогда распросами и изслѣдованіемъ дѣйствительно убѣдились, что онъ былъ не другой кто, какъ несчастный сынъ Іокасты, брошенный нѣкогда на горѣ Киѳеронѣ. Іокаста, видя что сбылись всѣ бѣдствія, которыхъ она хотѣла избѣжать, сама задушила себя, а Эдипъ, сдѣлавшійся предметомъ ужаса въ глазахъ своего народа и цѣлаго свѣта, по своимъ неумышленнымъ, но тяжкимъ преступленіямъ, рѣшился не смотрѣть болѣе на свѣтъ дневной, и выкололъ себѣ глаза.

Въ такомъ страдальческомъ видѣ онъ удалился изъ Ѳивъ, чтобъ умереть за предѣлами своего отечества, тамъ, гдѣ еще не извѣстенъ плачевный его жребій; но вездѣ, куда ни приходилъ злополучный старецъ, люди въ ужасѣ убѣгали при одномъ его имени. Семейство Эдипа состояло изъ двухъ сыновей, Этеокла и Полиника, наслѣдовавшихъ царство, и двухъ дочерей. Младшая дочь, Антигона, образецъ дѣтской преданности, посвятила всю жизнь свою на служеніе слѣпому отцу, дѣлила съ нимъ изгнаніе и сопровождала его вездѣ, гдѣ онъ влачилъ жалкое

свое существованіе. Между тѣмъ грозная судьба не переставала его преслѣдовать. Оракулъ вновь объявилъ, что мѣсто, гдѣ будетъ погребенъ Эдипъ навсегда останется пагубнымъ для Ѳивянъ и что онъ не найдетъ покоя до тѣхъ поръ, пока не примутъ его подъ свое покровительство адскія богини Фуріи или Эвмениды.

Такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, несчастный слѣпецъ, сопровождаемый нѣжною Антигоною, исходилъ почти всю Грецію, какъ вдругъ, въ одинъ вечеръ, находясь въ мѣстечкѣ *Колонѣ*, близь Аѳинъ, онъ узналъ, что передъ нимъ находится густой лѣсъ, посвященный Эвменидамъ.

Тогда не сомнѣваясь, что насталъ конецъ его страданій, Эдипъ призвалъ къ себѣ Ѳезея, тогдашняго аѳинскаго царя, и объявилъ ему, что Ѳивяне всегда будутъ терпѣть пораженіе въ той странѣ, гдѣ онъ будетъ погребенъ. За тѣмъ, ввѣривъ его покровительству любезную свою Антигону, Эдипъ углубился въ чащу лѣса Эвменидъ и тамъ исчезъ при трескѣ грозы и блескѣ молніи.

Нѣтъ нужды сказывать вамъ, что въ эту исторію внесено множество баснословныхъ разсказовъ. Древніе Греки любили украшать ими

свои героическіе вѣка. Изъ нея однако жъ можно заключить, что въ то время, когда Ѳезей устроилъ въ своемъ государствѣ порядокъ, сосѣдственныя Ѳивы были еще театромъ сильнѣйшихъ волненій. Слѣдующій разсказъ подтвердитъ это.

СЕМЬ ВОЖДЕЙ ПОДЪ СТѢНАМИ ѲИВЪ.

1215 — 1194 г. Р. Х.

Сыновья несчастнаго Эдипа, Этеоклъ и Полиникъ, которымъ онъ оставилъ престолъ, не желая раздроблять царства, условились, чтобы каждый изъ нихъ царствовалъ по очереди въ продолженіи цѣлаго года, а по прошествіи этого срока уступалъ бы власть другому брату.

Этеоклъ, какъ старшій, спокойно царствовалъ въ первый годъ; но когда срокъ его власти кончился, онъ не только не захотѣлъ сложить съ себя корону, но даже грозилъ Полинику смертью, если онъ не удалится изъ Ѳивъ. Раздраженный Полиникъ обратился къ царю аргосскому, Адрасту, женился на его дочери и просилъ помощи противъ брата, несправедливо отнявшаго у него корону.

Споръ между сыновьями Эдипа былъ поводомъ къ кровопролитной войнѣ, въ которой сторону Полиника приняли многіе цари. Обѣщаніемъ богатаго возмездія, онъ исторгъ у нихъ самую ужасную клятву адскимъ божествамъ, что не положать оружія, пока не отмстятъ Этеоклу; эту же клятву повторило и войско.

Вождями со стороны Полиника были: Адрастъ царь аргосскій, братъ его Амфіарей, почитавшійся предвѣщателемъ; два его племянника, Капаней и Гиппомедонъ, извѣстные храбростью; съ ними Тидей, царь этолійскій, и еще князь Парѳенопей. Эти семь вождей, съ многочисленнымъ войскомъ, отправились въ походъ противъ Ѳивъ.

Здѣсь можно замѣтить, что до этого времени Греки не показывали никакихъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ; ихъ образъ войны состоялъ въ опустошеніи полей своихъ сосѣдей и въ отчаянной схваткѣ съ непріятелемъ; но въ походѣ на Ѳивы каждый изъ семи вождей велъ воиновъ на сраженіе строемъ и управлялъ всѣми ихъ движеніями. И такъ къ этому времени должно относить начало греческой военной дисциплины, которая торжествовала въ послѣдствіи надъ многочисленностью войскъ персскихъ.

Войско семи вождей на пути къ Ѳивамъ достигло немейскаго лѣса, гдѣ Геркулесъ убилъ льва. Здѣсь Аргивяне рѣшились ознаменовать свое посѣщеніе учрежденіемъ въ честь героя празднествъ, извѣстныхъ подъ именемъ «немейскихъ игръ», на которыя приглашаемы были черезъ каждые три года всѣ греческія племена. Я послѣ объясню вамъ, въ чемъ состояли эти игры.

Этеоклъ, предводительствуя храбрыми воинами, рѣшился защищать городъ до послѣдней крайности. И въ самомъ дѣлѣ усилія осаждавшихъ долго оставались тщетными. Капаней, самый отважный изъ вождей аргивскихъ, былъ сверженъ съ лѣстницы, по которой хотѣлъ взойти на городскія стѣны; много другихъ вождей пало въ частыхъ битвахъ и ничто не предвѣщало скораго окончанія гибельной войны, какъ вдругъ Этеоклъ и Полиникъ, которыхъ взаимная ненависть, казалось, съ каждымъ днемъ возрастала, рѣшились кончить распрю поединкомъ на смерть. Ослѣпленные яростью, братья бросились другъ на друга съ обнаженными мечами и оба пали мертвыми, показавъ цѣлому свѣту ужасный примѣръ братской ненависти, унижающей достоинство человѣческой природы.

Но и этотъ отвратительный поединокъ не прекратилъ ѳивской войны, возбужденной ненавистію между братьями.

Подъ стѣнами Ѳивъ легли всѣ вожди аргивскіе, кромѣ Адраста, и уже дѣти ихъ, послѣ продолжительной осады, овладѣли городомъ и возвели на престолъ ѳивскій Ѳерзандра, сына несчастнаго Полиника.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда одинъ изъ потомковъ Ѳерзандра впалъ въ разстройство ума, Ѳиване, видя изъ опыта, что племя эдипово подвергалось безпрерывнымъ бѣдствіямъ и несло на себѣ гнѣвъ небесный, возвели на престолъ новую династію царей.

ОСАДА ТРОИ.

1194 — 1184 г. до Р. Х.

Въ Азіи, на берегу Геллеспонта, находилось Троянское царство, прелестная и живописная страна, превосходившая Грецію плодородіемъ земли и пріятностью климата. По преданію, она населена была выходцами изъ Греціи лѣтъ за 200 до той знаменитой войны, о которой я

Менелай, Парисъ, Діомидъ, Улисъ, Несторъ, Ахиллесъ, Агамемнонъ.

разскажу вамъ. Эти поселенцы, смѣшавшись съ Фригійцами, сосѣдями Лидіянъ, составили особый народъ. Царь Дарданъ основалъ городъ на отрасляхъ горы Иды, возвышающейся надъ прекрасною и плодоносною равниною, которую орошаютъ рѣки Симоисъ и Скамандръ. Новое поселеніе процвѣтало подъ властью сына дарданова, богатаго Эрихтонія, который обладалъ многочисленными табунами коней, превосходной породы. Отъ преемника его Троса, городъ получилъ названіе Троп. Сынъ Троса, Илъ, перенесъ свое мѣстопребываніе съ горы въ равнину; по его-то имени Троя называлась также Иліономъ. Лаомедонъ, преемникъ Ила, обнесъ городъ такими крѣпкими стѣнами, что онѣ, по суевѣрію тѣхъ временъ, почитались дѣломъ боговъ. Но для сооруженія стѣнъ царь захватилъ сокровища храмовъ, и оскорбленные боги поразили бѣдствіями его потомство.

Сынъ Лаомедона, Пріамъ, долгое время наслаждался обманчивыми дарами счастія, прежде чѣмъ боги излили на него месть свою. Достигнувъ глубокой старости и спокойно обладая престоломъ, Пріамъ окруженъ былъ многочисленнымъ и цвѣтущимъ семействомъ, пользовался любовью подданныхъ, уваженіемъ сосѣдей.

Этому-то кроткому царю предопредѣлено было испытать подъ конецъ жизни величайшія горести.

Во время Пріама въ Пелопоннесѣ владычествовали Пелопиды. Они питали къ Троянцамъ непримиримую вражду за то, что родоначальникъ ихъ (Пелопсъ) былъ изгнанъ изъ Азіи троянскимъ царемъ Иломъ, и потому всегда готовы были начать распрю. Поводъ къ войнѣ поданъ со стороны Троянъ.

Одинъ изъ сыновей Пріама и супруги его Гекубы, Парисъ или Александръ, вздумалъ путешествовать по Греціи. Многіе греческіе владѣтели съ удовольствіемъ принимали ловкаго и умнаго троянскаго царевича.

Такъ онъ нашелъ радушное гостепріимство и у Менелая, царя спартанскаго. Менелай, одинъ изъ потомковъ знаменитой династіи Пелопидовъ, незадолго передъ тѣмъ женился на прекрасной царевнѣ, Еленѣ, сестрѣ Кастора и Поллукса, героевъ, участвовавшихъ въ походѣ аргонавтовъ.

Елена съ самаго нѣжнаго дѣтства удивляла всѣхъ своею красотою; многіе владѣтели искали руки ея и соперничали другъ съ другомъ. Отецъ ея, Тиндарей, царь спартанскій, обязалъ жениховъ клятвою охранять честь своей дочери, а ей предоставилъ право отдать руку одному изъ

нихъ, по собственному ея выбору. Елена предпочла всѣмъ Менелая, и съ рукою своею доставила ему право на спартанскій престолъ. Но Менелай недолго пользовался своимъ счастіемъ. Парисъ съ самой той минуты, какъ только увидѣлъ Елену, полюбилъ ее пламенно. Онъ самъ превосходилъ красотою всѣхъ своихъ современниковъ, и хотя не былъ славнымъ воиномъ, однако жъ отличался пылкою отважностью. Дарованіями своими, ловкостью и тягостными трудами, которые троянскій царевичъ перенесъ добровольно изъ любви къ спартанской царицѣ, онъ до того понравился ей, что она, во время отъѣзда Менелая на островъ Критъ, уѣхала вмѣстѣ съ Парисомъ въ Трою, бросивъ родину и супруга, Елена не забыла увезти съ собою царскія богатства.

Тогда настало время Менелаю просить помощи у своихъ прежнихъ соперниковъ, въ исполненіе клятвы, которую они дали Тиндарею.

Цари греческіе, родственники и союзники оскорбленнаго спартанскаго царя, собрали войско и рѣшились отправиться къ Троѣ, чтобы силою принудить Пріама возвратить вѣроломную Елену и сокровища, которыя она увезла съ собою. Агамемнонъ, братъ Менелая, царь аргосскій,

избранъ предводителемъ войска. Оно было такъ многочисленно, что для переправы его изъ пристаней греческихъ на берега Азіи потребовалось 1200 кораблей (*). Замѣчательнѣйшими въ числѣ предводителей войска были: Несторъ, царь пелопонезскаго города Пилоса, почитавшійся мудрѣйшимъ изъ царей своего вѣка; Улиссъ (Одиссей), царь Итаки, одного изъ небольшихъ островов, сосѣдственныхъ Греціи; Идоменей царь критскій; мужественный и сильный Аяксъ, сынъ Теламона, царь саламинскій; Ѳерзандръ, царь ѳивскій, сынъ Полиника, и наконецъ неустрашимый Діомидъ, происходившій отъ аргосскихъ властителей. Сверхъ того, въ греческомъ войскѣ находился юный герой, красивѣйшій и храбрѣйшій изъ всѣхъ Грековъ, Ахиллесъ, сынъ Пелея, царя ѳессалійскаго, одного изъ товарищей Язона. Ахиллесу еще въ дѣтствѣ было предсказано, что онъ пріобрѣтетъ безсмертную славу подъ стѣнами Трои и тамъ же найдетъ себѣ смерть, а если согласится оставаться въ неизвѣстности въ своихъ владѣніяхъ,

---

* Впрочемъ не надобно думать, что тогдашніе корабли были велики. Въ то время обыкновенно строили весьма небольшія суда.

будетъ наслаждаться долгою жизнію. Успѣхъ же самой войны противъ Трои, по словамъ оракула, зависѣлъ именно отъ участія въ ней Ахиллеса. Его мать, по нѣжной любви къ сыну, желала съ самыхъ юныхъ лѣтъ погасить въ немъ воинственный жаръ; она одѣла девятилѣтняго Ахиллеса въ женское платье, назвала Пиррою и отправила ко двору скиросскаго царя Ликодема, гдѣ онъ и воспитывался вмѣстѣ съ дочерьми царскими. Когда греческіе цари начали сбираться въ походъ подъ Трою, вездѣ дѣлались розыски, чтобъ открыть убѣжище Ахиллеса; но все оставалось напраснымъ до тѣхъ поръ, пока хитрый Уллисъ не вздумалъ явиться ко двору Ликодема подъ видомъ иностраннаго купца. Разложивъ передъ царевнами множество драгоцѣнныхъ украшеній, онъ предоставилъ каждой изъ нихъ выбрать для себя то, что ей болѣе нравилось; Ахиллесъ тотчасъ схватилъ копье, которое было ему всего дороже, и такимъ образомъ открылъ тайну. Царица, его мать, не могла болѣе препятствовать славолюбивому сыну идти къ Троѣ и присоединиться къ греческимъ царямъ, ожидавшимъ его съ нетерпѣніемъ.

Ахиллесъ, при своей необычайной храбрости и силѣ, былъ вспыльчивъ и непреклоненъ до

такой степени, что не могъ терпѣливо сносить никакого противорѣчія. Малѣйшее препятствіе его желаніямъ приводило его въ гнѣвъ, и тогда только Патроклъ, лучшій другъ его, могъ давать ему совѣты.

Однажды воины привели въ лагерь Ахиллеса молодую Троянку, Бризеиду, которую сынъ Пелея требовалъ себѣ въ невольницы, какъ обыкновенно поступали тогда съ военноплѣнными; но Агамемнонъ, какъ верховный вождь, утверждалъ, что плѣнница должна принадлежать ему и приказалъ отвесть ее въ свой лагерь.

Ахиллесъ предался неукротимому гнѣву: удалившись въ шатеръ, онъ бросилъ мечъ свой, и поклялся не сражаться болѣе ни за Агамемнона, ни за брата его Менелая.

Несогласіемъ греческихъ вождей воспользовались Троянцы. Старшій сынъ пріамовъ, храбрый Гекторъ, въ темную ночь вышелъ съ войскомъ изъ города и, напавъ нечаянно на греческій лагерь, зажегъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ, умертвилъ множество воиновъ прежде, чѣмъ они успѣли взяться за оружіе, и убилъ собственною рукою отважнаго Патрокла.

До этой минуты ни неудачи Грековъ, ни просьбы другихъ царей, не могли заставить пелеева сына

сосѣдней съ Спартою; а престолъ спартанскій раздѣлекъ былъ между сыновьями Аристодема, Прокломъ и Еврисѳеномъ.

Между тѣмъ Доряне, помогавшіе Ираклидамъ, воспользовались этимъ случаемъ и вытѣснили изъ Пелопоннеса Іонянъ, которые искали убѣжища въ Аттикѣ и были благосклонно приняты царемъ Кодромъ. Но это навлекло на него самаго и на всю Аттику большія несчастія: Ираклиды объявили Кодру войну за его покровительство Іонянамъ и начали опустошать его царство.

Уже оба войска стояли другъ противъ друга, готовыя вступить въ бой, когда Кодръ, по обычаю того времени, отправилъ вопросить оракула объ успѣхѣ наступавшей битвы. Оракулъ отвѣчалъ, что побѣда непремѣнно будетъ на той сторонѣ, съ которой падетъ въ сраженіи верховный вождь.

Царь аѳинскій рѣшился пожертвовать жизнью, чтобъ доставить побѣду своему народу. Въ одеждѣ простаго воина, онъ вмѣшался въ непріятельскіе ряды и вскорѣ палъ подъ ударами мечей. Аѳиняне, узнавъ о самопожертвованіи царя, поспѣшили отмстить за его смерть: стремительнымъ ударомъ они обратили Дорійцевъ

въ бѣгство, и такимъ образомъ оправдали предсказаніе оракула.

Съ этого времени Аѳиняне, изъ благоговѣнія къ памяти Кодра, опредѣлили чтобы послѣ него въ ихъ городѣ никто не носилъ царскаго титула. Сынъ Кодра, Медонъ, вступая въ управленіе, принялъ званіе архонта, т. е. безсмѣннаго правителя. Такимъ образомъ царское достоинство было отмѣнено въ Аѳинахъ.

Дорійцы, отраженные Аѳинянами, возвратились въ Пелопоннесъ, гдѣ и оставались единственными властителями. Въ правленіи Иракли-довъ покоренные Дорійцами народы этой страны терпѣли жестокія утѣсненія и возвращеніе Пелопидовъ сдѣлалось уже невозможнымъ.

Что касается до Іонянъ, которыхъ Кодръ великодушно принялъ, то ихъ было такъ много, что они не могли помѣститься въ Аттикѣ. Поэтому, построивъ корабли, они переправились для поселенія въ Азію, заняли тамъ плодоносную страну и назвали ее Іонією, въ воспоминаніе своего любезнаго отечества. Здѣсь основали они, въ недальнемъ разстояніи отъ моря, многіе города; славнѣйшими изъ нихъ сдѣлались Милетъ и Эфесъ. Пелопоннескіе выходцы заняли также своими колоніями большую часть остро-

выдти изъ шатра на помощь своимъ соотечественникамъ; но смерть Патрокла, друга и товарища его дѣтства, заставила его наконецъ перемѣнить свое намѣреніе. Онъ снова взялся за мечъ, страшный для враговъ, бросился въ слѣдъ за Гекторомъ, когда тотъ, утомленный битвою, отступалъ къ стѣнамъ Трои, настигъ его и нанесъ ему смертельный ударъ. Смерть врага не могла еще удовлетворить ожесточенію лютаго Ахилла: онъ привязалъ тѣло Гектора за ноги къ своей колесницѣ и потащилъ окровавленный и изувѣченный трупъ несчастнаго юноши вокругъ стѣнъ Трои.

Престарѣлый Пріамъ, смотрѣвшій съ высоты стѣнъ на единоборство двухъ героевъ, былъ свидѣтелемъ смерти любимѣйшаго своего сына. Несчастный отецъ въ горести хотѣлъ броситься съ башни внизъ, и бросился бы, если бъ Гекуба и дѣти не успѣли удержать его.

По тогдашнимъ вѣрованіямъ душа умершаго неиначе могла войти въ царство тѣней, какъ послѣ почетнаго погребенія. Убивъ Гектора, Ахиллесъ захотѣлъ почтить празднествомъ погребеніе друга своего Патрокла. Немедленно воздвигнутъ былъ костеръ, на немъ положенъ омытый трупъ Патрокла, а вокругъ поставлены

двѣнадцать троянскихъ плѣнниковъ, которыхъ свирѣпый Ахиллесъ убилъ потомъ собственною рукою для сожженія на одномъ кострѣ съ его другомъ. На могилѣ патрокловой Ахиллесъ учредилъ воинскія игры, состоявшія въ бѣгѣ на колѣсницахъ и взапуски, въ борьбѣ, въ бросаніи копья, кулачномъ бою и проч. И этимъ неудовольствовался мстительный Ахиллесъ: не могши заснуть ночью, онъ вышелъ изъ шатра, запрягъ коней въ колесницу, привязалъ къ ней трупъ Гектора, и еще три раза протащилъ его вокругъ могилы своего друга. И такъ Ахиллесъ, отличавшійся неустрашимостью, пламенною любовью къ друзьямъ, мужественнымъ презрѣніемъ трудовъ, опасностей и смерти, въ тоже время былъ упорно жестокъ и безчувственъ къ слабымъ и побѣжденнымъ. Таковы были тогдашніе нравы.

Между тѣмъ въ семействѣ Пріама раздавались плачъ и рыданія. Дряхлый старецъ, терзаемый мыслью, что славный его сынъ преданъ поруганію, смѣло пробрался въ греческій лагерь и, бросившись къ ногамъ Ахиллеса, умолялъ его возвратить тѣло Гектора для погребенія. Пріамъ сказалъ суровому греческому герою: «Отдай мнѣ тѣло Гектора; я принесъ тебѣ бо-

гатые дары. Побойся боговъ! Подумай, если и твоему отцу придется стать на колѣни передъ юношею! Посмотри, я злополучный старецъ цалую руку, которая сразила моихъ дѣтей!»

Ахиллесъ не могъ болѣе противиться мольбамъ Пріама; онъ поднялъ старца и съ честью отдалъ ему трупъ Гектора. Но и могучій Ахиллъ нашелъ смерть подъ стѣнами Трои: Парисъ поразилъ его стрѣлою.

Мы не будемъ разсказывать здѣсь о другихъ подробностяхъ осады Трои; довольно знать, что послѣ 10-ти лѣтъ, проведенныхъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ, Греки наконецъ овладѣли городомъ съ помощью военной хитрости, которая увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Показавъ видъ, будто они отказались отъ надежды разрушить неодолимыя стѣны, подъ которыми погибли храбрѣйшіе ихъ воины, Греки сѣли на корабли, чтобъ возвратиться въ Грецію, а на берегу оставили только огромнаго деревяннаго коня, распустивъ молву, что приносятъ его въ даръ богу морей, и молятъ, чтобъ онъ послалъ имъ счастливое плаваніе; но между тѣмъ во внутренности коня помѣстили значительное число воиновъ. Троянцы, съ восторгомъ проводивъ взорами удалявшихся непріятелей,

были такъ неосторожны, что втащили этого коня, по совѣту измѣнника Синона, въ свой городъ. Лишь только настала ночь, Греки вышли изъ коня; отворили ворота своимъ товарищамъ, снова приставшимъ къ берегу, напали съ ними на неосторожныхъ Троянцевъ и умертвили Пріама, Париса и другихъ защитниковъ Трои.

Царица Гекуба, со всѣми своими дочерьми и съ знатнѣйшими Троянками, отведена въ рабство.

Елена возвратилась къ Менелаю, который принялъ ее, не смотря на ея измѣну, а знаменитая Троя разрушена до основанія.

Большая часть греческихъ царей, которые разрушили пріамово царство, жестоко были наказаны за свое варварство съ Троянцами. Противъ Агамемнона, по возвращеніи его въ Аргосъ, злоумышляла собственная жена его Клитемнестра; онъ былъ убитъ злодѣями, завладѣвшими царствомъ во время его отсутствія; Аяксъ, сынъ Теламона, со всѣми своими кораблями, погибъ во время бури близъ береговъ острова Саламина; Идоменей, изгнанный съ острова Крита сильнымъ соперникомъ, былъ принужденъ уйти въ отдаленную страну, названную послѣ отъ множества греческихъ переселенцовъ Великою-Гре-

ціею; эта страна составляла часть Италіи, о которой мы будемъ говорить послѣ.

Что касается до Улисса, то онъ блуждалъ съ своими товарищами цѣлые десять лѣтъ, не могши попасть въ отечество свое, Итаку, и прибылъ туда только въ то время, когда подданные его, давно уже считавшіе царя своего погибшимъ, хотѣли принудить супругу его Пенелопу выйти за мужъ за другаго. Когда Улиссъ, переодѣвшись нищимъ, подошелъ къ дворцу своему, никто изъ прежнихъ слугъ не узналъ его, кромѣ старой собаки, которая бросилась лизать его ноги и издохла отъ радости. Телемахъ, сынъ Улисса, отправился за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ искать отца своего. Изъѣздивъ тщетно многія земли и обширныя моря, онъ съ безнадежною горестію возвратился въ Итаку, и тамъ уже неожиданно нашелъ своего родителя.

ГОМЕРЪ.

около 900 г. до Р. Х.

Около трехъ сотъ лѣтъ прошло послѣ разрушенія Трои, какъ появился въ Греціи бѣдный

слѣпой старецъ; главное имущество его состояло въ лирѣ, т. е. въ инструментѣ о семи струнахъ, на которомъ онъ воспѣвалъ героевъ и дѣла войны троянской.

Гомеръ (такъ назывался этотъ знаменитый пѣснопѣвецъ) разсказывалъ въ пѣсняхъ такіе достопамятные случаи, что въ каждомъ селеніи, куда ни приходилъ онъ, сбѣгались къ нему и слушали его съ невыразимымъ восхищеніемъ, потому-что повѣствованія эти отличались неподражаемою вѣрностью, живостью и простотою; слушая ихъ каждый какъ будто переносился на мѣста давноминувшихъ битвъ и опасностей. Нѣкоторые изъ Грековъ до того плѣнились пѣснями Гомера, что выучили ихъ наизусть и сами сдѣлались странствующими пѣвцами. Ихъ называли рапсодами.

Повторяя пѣсни Гомера, они сдѣлали ихъ извѣстными во всѣхъ странахъ Европы и Азіи, гдѣ греческій языкъ былъ въ употребленіи. То воспѣвали они гнѣвъ Ахиллеса, или смерть Патрокла; то повторяли просьбы престарѣлаго Пріама, умоляющаго сына пелеева—отдать ему трупъ храбраго Гектора; то брали предметомъ пѣсенъ своихъ похожденія Улисса, его продолжительное странствованіе и возвращеніе въ Итаку.

Вы удивитесь, когда я скажу вамъ, что ни отечество Гомера, ни время его жизни съ точностью неизвѣстны.

По смерти великаго старца пятьдесятъ греческихъ городовъ спорили между собой о мѣстѣ его рожденія и старались доказать, что Гомеръ былъ ихъ уроженцемъ; въ другихъ городахъ воздвигли храмы въ честь Гомера, а островъ Хіосъ, лежащій на Средиземномъ морѣ, получалъ каждогодно отъ города Аргоса значительные подарки, потому что его почитали отечествомъ великаго поэта.

Такова, большею частью, судьба великихъ геніевъ: при жизни немногіе изъ нихъ бываютъ замѣчены; земная жизнь ихъ нерѣдко сопровождается бѣдностью и страданіями, а только по смерти ихъ люди сознаютъ свою несправедливость и воздаютъ имъ славу, въ которой отказывали имъ при жизни.

Пѣснопѣнія Гомера, сохранявшіяся въ рапсодіяхъ въ продолженіи многихъ вѣковъ, повторялись Греками при всѣхъ общественныхъ торжествахъ; уже гораздо позже они были съ большимъ стараніемъ собраны въ Аѳинахъ и въ Спартѣ и подъ названіемъ *Иліады* и *Одиссеи* дошли и до насъ, сохранивъ всю свою

прелесть, такъ-что и теперь нельзя читать ихъ безъ удивленія. Они переведены на всѣ европейскіе языки.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ИРАКЛИДОВЪ ВЪ ПЕЛОПОННЕСЪ.

1100 — 1068 г. до Р. Х.

Обратимся теперь къ потомкамъ Геркулеса, вытѣсненнымъ изъ Аргоса Пелопидами и нашедшимъ убѣжище въ Ѳессаліи, у Дорянъ. По прошествіи ста лѣтъ, въ продолженіе которыхъ Ираклиды обязались не дѣлать новыхъ покушеній возвратить отцовское наслѣдіе, три потомка Геркулеса: Кресфонтъ, Теменъ и Аристодемъ убѣдили Дорянъ подать имъ помощь, вторглись съ ними въ Пелопоннесъ и овладѣли этимъ полуостровомъ.

Послѣ кровопролитныхъ битвъ, въ которыхъ Доряне одержали побѣду, заплативъ за нее смертію Аристодема, остальные Пелопиды обращены въ бѣгство; Аргосъ, гдѣ царствовали дѣти Агамемнона, достался въ удѣлъ Темену; Кресфонтъ сдѣлался царемъ Мессеніи, страны

тогдашнія времена смутъ и безпрерывныхъ войнъ онъ хотѣлъ приготовить сильныхъ, храбрыхъ и независимыхъ гражданъ.

Съ этою цѣлью, спартанскій законодатель постановилъ, чтобы каждый новорожденный младенецъ подвергался осмотру: въ случаѣ слабости тѣлосложенія или безобразія малютку предавали голодной смерти. Вотъ до какой ужасной жестокости простеръ Ликургъ свое желаніе имѣть здоровыхъ и сильныхъ гражданъ!

Только до семи лѣтъ мальчики воспитывались у матерей, а съ семи лѣтъ поступали они въ общественныя школы.

Одежда, которую имъ давали, была слишкомъ тепла для лѣтняго времени, и легка для зимняго; ихъ даже заставляли ходить босикомъ, чтобъ они привыкали къ терпѣнію. Для пріученія къ воздержности въ пищѣ имъ давали постоянно одну и ту же черную похлебку съ солью и уксусомъ. Она сначала многимъ не нравилась, но потомъ дѣти съ удовольствіемъ обмакивали въ нее кусокъ хлѣба, потому-что голодъ дѣлаетъ всякую пищу вкусною.

Когда же спартанскіе мальчики ложились спать, то находили постель такую жесткую, что имъ

невозможно было бы заснуть на ней, если бъ днемъ они не утомлялись разными занятіями.

Чтобы отучить дѣтей отъ пустой болтовни и отъ нелѣпыхъ вопросовъ, которыми они нерѣдко надоѣдаютъ старшимъ, имъ позволялось только отвѣчать на вопросы учителя, и притомъ въ немногихъ словахъ, именно то, о чемъ спрашивали. За всякую ложь наказывали безжалостно, передъ всѣми товарищами, какъ за преступленіе, ничѣмъ неизвинительное.

Такія привычки въ короткое время дѣлали дѣтей твердыми и строгими къ самимъ себѣ.

Нетолько дѣти и юноши, но даже дѣвицы и женщины должны были укрѣплять свое тѣло бѣганьемъ, борьбою и другими гимнастическими упражненіями.

Въ школахъ ликурговыхъ пріучали дѣтей не къ одному перенесенію тѣлесныхъ страданій; въ тоже время ихъ учили быть кроткими, честными и покорными; внушали имъ почтеніе къ старости: когда какой-либо старикъ показывался въ Спартѣ на улицѣ, всѣ молодые люди останавливались, кланялись ему и давали дорогу.

Послѣ этого неудивительно, что пришедши въ возрастъ, Спартанцы были крѣпки и храбры. Впрочемъ, ихъ воспитаніе имѣло и свои вредныя

слѣдствія: оно притупляло всѣ нѣжныя чувствованія и оставляло въ совершенномъ пренебреженіи образованіе ума; Спартанецъ навсегда оставался невѣждою во всемъ, что украшаетъ и облагораживаетъ умъ человѣческій.

Строгое возлержаніе и укрѣпленіе тѣла гимнастическими упражненіями и охотою было обязанностью для Спартанца во всю жизнь.

Если бъ иностранецъ пришелъ въ Спарту въ извѣстный часъ дня, онъ изумился бы увидѣвъ на улицахъ множество столовъ, за которыми сидѣли всѣ жители мужескаго пола.

Въ этомъ городѣ не было обыкновенія, что бы мужчины обѣдали дома вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, какъ это вездѣ дѣлается въ наше время; они обязаны были всѣ обѣдать за общими столами, исключая только тѣ случаи, когда выходили на охоту или были тяжко больны. Жены не присутствовали съ своими мужьями при этихъ обѣдахъ; но дѣтямъ позволялось быть при нихъ, чтобы молча слушать разсказы старшихъ о своихъ воинскихъ подвигахъ или принимать отъ нихъ умные совѣты.

Ликургъ, учреждая въ Спартѣ общественные столы, отъ которыхъ никому не позволялось отлучаться, хотѣлъ всѣхъ Спартанцевъ сдѣлать

трезвыми, воздержными и молчаливыми, какъ воспитанниковъ своей школы; но опасаясь, чтобы страсть къ богатству и удовольствіямъ, которыя оно доставляетъ, не возбудила въ Спартанцахъ отвращенія отъ простой и умѣренной жизни, онъ запретилъ въ Лаконіи (*) употребленіе золотой и серебряной монеты, а приказалъ чеканить грубыя монеты изъ желѣза, на которыя можно было покупать только вещи обыкновенныя и самыя дешевыя. Сверхъ того, деньги, введенныя Ликургомъ въ употребленіе, были такъ тяжелы, что одному человѣку трудно было много носить ихъ съ собою. Чтобы уничтожить всякое неравенство между Спартанцами, Ликургъ раздѣлилъ между ними всѣ земли на равные участки и запретилъ продавать недвижимое имѣніе.

За столомъ служили Спартанцамъ бѣдные рабы, которые отличались отъ людей свободныхъ кожанымъ колпакомъ и самою грубою одеждой.

Рабы эти назывались илотами: они были остаткомъ древнихъ обитателей Лаконіи, нѣкогда порабощенныхъ дѣтьми Геркулеса. Илотовъ

(*) Такъ называется страна, которую населяли Спартанцы.

заставляли отправлять самыя тяжкія работы; женщины прислуживали въ домахъ, а мужчины воздѣлывали землю для пропитанія своихъ господъ потому-что Спартанцы, приготовляя себя исключительно къ войнѣ, почитали земледѣліе занятіемъ низкимъ для людей свободныхъ. Иногда илоты, что впрочемъ случалось рѣдко, и притомъ во время великихъ опасностей для Спарты, сопутствовали своимъ господамъ на войну.

Хотя послѣ покоренія Пелопоннеса Иракли-дами должны были управлять Спартой два царя, однако жъ судъ, составленный изъ эфоровъ, т. е. блюстителей правленія, имѣлъ власть судить самихъ царей и, въ случаѣ преступленія законовъ, подвергать ихъ строгому приговору, какъ простыхъ людей.

Спартанцы часто назывались Лакедемонянами, потому-что городъ ихъ также носилъ названіе Лакедемона; впрочемъ должно помнить, что названіе Спартанцовъ носили жители города, а Лакедемонянъ обитатели селеній.

МЕССЕНСКАЯ ВОЙНА.

743 — 723 г. до Р. Х.

Къ западу отъ Лакедемона, находилась область Мессенія. Плодородіе этой страны давно уже возбуждало зависть въ Спартанцахъ; они ждали только предлога объявить войну Мессенцамъ.

Ежегодно спартанскія дѣвицы ходили въ храмъ, находившійся на границѣ Лаконіи съ Мессеніей, для приношенія жертвъ божеству. Этотъ обрядъ давалъ поводъ къ играмъ и увеселеніямъ народа, который приходилъ во множествѣ туда изъ обѣихъ сосѣдственныхъ областей.

При одномъ изъ этихъ празднествъ Мессенцы силою схватили нѣсколькихъ Лакедемонянокъ и увлекли ихъ въ городъ Мессену.

Спартанцы, въ негодованіи на такое вѣроломство, тотчасъ взялись за оружіе, ночью подошли къ мессенскому городу Амфеѣ, врасплохъ овладѣли имъ и безжалостно истребили всѣхъ жителей.

Тогда между обоими народами возгорѣлась жестокая война, Мессенцы, сколько ни были

храбры, не могли вынести такихъ трудовъ какъ Спартанцы: въ войскѣ появились болѣзни, и большая часть воиновъ сдѣлалась ихъ жертвою; прочіе, не полагаясь на свои силы, не смѣли сразиться съ безстрашными Спартанцами и удалились въ городъ Иѳому, подъ предводительствомъ Аристодема, человѣка гордаго и храбраго.

Городъ Иѳома, гдѣ укрывались Мессенцы, былъ построенъ на высокой горѣ. Мессенцы скатывали внизъ огромные камни, и такимъ образомъ Спартанцамъ трудно было взобраться на крутизны, гдѣ возвышался городъ. Однако жъ воины, находившіеся въ Иѳомѣ, вскорѣ стали нуждаться въ съѣстныхъ припасахъ; со дня на день становилось труднѣе и труднѣе доставать ихъ, потому-что Спартанцы не щадили никого, кто только осмѣливался появиться въ полѣ. Аристодему оставалось одно изъ двухъ: или умереть съ голоду, или предаться въ руки враговъ своихъ.

Въ такой крайности, по тагдашнему обычаю, онъ обратился къ гадателю, который объявилъ ему, что побѣда останется на сторонѣ того народа, кто принесетъ въ жертву богамъ дѣвицу царской крови. Въ это время у пелазгійскихъ народовъ былъ еще варварскій обычай

приносить въ жертву людей, какъ будто злодѣйство можетъ быть пріятнымъ Богу!

Аристодемъ ужаснулся, услышавъ отвѣтъ гадателя; въ Иѳомѣ не было ни одной дѣвицы царской крови, кромѣ его дочери, а жизнь ея была ему дороже собственной. Но желаніе спасти отечество превозмогло родительскую любовь: Аристодемъ принесъ дочь свою въ жертву жестокому суевѣрію.

Послѣ того онъ бросился съ отчаяніемъ на Лакедемонянъ; воины, увлеченные его примѣромъ, ворвались въ лакедемонскій лагерь, взяли въ плѣнъ царя Ѳеопомпа съ тремя стами Спартанцовъ, и всѣхъ предали смерти.

Но и послѣ этой побѣды кровопролитіе продолжалось; наконецъ Аристодемъ былъ побѣжденъ, и въ отчаяніи умертвилъ самъ себя на гробѣ своей дочери. Городъ Иѳома подпалъ подъ власть враговъ; Мессенцы, подверглись жестокому рабству и въ продолженіи 40 лѣтъ находились въ состояніи илотовъ, а извѣстно, какъ горька была ихъ участь у Лакедемонянъ!

вовъ, лежащихъ группами между Европой и Азіей. На этихъ островахъ въ продолженіи многихъ вѣковъ сохранились языкъ, искусства и обычаи греческихъ племенъ.

Смерть Кодра и возвращеніе Ираклидовъ должно считать послѣдними происшествіями героическихъ временъ.

ЛИКУРГЪ И СПАРТАНЦЫ.

за 880 л. до Р. Х.

Вы уже знаете, что по возвращеніи Ираклидовъ въ Пелопоннесъ, дѣти аристодемовы, Проклъ и Еврисѳенъ, вмѣстѣ вступили на престолъ спартанскій, оттого и въ послѣдствіи въ Спартѣ было всегда по два царя изъ династіи Ираклидовъ: одинъ изъ рода Прокла (проклиды), другой изъ рода Еврисѳена (еврисѳениды). Цари часто бывали несогласны между собою; народъ сталъ менѣе уважать ихъ власть и нерѣдко выходилъ вовсе изъ повиновенія; оттого въ Спартѣ происходили внутреннія волненія и безпокойства. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока Ликургъ

изданіемъ законовъ не прекратилъ безпорядковъ (за 880 до Р. Х.).

Ликургъ былъ младшимъ сыномъ одного изъ спартанскихъ царей, и еслибъ захотѣлъ, могъ самъ царствовать по смерти своего отца и брата; но онъ счелъ справедливѣе уступить престолъ племяннику своему Харилаю, которому онъ принадлежалъ по праву наслѣдства.

Впрочемъ, если Ликургъ и не носилъ царскаго титула, то Харилай такъ уважалъ и любилъ своего дядю, что во всемъ слѣдовалъ его совѣтамъ. Ликургъ, какъ человѣкъ обширнаго ума и глубокой мудрости, зналъ, что для счастія подданныхъ нужно сначала самихъ ихъ сдѣлать добрыми и честными; онъ былъ увѣренъ, что прежде всего надобно было воспитаніемъ пріучить Спартанцовъ съ самаго младенчества выполнять всѣ обязанности, какія требуются въ обществѣ. Дѣти избалованные, упрямые и непослушные, пришедши въ возрастъ, становятся негодными людьми, дурными подданными и даже своимъ родителямъ наносятъ много огорченій. Ликургъ хотѣлъ пріучить дѣтей къ лишеніямъ всякаго рода, къ перенесенію трудовъ, строгому повиновенію начальству и поселить въ нихъ глубокое уваженіе къ старшимъ; однимъ словомъ, въ

АРИСТОМЕНЪ ВЪ ЦЕАДѢ.

723 — 668 г. до Р. Х.

Послѣ сорокалѣтняго, жестокаго рабства, Аристоменъ, герой изъ рода мессенскихъ царей, рѣшился избавить свое отечество отъ спартанскаго ига и въ свою очередь разрушить Спарту.

Съ удивительною храбростью этотъ человѣкъ соединялъ такую же ловкость и смѣтливость: онъ созвалъ подъ свои знамена всѣхъ Мессенцовъ, которые могли носить оружіе, побѣдилъ Спартанцовъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и наконецъ подступилъ съ войскомъ къ самой Спартѣ. Гордые Спартанцы съ ужасомъ увидѣли, что войско ихъ бѣжало отъ презрѣнныхъ рабовъ, какими они почитали Мессенцовъ, и рѣшились еще разъ всѣ поголовно испытать судьбу въ сраженіи.

Тогда какъ мессенское войско расположилось въ виду Спарты, Аристоменъ захотѣлъ еще болѣе устрашить враговъ своихъ поступкомъ отважнымъ, впрочемъ безразсуднымъ: пользуясь темнотою ночи, онъ прошелъ одинъ въ Спарту, и тамъ въ главномъ храмѣ повѣсилъ на

самомъ видномъ мѣстѣ трофей, т. е. нѣсколько оружій, которыя онъ снялъ со Спартанцовъ, павшихъ подъ его ударами въ сраженіяхъ.

Спартанцы дѣйствительно изумились такой отважности, когда на разсвѣтѣ замѣтили трофей и подпись Аристомена. Они съ горькимъ чувствомъ убѣдились, что у нихъ не было такого искуснаго предводителя, какъ Аристоменъ, и поэтому рѣшились просить себѣ полководца у Аѳинянъ. Аѳиняне послали имъ, какъ будто въ насмѣшку, человѣка малорослаго и безобразнаго, именемъ Тиртея.

Сперва Спартанцы не могли удержаться отъ смѣха, при взглядѣ на своего малорослаго вожля, по пріемамъ вовсе не похожаго на воина; но когда Тиртей, взявъ лиру, запѣлъ военныя пѣсни, воины воспламенились такимъ мужествомъ, что каждый горѣлъ нетерпѣніемъ броситься въ битву.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро Тиртей сдѣлался предводителемъ, воодушевленные его пѣснями Спартанцы бросились на Мессенянъ и обратили ихъ въ бѣгство; самъ Аристоменъ попалъ въ плѣнъ съ большею частью своихъ воиновъ.

Обезоруженные непріятели уже не страшны, и по нашимъ понятіямъ, заслуживаютъ велико-

душнаго снисхожденія, какъ несчастные; но Спартанцы разсуждали объ этомъ иначе: они бросили Аристомена и другихъ плѣнниковъ въ глубокую пропасть, которая называлась Цеадою; въ нее обыкновенно бросали преступниковъ, осужденныхъ на смерть; спастись изъ нея, казалось, не было никакой возможности.

Всѣ были увѣрены, что насталъ послѣдній часъ храбраго мессенскаго вождя, да и самъ онъ то же думалъ; но судьба чудесно спасла его. Низвергнутый въ пропасть, онъ при паденіи лишился чувствъ; а пришедши въ себя, могъ только ощупать въ темнотѣ трупы несчастныхъ своихъ товарищей, изъязвленные при паденіи объ острые камни, которыми усѣяна была глубина пропасти. Но онъ и погибшимъ завидовалъ, потому-что ихъ мученія уже кончились, а его ожидала медленная смерть отъ голода, холода и страданій тѣла, разбитаго въ паденіи.

Цѣлый день онъ былъ уже живымъ погребенъ въ этой ужасной могилѣ; силы его ослабѣли, какъ вдругъ онъ почуствовалъ дыханіе какого-то животнаго, привлеченнаго въ пещеру запахомъ труповъ. Онъ тотчасъ сообразилъ, что если живое существо могло проникнуть въ эту

бездну, то безъ сомнѣнія изъ нея долженъ быть выходъ. Ободренный этою мыслію, онъ крѣпко схватился за хвостъ животнаго—это была лисица. Слѣдуя за ней, Аристоменъ увидѣлъ тѣсное отверстіе, черезъ которое проникалъ лучъ свѣта въ мрачное подземелье. Тогда Аристоменъ пустилъ на свободу своего путеводителя, а самъ принялся разрывать отверстіе и наконецъ вышелъ на свѣтъ Божій. Онъ поспѣшилъ къ мессенскому войску, которое уже нѣсколько дней оплакивало его смерть. Принявъ снова главное начальство, Аристоменъ еще долго сражался за свободу отечества, но все-таки не могъ спасти его отъ совершенной погибели. Мессенія подверглась владычеству Спартанцовъ, которые съ бѣдными ея жителями поступали такъ жестоко, что о побѣжденныхъ сожалѣли всѣ, кромѣ самихъ побѣдителей.

ОЛИМПІЙСКІЯ ИГРЫ.

за 776 л. до Р. Х.

Теперь я вамъ разскажу объ играхъ, которыя праздновались въ пелопонесскомъ городѣ Олимпіи. Онѣ были учреждены, какъ говорятъ, еще

издревле царемъ Пелопсомъ, а возобновлены законодателемъ Ликургомъ. Игры эти праздновались черезъ четыре года, и тогда вся область, гдѣ находился городъ Олимпія, признавалась всѣми греческими народами священною, т. е. ни одинъ человѣкъ не могъ показаться въ ней съ оружіемъ въ рукахъ, подъ страхомъ наказанія.

На олимпійскія игры, изъ всѣхъ частей Греціи народъ стекался толпами, особенно Спартанцы и Аѳиняне страстно ихъ любили.

Если бъ вы пришли во время празднества въ Олимпію, васъ тотчасъ бы проводили въ храмъ, великолѣпно украшенный разноцвѣтнымъ мраморомъ. По серединѣ храма возвышалась величественная статуя Юпитера: онъ былъ представленъ сидящимъ на тронѣ, но статуя была такъ огромна, что голова Юпитера касалась почти сводовъ храма.

Статуя была изваяна изъ золота и слоновой кости; въ лѣвой рукѣ ея находился скипетръ также изъ слоновой кости, на которомъ представленъ былъ орелъ, называемый обыкновенно царемъ птицъ. Золотая мантія украшалась драгоцѣнными камнями, изъ которыхъ составлены были изображенія разныхъ животныхъ и цвѣтовъ.

Въ этомъ храмѣ, украшенномъ множествомъ мраморныхъ и бронзовыхъ статуй, особенно замѣчательна была статуя Милона-Кротонскаго, (*) необыкновеннаго силача.

Говорятъ, что онъ однажды взвалилъ себѣ на плеча большаго быка и пронесъ его нѣсколько верстъ; а какъ прожорство этого силача соотвѣтствовало его силѣ, то онъ убилъ быка ударомъ кулака и съѣлъ его. Ему же случилось быть въ домѣ, который началъ-было рушиться; Милонъ поддерживалъ его до тѣхъ поръ, пока не вышли всѣ посѣтители. Наконецъ, онъ останавливалъ колесницу, запряженную четверкою, такъ что лошади не могли тронуться съ мѣста.

Эта чудная сила доставила славу Милону; но она же сдѣлалась причиною его смерти, когда лѣта ослабили его тѣло. Проходя по лѣсу, Милонъ примѣтилъ огромное дерево, которое дровосѣки надкололи только сверху, но не могли расколоть совершенно. Милонъ вздумалъ, что онъ легко раздеретъ дерево; но принявшись за

(*) Онъ родился въ городѣ Кротонѣ, находившемся въ Великой-Греціи, т. е. въ южной части Италійскаго полуострова.

дѣло, онъ такъ ущемилъ обѣ руки въ дерево, что не могъ освободить ихъ, не смотря на всѣ свои усилія. Между тѣмъ наступила ночь; никто не слыхалъ его криковъ и не пришелъ къ нему на помощь; только стадо волковъ привлекли его стоны. Кровожадные звѣри растерзали несчастнаго, когда онъ не въ силахъ былъ защищаться.

Рядомъ съ статуей Милона находилась статуя другаго Грека, Ѳеагена, который былъ почти такой же силачъ, какъ и Милонъ. Исторія этой статуи довольно любопытна.

Ѳеагенъ нѣсколько разъ оставался побѣдителемъ надъ однимъ изъ своихъ соперниковъ въ играхъ олимпійскихъ; по обычаю того времени, ему воздвигли статую въ память его торжества. Эта почесть возбудила такую зависть въ его противникѣ, что онъ всякую ночь приходилъ къ ѳеагеновой статуѣ и силился опрокинуть ее; дѣйствительно въ одинъ вечеръ онъ далъ ей такой сильной толчекъ, что статуя упала, но при паденіи задавила и завистника. Хотя онъ достоинъ былъ своей участи, однако судьи, чтобъ наказать статую за убійство, опредѣлили бросить ее въ море.

Черезъ нѣсколько времени появилась во многихъ городахъ жестокая язва. Жрецы воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ возстановить статую Ѳеагена, и объявили, что небо караетъ народъ за низверженіе ѳеагеновой статуи. Тогда суевѣрные поспѣшили вытащить ее изъ моря и съ великимъ торжествомъ поставили на прежнее подножіе; язва же, по прошествіи нѣкотораго времени, разумѣется, прекратилась.

Люди, которые подобно Милону Кротонскому и Ѳеагену являлись на публичныхъ играхъ оспоривать награду, опредѣленную за силу и ловкость, назывались атлетами и пользовались въ Греціи большимъ уваженіемъ.

Въ каждомъ греческомъ городѣ учреждены были гимназіи, въ которыхъ главное занятіе молодыхъ людей состояло въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, чтобы придать тѣлу крѣпость и гибкость. Изъ этого вы видите, что греческія гимназіи были совершенно отличны отъ нашихъ, по своей цѣли.

Атлеты упражнялись не только въ борьбѣ, этой опасной потѣхѣ, въ которой противники нерѣдко другъ друга убивали, или ранили, они соперничали также бѣгая взапуски. Для бѣга было выровнено обширное мѣсто; тотъ изъ со-

перниковъ почитался побѣдителемъ, кто первый касался столба въ концѣ поприща.

Въ бѣганьи участвовали также иногда мальчики и молодыя дѣвицы; они пускались въ бѣгъ съ зажженымъ факеломъ въ рукѣ; награду и вѣнокъ получалъ тотъ, чей факелъ потухалъ послѣ всѣхъ на бѣгу.

Мѣсто, гдѣ такимъ образомъ упражнялись въ бѣганьи, называлось стадіумъ; тутъ же происходили многія другія игры.

Прежде нежели атлеты выходили на стадіумъ для борьбы, они снимали съ себя одежду и натирали тѣло оливковымъ масломъ, которое дѣлало члены ихъ мягкими и гибкими; потомъ, вывалявшись въ пескѣ, чтобъ руки противника менѣе скользили, атлеты схватывались и силились ударить о землю одинъ другаго. Повергнутый два раза на землю признавалъ себя побѣжденнымъ.

Кулачный бой составлялъ особый родъ игръ, въ которомъ атлеты не схватывались, какъ въ борьбѣ, а били другъ друга кулаками до тѣхъ поръ, пока одинъ не сознавался побѣжденнымъ, что случалось тогда уже, когда они истекали кровью или лишались большой части зубовъ.

Ничего не можетъ быть ужаснѣе этихъ варварскихъ игръ, на которыхъ впрочемъ присутствовали и знаменитые мужи Греціи. Это показывало, что силу тѣлесную тогда цѣнили выше всякаго другаго достоинства, и не думали о томъ, что если бы эта оцѣнка была справедлива, то многія дикія животныя должны бы, по своей силѣ, быстротѣ и проворству, сдѣлаться повелителями людей.

Атлетъ, одержавшій побѣду, получалъ въ награду вѣнокъ изъ дубовыхъ вѣтокъ; родственники и друзья съ торжествомъ носили его на рукахъ, на показъ народу, который вездѣ встрѣчалъ его съ рукоплесканіями и съ восторгомъ повторялъ его имя.

Говорятъ, что мудрецъ Хилонъ умеръ отъ радости, въ ту самую минуту, когда сынъ его, оставшись побѣдителемъ, повергъ къ ногамъ его вѣнокъ, полученный въ награду. Такъ высоко цѣнили Греки этотъ знакъ народнаго уваженія къ доблести!

Возлѣ стадіума находилось обширное песчаное пространство, называемое гипподромомъ, «конскимъ ристалищемъ», гдѣ обыкновенно на колесницахъ, запряженныхъ четырьмя сильными конями, скакали съ неимовѣрною быстротой.

Возницы, то есть, управлявшіе колесницами, желая остаться побѣдителями, такъ быстро гнали коней своихъ, что иногда при крутомъ поворотѣ около столба, поставленнаго въ концѣ ристалища, колесницы разбивались въ дребезги и сами они падали на песокъ, гдѣ нерѣдко умирали подъ конскими копытами. Но Греки такъ привыкли къ подобнымъ зрѣлищамъ, что не принимали никакого участія въ этихъ несчастныхъ: все ихъ вниманіе было обращено на побѣдителей, украшенныхъ вѣнками.

Любопытство привлекало на олимпійскія игры множество зрителей изъ всѣхъ частей Греціи.

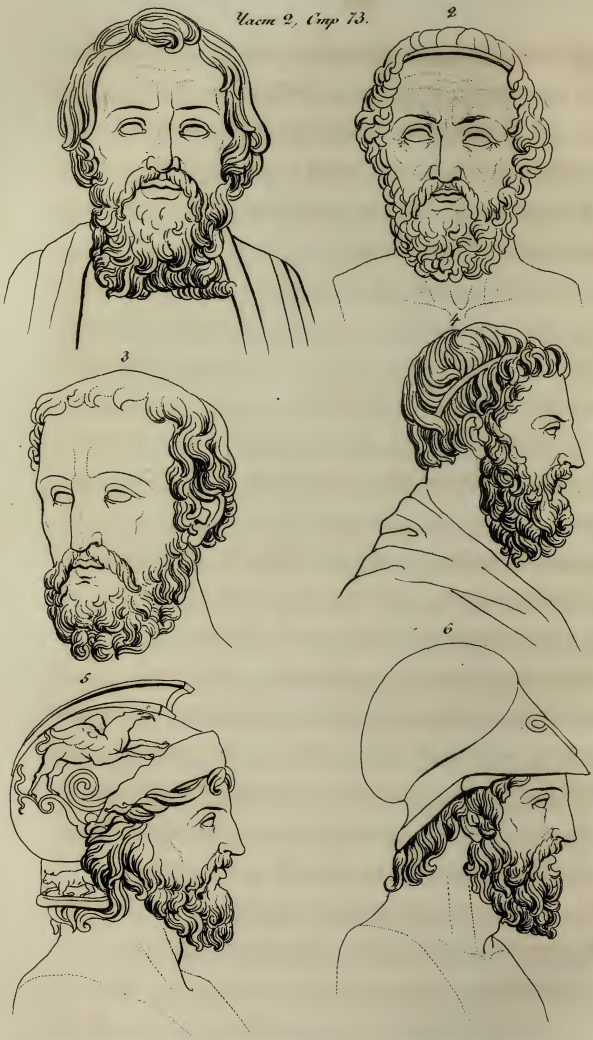
Избранные судьи, раздавали вѣнки побѣдителямъ и отводили ихъ въ храмъ Юпитера, гдѣ приносили жертвы въ благодарность богамъ. Вотъ какъ это происходило:

Греки, въ праздничныхъ одеждахъ, при звукахъ флейтъ, или другихъ музыкальныхъ инструментовъ, приводили животныхъ, украшенныхъ цвѣтами, къ жертвеннику. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приносили въ жертву бѣлыхъ или совершенно черныхъ быковъ, съ позолочеными рогами; въ другихъ, жертвы состояли изъ маленькихъ ягнятъ, пѣтуховъ или другихъ животныхъ, по выбору самыхъ лучшихъ.

Жрецъ закалывалъ ножемъ животное, и тогда, какъ кровь стекала въ мраморные сосуды, онъ повергалъ внутренности на жертвенникъ, гдѣ пламя пожирало ихъ; а между тѣмъ другіе жрецы жгли въ курильницахъ разныя благовонія, безъ сомнѣнія для того, чтобъ ослабить непріятный запахъ, разносившій съ жертвенника. Въ одинъ день нерѣдко закалывали множество жертвъ и мясо ихъ раздавали предстоявшимъ; въ такомъ случаѣ на жрецовъ, покрытыхъ съ головы до ногъ кровью, нельзя было смотрѣть безъ ужаса.

Вообще, зрѣлище греческаго жертвоприношенія показалось бы намъ довольно отвратительнымъ.

Олимпійскія игры продолжались пять дней. Четыре года, протекавшіе отъ одного празднованія олимпійскихъ игръ до другаго, составляли олимпіаду. Въ продолженіи многихъ вѣковъ, Греки считали время по олимпіядамъ. Первая олимпіада была та, въ которой атлетъ Коребъ пріобрѣлъ вѣнокъ за быстроту бѣга (за 776 л. до Р. Х.). Такимъ образомъ, чтобы показать время какаго нибудь произшествія, Греки говорили: это случилось въ первый, второй, или въ третій годъ двадцатой или сотой олимпіады съ того времени, какъ Коребъ увѣнчанъ былъ на олимпійскихъ играхъ.



1 Ликургъ. 2 Гомеръ. 3 Солонъ. 4 Аристидъ.
5 Милтіадъ. 6 Ѳемистоклъ.

И въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ происходили подобныя игры, священныя всѣмъ Эллинамъ, и потому способствовавшія соединенію греческихъ племенъ въ одинъ народъ; но олимпійскія игры, по славѣ своей и блеску, всегда занимали первое мѣсто.

СОЛОНЪ.

594 — 560 г. до Р. Х.

Мы уже знаемъ, что по смерти Кодра царская власть была уничтожена въ Аѳинахъ и замѣнена архонтами. Въ этомъ городѣ, какъ и въ другихъ большихъ городахъ, одна часть народа владѣла почти всѣмъ богатствомъ, а другая находилась въ необходимости снискивать себѣ самое скудное пропитаніе тягостнымъ трудомъ. Это неравенство въ имѣніи было причиною сильныхъ распрей между богатыми и бѣдными. Обѣ стороны, желая избѣжать бѣдствій, которыми сопровождаются раздоры, поручили архонту Дракону, написать такіе законы, которые бы водворили между ними согласіе (624 г. до Р. Х.).

Драконъ былъ человѣкъ праводушный, но очень строгій и даже жестокій. Онъ надѣялся предупредить преступленія страхомъ наказанія, и потому почти за каждый проступокъ назначилъ смертную казнь; такъ, напримѣръ, его законы повелѣвали предавать смерти и того, кто срѣжетъ кочанъ капусты въ огородѣ своего сосѣда, какъ за величайшее злодѣяніе. Лѣность также наказывалась смертью. Сперва Аѳиняне покорились этимъ жестокимъ законамъ; но, не могши долго сносить ихъ суровости, изгнала Дракона изъ города. Строгій старецъ удалился на сосѣдній островъ Эгину, гдѣ вскорѣ и умеръ, въ полной увѣренности, что его неблагодарные сограждане сознаются цѣкогда въ своей несправедливости.

Килонъ (за 600 л. до Р. Х.), одинъ изъ аѳинскихъ богачей, вздумалъ было насильственно сдѣлаться царемъ, но не умѣлъ пріобрѣсти любви народной, потому-что гордо и безчеловѣчно поступалъ съ бѣдными. Онъ успѣлъ нечаянно овладѣть Акрополемъ, цитаделью Аѳинъ, въ надеждѣ, что устрашенные граждане падутъ къ его ногамъ, а вышло противное: народъ толпами бросился къ оружію и обратилъ въ бѣгство килоновыхъ сообщниковъ. Самъ Килонъ погибъ въ ошибкѣ; друзья же его едва успѣли

укрыться отъ ярости народной, въ храмѣ Минервы.

Аѳиняне питали большое уваженіе къ этой богинѣ и почитали ее основательницею своего города; по этому еще древними законами запрещалось дѣлать зло тому, кто найдетъ въ ея храмѣ себѣ убѣжище, какъ бы ни было велико его преступленіе. Зная это, приверженцы Килона не соглашались выйти изъ храма, пока не была обѣщана имъ жизнь; но едва они вышли изъ него, какъ свирѣпая чернь бросилась на нихъ и растерзала на части. Такимъ образомъ совершилось ужасное вѣроломство. При томъ оно и не достигло своей цѣли: нѣкоторые сообщники Килона спаслись и продолжали кровавое междоусобіе. Аѳиняне, сознаваясь въ душѣ, что преступно нарушили свое слово, приписывали всѣ несчастія мщенію боговъ. Встревоженная совѣсть не оставляла ихъ въ покоѣ: многимъ (разумѣется изъ невѣжественной и суевѣрной черни) ночью представлялись тѣни убитыхъ, бродившія съ печальными стонами по городскимъ улицамъ.

Тогда послали за совѣтомъ къ оракулу. Оракулъ велѣлъ обратиться къ старцу Эпимениду

и отъ него узнать, что нужно сдѣлать для умилостивленія разгнѣванной Минервы.

Эпименидъ былъ родомъ Критянинъ и славился мудростью. Увѣряли, что онъ въ дѣтствѣ заснулъ въ пещерѣ и спалъ безпробудно сорокъ лѣтъ въ бесѣдѣ съ богами. Преданіе это походитъ на сказку о красавицѣ, уснувшей въ лѣсу. Когда Эпименидъ вышелъ изъ пещеры, никто уже не узнавалъ его, потому-что всѣ почитали его давно умершимъ, только дряхлый отецъ Эпименида узналъ его, и очень радовался, что боги позволили ему передъ смертью обнять сына, котораго онъ столько лѣтъ оплакивалъ.

Эпименидъ, прибывъ въ Аѳины, сильно упрекалъ народъ за убійство друзей килоновыхъ, и объявилъ, что Минерва проститъ ихъ, если только они дадутъ обѣтъ сдѣлаться лучше, жить впередъ въ добромъ согласіи, а особливо не посягать болѣе на оскорбленіе святыни храма.

Аѳиняне, примиренные съ своею совѣстью словами добродѣтельнаго старца, покорились всему, чего онъ отъ нихъ требовалъ; ихъ страхъ разсѣялся и печаль народная превратилась въ надежду и радость. Когда у Эпименида спрашивали, какой онъ желаетъ награды за добро, имъ сдѣланное, мудрый старецъ отвергъ

всѣ дары и согласился принять только вѣтку священной маслины, которая росла въ храмѣ Минервы.

Я уже говорилъ, что Египтянинъ Кекропсъ привезъ это дерево въ Аттику, гдѣ оно скоро размножилось, потому-что теплый климатъ страны благопріятствовалъ его произрастанію. Это дерево, съ листьями темнозеленаго цвѣта, достигаетъ обыкновенно средственной высоты и приноситъ небольшіе зеленые плоды, оливки, изъ которыхъ добываютъ масло. Оливки весьма пріятны на вкусъ, если полежатъ нѣсколько времени въ соляной водѣ, но свѣжіе, только что сорванные съ дерева, имѣютъ вкусъ острый и непріятный. Разведеніе первыхъ маслинъ въ Аттикѣ Аѳиняне приписывали самой Минервѣ, и какъ оливковое масло составляло одинъ изъ главныхъ источниковъ ихъ богатства, то они были весьма признательны богинѣ за такое благодѣяніе.

Совѣты Эпименида однако жъ не исправили Аѳинянъ: едва онъ удалился, какъ въ городѣ возникли новыя смуты между богатыми и бѣдными, начались новые споры, новыя бѣдствія; наконецъ народъ, просилъ мудраго Солона, потомка великодушнаго Кодра, написать законы,

которымъ всѣ обязывались покориться безпрекословно.

Нѣкоторые даже предлагали Солону возстановить царскую власть, которая принадлежала нѣкогда его роду; но добродѣтельный гражданинъ довольствовался титломъ архонта, и хотѣлъ только благоразумными учрежденіями сдѣлать всѣхъ Аѳинянъ добродѣтельнѣе и счастливѣе. Этотъ мудрецъ много лѣтъ жизни посвятилъ своему важному труду; а чтобы непостоянный, легкомысленный народъ не могъ уничтожить его законовъ, такъ какъ уничтожилъ онъ законы Дракона, то ввѣрилъ храненіе ихъ судилищу, учрежденному нѣкогда Кекропсомъ, подъ названіямъ ареопага.

Законы солоновы отличались такою кротостью, что въ Аѳинахъ самые рабы были меньше стѣснены, чѣмъ люди свободные въ другихъ государствахъ. Его постановленія примиряли богатыхъ съ бѣдными, потому-что всѣмъ дано было право участвовать въ народныхъ собраніяхъ, которыя по большинству голосовъ утверждали всѣ законы, рѣшали миръ и войну, избирали въ должности. Ни одинъ иностранецъ не смѣлъ прійти въ народное собраніе, подъ страхомъ смертной казни.

Воспитаніе юношества Солонъ предоставилъ болѣе на волю родителей. Гимнастика и въ Аѳинахъ составляла главное основаніе для образованія юношества, но безъ такой суровой строгости какъ въ Спартѣ. Аѳинянъ, убитыхъ въ сраженіи погребали торжественно; въ память ихъ произносили похвальныя рѣчи, а дѣтей ихъ воспитывали на счетъ государства. Такъ награждалась любовь къ отечеству.

Впрочемъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, законодатель увидѣлъ, что многіе изъ Аѳинянъ завидуютъ власти, которою облекъ его народъ. Чтобы предупредить новыя безпокойства въ городѣ, онъ рѣшился предпринять далекое путешествіе, тѣмъ болѣе, что въ немъ всегда таилось благородное желаніе ознакомиться короче съ правами, законами и науками, которыми отличались Азія и Египетъ.

Безъ сомнѣнія, во время этого путешествія Солонъ посѣтилъ Креза, царя лидійскаго, какъ я уже вамъ разсказалъ.

Около того времени, какъ Солонъ былъ архонтомъ, въ первый разъ появились въ Аттикѣ забавники, наряженные въ козлиныя кожи и мазавшіе себѣ лица винными дрождями. Они разъѣзжали по селеніямъ, смѣшили народъ и

пѣли пѣсни въ честь бога Бахуса; этимъ пѣснямъ дали въ народѣ названіе трагедіи, что значитъ по гречески «пѣснь козла», потому-что это животное обыкновенно приносилось въ жертву Бахусу.

Первое представленіе въ этомъ родѣ дано въ Аѳинахъ Ѳеспсисомъ. Онъ устроилъ особыя подмостки, на которыя взбирался актеръ, чтобъ народъ могъ удобнѣе его видѣть. Это представленіе, не смотря на его несовершенство, чрезвычайно понравилось Аѳинянамъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ, вмѣсто бѣдныхъ подмостковъ, въ Аѳинахъ построенъ былъ театръ, сперва деревянный, а потомъ другой, каменный, украшенный мраморными колоннами. Аѳиняне, сидя на скамьяхъ, возвышавшихся одна надъ другою, слушали уже не шумное, нестройное пѣніе, но прекрасныя рѣчи, произносимыя актерами. Надѣвъ маски, актеры представляли государей временъ героическихъ, Геркулеса, Ѳезея, Эдипа, Ахиллеса, Агамемнона. Съ того времени названіе трагедіи облагородилось: оно усвоилось такимъ театральнымъ представленіямъ, въ которыхъ изображались важныя событія, величественныя и вмѣстѣ трогательныя.

Между тѣмъ какъ одни актеры на сценѣ исторгали слезы у зрителей, нѣсколько другихъ составляли хоръ, т. е. пѣли вмѣстѣ, какъ будто отвѣчая отъ лица всего народа на жалобы главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ, или упрекая ихъ за преступленія.

Составился еще и другой родъ зрѣлищь, гдѣ актеры представляли не царей и героевъ, а слугъ, рабовъ, торговцовъ, или даже кого нибудь изъ людей извѣстныхъ, для того, чтобъ предать ихъ на посмѣяніе черни. Театральныя игры этого рода, которыхъ цѣлію было исправлять зрителей отъ недостатковъ, выставляя ихъ смѣшную сторону, назывались «комедіями», и также весьма полюбились Аѳинянамъ, по врожденной ихъ склонности къ колкимъ насмѣшкамъ.

Такимъ образомъ у Грековъ начались трагедія и комедія; этотъ народъ первый полюбилъ увеселенія такого рода, которыя во всѣ послѣдующія времена доставляли удовольствіе самымъ образованнымъ людямъ.

ПИЗИСТРАТЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

560—510 г. до Р. Х.

Послѣ отъѣзда Солона изъ Аѳинъ, скоро возобновилась вражда партій; одну составляли богатые жители долинъ, другую бѣдные жители горъ. Въ это время жилъ въ Аѳинахъ родственникъ Солона, Пизистратъ. Привѣтливостью своею, умомъ, храбростью и готовностью помогать бѣднымъ онъ привлекъ къ себѣ сердца народа и сдѣлался главою партіи нагорныхъ жителей. Но, при многихъ прекрасныхъ качествахъ, Пизистратъ былъ властолюбивъ т. е. ему чрезвычайно хотѣлось повелѣвать другими. Удовлетворить этой страсти почти невозможно: желаніе распространять свою власть все далѣе и далѣе усиливается безпрестанно. Такимъ образомъ и Пизистратъ захотѣлъ изъ главы партіи сдѣлаться главою всего аѳинскаго народа. Для достиженія этой цѣли хитрецъ воспользовался любовью народною. Онъ явился на площадь, гдѣ толпился народъ, и показывая нѣсколько ранъ, впрочемъ довольно легкихъ, которыя съ намѣреніемъ на-

несъ самъ себѣ, сказалъ будто враги хотѣли убить его за покровительство бѣднымъ.

Народъ взволновался, какъ море. Посреди криковъ и ропота, одинъ изъ приверженцовъ Пизистрата предложилъ дать ему стражу для защиты отъ непріятелей. Въ минуту общаго сочувствія къ защитнику бѣдныхъ, предложеніе было тотчасъ принято, и еще съ восторгомъ; а этого только и ожидалъ прозорливый Пизистратъ. Защищаемый воинами, которые повиновались только ему одному, онъ скоро успѣлъ присвоить себѣ верховную власть. Тогда только Аѳиняне замѣтили, что Пизистратъ обманулъ ихъ; но внутренно простили ему этотъ обманъ, потому-что онъ власть свою употреблялъ благоразумно, для общей пользы. Онъ украсилъ городъ многими памятниками и собралъ гомеровы пѣснопѣнія, которыя до него не были еще написаны, и безъ сомнѣнія погибли бы, если бъ сохранялись только въ пѣніи рапсодовъ.

Тѣ правители, которые присвоивали себѣ верховную власть безъ согласія народа, назывались у Грековъ тиранами, хотя бы правленіе ихъ было кроткое и человѣколюбивое. Въ этомъ смыслѣ и Пизистратъ назывался тираномъ. Въ

послѣдствіи же названіемъ тирана стали отличать правителей жестокихъ и безчеловѣчныхъ.

Солонъ, возвратясь изъ путешествія, былъ весьма опечаленъ тѣмъ, что одинъ честолюбецъ владѣлъ властью, которая по его законамъ принадлежала всему народу; но Пизистратъ такое оказывалъ къ нему уваженіе, такъ часто просилъ у него совѣтовъ, и такъ точно имъ слѣдовалъ, что Солонъ передъ смертью простилъ его во всемъ (560 л. до Р. Х.).

Напрасно враги два раза заставляли Пизистрата удаляться изъ отечества; онъ наконецъ превозмогъ всѣхъ своихъ противниковъ и спокойно правилъ Аѳинами до самой смерти своей (528 л. до Р. Х.), всегда заботясь о распространеніи умственнаго образованія. Весь народъ оплакивалъ его смерть, и дѣтей его Гиппія и Гиппарха призналъ правителями государства.

Гиппархъ и Гиппій управляли также кротко и благоразумно, какъ и отецъ ихъ; но по прошествіи 14 лѣтъ личная обида, которую Гиппархъ нанесъ молодому Аѳинянину Гармодію, подала поводъ къ новому перевороту.

У Гармодія была сестра, прекрасная и добродѣтельная, которую онъ любилъ нѣжно. За благоразуміе и красоту, ей назначили почет-

ное мѣсто въ торжественномъ ходѣ, который совершался въ Аѳинахъ въ честь какого-то божества; но Гиппархъ, недовольный Гармодіемъ, сказалъ, что сестра его не заслуживаетъ такой чести и приказалъ отвести ее домой при самомъ началѣ торжественнаго хода. Такое незаслуженное униженіе дѣвицы возбудило въ братѣ ея жажду мщенія противъ тирана.

У Гармодія былъ также искренній другъ, Аристогитонъ. Оба они поклялись погубить Гиппарха.

Вскорѣ Аѳиняне должны были праздновать панаѳинейскія игры. Всѣ жители города и окрестностей, по обыкновенію, собрались на площади. Гиппархъ и Гиппій также пришли въ это многолюдное собраніе.

Греки, во время общественныхъ и домашнихъ празднествъ, украшали себя цвѣтами; такъ же точно они поступали и при панаѳинейскомъ торжествѣ. Гармодій и Аристогитонъ, сговорившись съ другими молодыми людьми, которые были недовольны правленіемъ Пизистратидовъ, явились въ народное собраніе съ кинжалами.

Гиппархъ первый въ толпѣ народа былъ встрѣченъ заговорщиками, и Гармодій, бросившись на него, поразилъ его смертельно кинжа-

ломъ; но стражи Гиппарха, убили самого Гармодія и схватили Аристогитона.

Гиппій приказалъ заключить его въ темницу и предать жестокой пыткѣ, чтобы заставить его открыть всѣхъ участниковъ въ заговорѣ. Разсказываютъ будто Аристогитонъ обманулъ его и назвалъ напротивъ всѣхъ, кого только почиталъ приверженнымъ къ Гиппію. Неосмотрительный Гиппій истребилъ лучшихъ друзей, и Аристогитонъ, при казни своей, посмѣялся надъ его легковѣріемъ.

Смерть брата, истребленіе приверженцовъ и опасеніе за свою собственную жизнь поселили въ душѣ Гиппія мрачную подозрительность. Онъ возненавидѣлъ своихъ соотечественниковъ, сдѣлался несправедливымъ, жестокимъ, тираномъ въ настоящемъ значеніи этого слова, и тѣмъ заслужилъ общую ненависть.

Аѳиняне воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ и изгнали его изъ Аѳинъ. Ненависть свою къ тирану и радость о томъ, что освободились отъ его власти, они выразили тѣмъ, что въ самыхъ Аѳинахъ, на площади, поставили двѣ статуи, изображавшія Гармодія и Аристогитона, и каждый годъ въ панаѳинейскій праз-

дикъ пѣли гимны въ честь этихъ главныхъ виновниковъ низверженія тирана.

Гиппій, съ злобою въ душѣ, удалился сначала въ ближній городъ, но и оттуда его вскорѣ выслали; тогда онъ принужденъ былъ со всѣмъ семействомъ искать пристанища въ Азіи, при дворѣ персскаго царя.

ГИППІЙ ВЪ ПЕРСІИ.

510 — 493 г. до Р. Х.

Въ то время, какъ Гиппій прибылъ въ Персію, тамъ царствовалъ Дарій-Гистаспъ.

Вы уже знаете, что Дарій обладалъ несмѣтными сокровищами; многочисленныя войска поддерживали власть его надъ множествомъ городовъ и областей, управляемыхъ его намѣстниками или «сатрапами». Греки имѣли такое высокое понятіе о могуществѣ этого государя, что не иначе называли его, какъ «великимъ царемъ».

Дарій жилъ въ Экбатанѣ, обширномъ городѣ, который былъ основанъ Мидянпномъ Деіокомъ и окруженъ семью крѣпкими стѣнами.

Только сатрапы могли входить въ царскій дворецъ; прочіе подданные вовсе не имѣли доступа къ царю, по восшествіи его на престолъ. Внутренніе его покои всегда охранялись многочисленною стражей и придворными сановниками. По этому и Гиппій едва ли успѣлъ бы представиться персскому монарху, если бъ не пріобрѣлъ прежде благорасположенія даріева брата Артаферна, который былъ намѣстникомъ въ Сардесѣ. Этотъ сатрапъ увѣдомилъ царя о прибытіи Гиппія въ его владѣнія и совѣтовалъ помочь ему, чтобъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ къ униженію Грековъ.

Такимъ образомъ, когда изгнанный тиранъ аѳинскій прибылъ въ Экбатану, Дарій велѣлъ тотчасъ представить его себѣ. Гиппій, вступивъ во дворецъ, нѣсколько времени почиталъ себя перенесеннымъ въ волшебные чертоги: такъ царскіе покои блистали золотомъ и драгоцѣнностями. Сначала онъ долженъ былъ пройти множество великолѣпныхъ залъ, наполненныхъ придворными и царскими тѣлохранителями, богато одѣтыми, и наконецъ вступилъ въ галерею, гдѣ царь, скрытый отъ взоровъ пурпуровымъ занавѣсомъ, принималъ поздравленія отъ вельможъ. Всѣ они повергались передъ нимъ,

становясь на колѣна и челомъ касаясь полу, въ знакъ того, что здѣсь и самые высшіе сановники были не что иное, какъ рабы, которыми государь могъ располагать по своему произволу.

Но изумленіе Гиппія, который ничего подобнаго не видывалъ, увеличилось, когда одинъ изъ сатраповъ велѣлъ и ему повергнуться передъ трономъ и преклониться передъ государемъ, скрытымъ за занавѣсомъ. Греки никому не воздавали такихъ раболѣпныхъ почестей, но Гиппій покорился унизительному этикету, и когда черезъ нѣсколько минутъ ему приказано было встать, то новое изумительное зрѣлище, представилось его глазамъ.

Занавѣсъ исчезъ; царь сидѣлъ на возвышенномъ тронѣ, котораго ступени покрыты были драгоцѣнными коврами. Вокругъ курились въ золотыхъ сосудахъ благовонія; Дарій былъ въ великолѣпно-вышитой золотомъ пурпуровой мантіи: на головѣ его находилась корона, съ діадемой, вся унизанная алмазами; наконецъ въ рукахъ царь держалъ длинный золотой скипетръ. Тронъ царскій окружало множество сановниковъ, въ одеждахъ, блиставшихъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями.

Гиппій стоялъ въ изумленіи; Дарій обратился къ нему благосклонно, позволилъ ему остаться

до времени въ персскихъ владѣніяхъ и обѣщалъ скоро послать противъ Аѳинянъ многочисленное войско, чтобъ принудить ихъ снова покориться власти изгнанника.

МАРАѲОНСКАЯ БИТВА.

за 490 л. до Р. Х.

Походъ противъ Скиѳовъ, о которомъ мы давно ужѐ говорили, отвлекъ персскаго монарха на нѣсколько времени отъ исполненія обѣщанія, даннаго Гиппію, и даже, можетъ быть, заставилъ бы его совершенно забыть о немъ, если бъ іонійскіе Греки, находившіеся тогда въ зависимости отъ Персіи, не раздражили Дарія своимъ возмущеніемъ: они взяли и сожгли городъ Сардесъ, прежнюю столицу Лидіи (за 500 л. до Р. Х.).

Главою возмутившихся Іонянъ былъ Гистіей Милетскій, тотъ самый, который отвергнулъ нѣкогда совѣтъ разрушить мостъ на Дунаѣ, ввѣренный его надзору. Впрочемъ, возмущеніе скоро было подавлено Персами, при самомъ началѣ безпокойствъ въ Іоніи. Но Дарій особенно

былъ раздраженъ противъ Аѳинянъ, которые помогали мало азійскимъ Грекамъ овладѣть Сардесомъ.

Получивъ извѣстіе о сожженіи этого города, Дарій спросилъ, что за народъ Аѳиняне, пустилъ въ воздухъ стрѣлу и молилъ боговъ даровать ему случай къ мщенію; а чтобы враждебное чувство въ немъ не ослабѣло, то приказалъ одному изъ своихъ придворныхъ ежедневно возглашать за обѣдомъ: «Царь! помни объ Аѳинянахъ!»

Но не однихъ Аѳинянъ, а всѣхъ Грековъ думалъ наказать Дарій, и дѣло это поручилъ зятю своему Мардонію. Онъ ввѣрилъ ему начальство надъ сильнымъ флотомъ и сухопутнымъ войскомъ. Однако жъ, прежде чѣмъ Персы достигли Греціи, буря разбила флотъ ихъ, а сухопутное войско потерпѣло пораженіе отъ Ѳракіянъ. Мардоній со стыдомъ воротился въ Азію. Эта первая неудача не перемѣнила намѣреній Дарія: онъ приказалъ начать новыя вооруженія, а предварительно отправилъ пословъ въ Грецію съ требованіемъ, что бы всѣ народы этой страны покорились его власти. Послы переходили изъ города въ городъ и требовали для своего повелителя «земли и воды», въ знакъ совершенной покорности и повиновенія его волѣ. Многіе города

и острова со страха исполнили это унизительное требованіе; но въ другихъ возбудило оно только гнѣвъ въ народѣ.

Аѳиняне даже осудили на смерть того, кто согласился быть переводчикомъ для персскихъ пословъ, во время ихъ пребыванія въ Аѳинахъ, а въ Спартѣ чернь, еще болѣе неистовая, убила даже самихъ пословъ. Впрочемъ, это убійство было важнымъ преступленіемъ со стороны Спартанцовъ; особа посланника вездѣ почитается неприкосновенною; иначе между народами не могли бы существовать никакія мирныя сношенія, а это было бы вредно всему человѣчеству, которое совершенствуется только отъ взаимныхъ связей между людьми и между цѣлыми народами.

Раздраженный Дарій тверже прежняго рѣшился вторгнуться въ Грецію, возстановить власть Гиппія въ Аѳинахъ и жестоко покарать надмѣнность всѣхъ прочихъ греческихъ народовъ.

Многочисленное его войско, подъ начальствомъ двухъ новыхъ вождей, Датиса и Артаферна, переправилось на корабляхъ въ Грецію и высадилось на берегъ вблизи Мараѳона, селенія, которое находилось невдалекѣ отъ самыхъ Аѳинъ. Тотчасъ по всему городу разнеслась вѣсть о при-

ближеніи непріятеля, который грозилъ до основанія разрушить Аѳины, если жители не захотятъ добровольно покориться Гиппію. Тиранъ этотъ лично находился при персскомъ войскѣ и не стыдился грозить бѣдствіями своему отечеству!

Аѳиняне не безъ страха увидѣли приближеніе враговъ. Въ самомъ дѣлѣ, у Персовъ было такъ много войска, что почти не оставалось никакой надежды съ успѣхомъ противустать непріятелю, который занялъ уже всѣ окрестныя мѣста. Немедленно послали просить помощи у сосѣдей; но они всѣ почти отреклись раздѣлить опасность, страшась гнѣва великаго царя. Такимъ образомъ робкіе и малодушные отдавали свою честь и свободу на произволъ варваровъ. Только жители города Платеи прислали Аѳинянамъ свою дружину, да Спартанцы обѣщали помощь, но не ранѣе, какъ черезъ нѣсколько дней, потому-что у нихъ было суевѣрное обыкновеніе никогда не выступать въ походъ во время полнолунія, а тогда оно скоро должно было случиться.

Къ счастію Аѳинянъ въ это время у нихъ были Милтіадъ, Аристидъ и Ѳемистоклъ, три храбрые и искусные вождя. Главное начальство надъ войскомъ ввѣрено Милтіаду, который нетолько былъ извѣстенъ своими дарованіями, но

и зналъ хорошо всѣ свойства непріятелей. Правда, войско аѳинское вдесятеро было слабѣе персскаго, такъ что каждому Аѳинянину предстояла битва съ десятью врагами; но Милтіадъ рѣшился идти на встрѣчу непріятелю, потому-что былъ увѣренъ въ превосходствѣ греческой дисциплины и въ пламенной любви Аѳинянъ къ отечеству, которая поддерживала ихъ мужество въ величайшихъ опасностяхъ. Чтобъ Персы не окружили аѳинскаго войска своею многочисленною конницей, Милтіадъ велѣлъ ночью сдѣлать засѣку, то есть срубить какъ можно больше деревьевъ и повалить ихъ для удержанія непріятельскихъ всадниковъ.

Персы смотрѣли на эти приготовленія какъ на безумство. Имъ казалось, что нельзя и думать о сопротивленіи тамъ, гдѣ одному приходится сражаться противъ десятерыхъ. Но Милтіадъ такъ искусно расположилъ свое войско и такъ быстро напалъ на непріятелей, что привелъ ихъ въ безпорядокъ и, не давая имъ ни минуты оправиться, обратилъ наконецъ въ бѣгство. Греки гнались за бѣглецами до морскаго берега, отняли у нихъ нѣсколько кораблей и разграбили лагерь, брошенный Персами. Все мараѳонское поле покрылось убитыми; въ числѣ

ихъ палъ и тиранъ Гиппій. Между тѣмъ какъ битва еще не окончилась и побѣдители преслѣдовали Персовъ, одинъ Аѳинянинъ, не перестававшій сражаться въ продолженіи цѣлаго дня, несмотря на тяжесть своего вооруженія и понесенные труды, хотѣлъ первый принести въ Аѳины извѣстіе о знаменитой побѣдѣ. Онъ съ необыкновенною скоростью пробѣжалъ большое пространство и явился на городской площади; но тутъ силы его истощились; онъ успѣлъ только сказать: радуйтесь, мы побѣдили! — и умеръ въ ту же минуту.

Очень жаль, что исторія не сохранила имени этого Аѳинянина, который питалъ такую живую любовь къ соотечественникамъ, что не щадилъ для нихъ своей жизни и на полѣ битвы и поспѣшая къ нимъ съ радостною вѣстью.

Радость Аѳинянъ была чрезмѣрна. Они восхищались что отстояли независимость всей Греціи безъ содѣйствія Спарты, всегдашней ихъ соперницы. Каждый спѣшилъ увидѣть Милтіада, спасителя отечества, и каждый встрѣчалъ его со слезами радости и признательности.

Сраженіе названо «мараѳонскою битвой,» и на томъ мѣстѣ, гдѣ оно происходило, Аѳиняне воздвигли памятники, съ именами всѣхъ Грековъ,

падшихъ за отечество, а Милтіада изобразили на картинѣ, какъ предводителя соотечественниковъ, и эту картину выставили подъ портикомъ на площади аѳинской. Память храбрыхъ и неустрашимыхъ воиновъ всегда бываетъ предметомъ общаго уваженія.

Спартанцы послѣ полнолунія выступили въ походъ, какъ обѣщали; но Персы были уже въ бѣгствѣ, когда Спартанцы явились на полѣ битвы. Здѣсь они не нашли никого, кромѣ Аристида, который съ отрядомъ Аѳинянъ стерегъ сокровища, оставленныя непріятелемъ въ лагерѣ. Спартанцы, возвратясь домой, безъ зависти разсказывали вездѣ, что слышали о сраженіи, и сожалѣли только объ одномъ, что сами не успѣли принять въ немъ участія.

Славная побѣда надъ Персами возвысила Аѳинянъ въ глазахъ всѣхъ Грековъ, а въ самихъ побѣдителяхъ пробудила желаніе утвердить свое первенство надъ всѣми греческими племенами. Они послали флотъ, подъ начальствомъ Милтіада, чтобъ наложить дань на тѣ острова, которые добровольно покорились Персамъ. Но это предпріятіе не имѣло успѣха, а между тѣмъ и признательность Аѳинянъ къ Мильтіаду ослабѣла. Слава его возбудила завистниковъ; мно-

гіе смотрѣли на него, какъ на человѣка опаснаго для свободы; они распространяли слухи въ народѣ, что побѣдитель мараѳонскій задумываетъ сдѣлаться тираномъ, подобно Пизистрату. Чернь во всѣхъ странахъ бываетъ легковѣрна и непостоянна какъ въ любви, такъ и въ гнѣвѣ. Враги милтіадовы, воспользовавшись неудачною его морскою экспедиціей, обвиняли героя всенародно въ сношеніяхъ съ Персами и требовали его казни. Напрасно друзья его напоминали Аѳинянамъ о великомъ днѣ мараѳонскомъ: они успѣли только въ томъ, что вмѣсто смертной казни назначено было взыскать съ Милтіада большую денежную пеню.

Какъ Милтіадъ былъ не богатъ и не могъ заплатить требуемой суммы, то неблагодарные соотечественники посадили его въ темницу, гдѣ онъ и умеръ, спустя немного времени, хотя всѣ честные люди искренно его любили и были увѣрены въ его добродѣтели.

Въ Аѳинахъ нерѣдко отличнѣйшія заслуги награждались подобнымъ образомъ: вѣчная боязнь, будто люди съ великими дарованіями, любимцы народа, стремятся подавить общественную свободу, заглушала въ Аѳинянахъ чувство благодарности, потому-что они выше всего ставили

свою независимость и со времени изгнанія Гиппія питали безпредѣльную ненависть къ тираніи.

Вы услышите, что Аристидъ и Ѳемистоклъ, главные сподвижники Мильтіада въ мараѳонской битвѣ, имѣли не лучшую участь.

Оба они были почти сверстники лѣтами, оба отличались обширнымъ умомъ и воинскими доблестями; но въ нихъ были и такія противоположности, по которымъ они всегда соперничествовали другъ съ другомъ. Кроткій и благодушный Аристидъ предпочиталъ славу отечества личной своей чести; но правосудіе и человѣколюбіе цѣнилъ еще выше отечественной пользы; наслаждаясь душевнымъ спокойствіемъ, которое происходитъ только отъ добродѣтели, онъ вовсе не заботился ни о какихъ другихъ наградахъ. Ѳемистоклъ, напротивъ, былъ честолюбивъ. Слава Мильтіада воспламенила въ немъ ревность къ совершенію блистательныхъ подвиговъ; онъ хотѣлъ доставить Аѳинамъ первенство въ Греціи, а себѣ — первенство въ Аѳинахъ. Борьба этихъ двухъ знаменитыхъ противниковъ кончилась тѣмъ, что Ѳемистоклъ одержалъ верхъ и Аристидъ былъ изгнанъ на десять лѣтъ, какъ человѣкъ опасный для свободы отечества. Въ подобныхъ случаяхъ народъ произносилъ приговоръ

на городской площади. Этотъ родъ изгнанія назывался «остракисмомъ», отъ греческаго слова ὄστρακον, которое значило «раковина, черепокъ», и дѣйствительно первоначально для приговоровъ собирали на морскомъ берегу раковины, на которыхъ писали имя осужденнаго. Разсказываютъ, что Аристидъ вмѣшался въ толпу, которая рѣшала его участь; въ это время одинъ необразованный, безграмотный Аѳинянинъ, незнавшій его лично, подошелъ къ нему и просилъ написать на раковинѣ имя Аристида. «А какая у тебя причина желать, чтобъ онъ былъ изгнанъ?» спросилъ самъ Аристидъ. Вовсе никакой, — отвѣчалъ ему этотъ грубый человѣкъ; я даже и не видалъ никогда Аристида; да мнѣ наскучило слышать, что всѣ называютъ его справедливымъ.» Великій человѣкъ тотчасъ написалъ на раковинѣ свое имя. Пользуясь расположеніемъ народа Ѳемистоклъ успѣлъ возбудить противъ Аристида зависть легкомысленныхъ Аѳинянъ.

ЛЕОНИДЪ ВЪ ѲЕРМОПИЛАХЪ.

480 г. до Р. Х.

Между тѣмъ новая гроза поднималась надъ Греціей. Дарій, узнавъ о пораженіи своихъ войскъ, снова приказалъ собрать армію, въ десять разъ многочисленнѣйшую. Онъ готовился самъ принять надъ нею начальство и однимъ ударомъ сокрушить Аѳинянъ; но скоро умеръ, оставивъ престолъ сыну своему Ксерксу, который столько же ненавидѣлъ Грековъ, какъ и его отецъ.

Вспыльчивый и гордый Ксерксъ подтвердилъ всѣмъ сатрапамъ собрать такое многочисленное войско и снарядить такой огромной флотъ, какихъ до того времени еще не было видано.

Когда Ксерксъ занимался приготовленіями къ войнѣ, во дворецъ его въ Сузѣ, гдѣ цари проводили обыкновенно нѣкоторую часть года, явились два чужестранца и требовали чтобъ ихъ допустили передъ царя. Эти люди были Спартанцы Булисъ и Сперѳій. Когда они предстали передъ лице Ксеркса, то никакъ не согласились повергнуться на землю, отговариваясь тѣмъ, что

въ ихъ отечествѣ не воздаютъ людямъ божескихъ почестей, и стоя сказали: «Государь, нѣсколько лѣтъ назадъ Спартанцы умертвили двухъ посланниковъ, которыхъ Дарій, отецъ твой, отправилъ въ Грецію требовать отъ насъ земли и воды. Если это нарушеніе священнаго обычая причиной гнѣва твоего противъ нашего народа, то вотъ наши головы, удовлетвори надъ нами свое мщеніе, и оставь въ покоѣ Грековъ!»

Эти два благородные Спартанца, оставившіе на родинѣ женъ и дѣтей, рѣшились добровольно пожертвовать собою, и утѣшались мыслью, что умрутъ за отечество.

Ксерксъ удивился такому самоотверженію, и далъ Спартанцамъ отвѣтъ, достойный великаго царя. «Возвратитесь въ свое отечество,» сказалъ онъ, «и объявите, что если Спартанцы не постыдились обезславить себя безчестнымъ поступкомъ, то по крайней мѣрѣ я не хочу имъ подражать и не хочу загладить ихъ вину казнію людей великодушныхъ.» Онъ приказалъ надѣлить ихъ богатыми подарками и съ честію отослалъ въ Спарту.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ этого, когда персское войско и флотъ собрались около береговъ Малой-Азіи, Ксерксъ сидѣлъ на бога-

томъ тронѣ, поставленномъ на холмѣ, и осматривалъ несмѣтныя свои силы. Видя повсюду, сколько могъ обнять своимъ взоромъ, море, усѣянное кораблями, и равнину, покрытую войскомъ, онъ почувствовалъ въ сердцѣ своемъ радость и самодовольствіе.

Немедленно приказалъ онъ навести черезъ Геллеспонтъ мостъ на судахъ, несравненно огромнѣе и удивительнѣе того, по которому отецъ его вступилъ въ страну Скиѳовъ. Но поднявшаяся ночью ужасная буря сорвала всѣ суда, разрушила мостъ и погубила множество людей.

Греческій историкъ Геродотъ разсказываетъ будто Ксерксъ не только казнилъ строителя моста, но и приказалъ высѣчь море и бросить въ волны его двѣ цѣпи, въ знакъ того, что онъ и море считаетъ своимъ рабомъ. Если это справедливо, то наказывая море, царь походилъ только на избалованнаго ребенка, который сердится, если слабою рукою не можетъ сдвинуть съ мѣста цѣлый домъ. Но казнь строителя доказываетъ, что персскій деспотъ не думалъ о справедливости и готовъ былъ каждаго, кто не могъ выполнить его воли, карать жестоко, какъ будто онъ съ умысломъ противился велѣнію царскому.

На другой день начали строить новый мостъ и вскорѣ его окончили. На этотъ разъ войско двинулось со всѣми своими военными снарядами. Семь дней и семь ночей переправлялось оно на другой берегъ. За войскомъ слѣдовалъ такой огромный обозъ, что мостъ, нарочно для того построенный, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ перваго, казался совершенно загруженнымъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца.

Войско ксерксово представляло удивительное смѣшеніе разныхъ одеждъ, вооруженія, языковъ, потому-что болѣе 50 племенъ принимали участіе въ походѣ.

Когда Аѳиняне узнали, что Ксерксъ идетъ на Грецію, то почитали себя погибшими, но не соглашались покориться ему. Они поставили Ѳемистокла своимъ вождемъ и поспѣшили возвратить изъ ссылки Аристида. Между тѣмъ Спартанцы и нѣкоторые другіе Греки соединились съ Аѳинянами и готовились единодушно противостать непріятелю.

Чтобы проникнуть въ Грецію, ксерксовой арміи нужно было пройти черезъ Ѳермопилы, гдѣ, какъ мы говорили, собирался нѣкогда совѣтъ амфиктіоновъ. Эти тѣснины, замкнутыя съ одной стороны утесами, съ другой болотами, не-

пересыхавшими ни въ какое время года, были такъ узки, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ едва могла проѣхать одна колесница.

Греки рѣшились защищать Ѳермопилы и отправили туда осьмитысячный отрядъ, въ которомъ находилось 300 отборныхъ Спартанцовъ. Предводителемъ этого отряда избранъ былъ Леонидъ, царь спартанскій.

Въ Спартѣ было обыкновеніе при погребеніи воина, павшаго на полѣ битвы, отправлять въ честь его игры. Леонидъ и триста его товарищей, твердо рѣшившись погибнуть въ битвѣ, сами надъ собою праздновали такія надгробныя игры, прежде чѣмъ разстались съ своими родителями, которые не смѣли даже и видомъ показать сожалѣнія или страха къ неминуемой опасности.

Едва только Леонидъ пришелъ къ Ѳермопиламъ, какъ ему донесли, что Персы приближаются въ такомъ несмѣтномъ числѣ, что стрѣлами своими могутъ затмить солнце. «Тѣмъ лучше,» отвѣчалъ герой, улыбаясь, «мы будемъ сражаться въ тѣни!». Ксерксово войско немедленно покрыло равнины и сосѣднія горы передъ тѣсниною. Леонидъ и Спартанцы думали только о защитѣ ввѣреннаго имъ поста. Они одѣлись въ праздничное платье, заплели свои длинные во-

лосы и, готовясь къ сраженію, занимались нѣсколько времени воинскими играми. Все это видѣлъ непріятельскій лазутчикъ; онъ чрезвычайно удивилъ Ксеркса, разсказавъ ему, какъ спокойно и бодро готовились Греки къ битвѣ. Ксерксъ и не думалъ, чтобъ эта горсть людей могла сопротивляться ему, а потому, желая сохранить жизнь храбрыхъ воиновъ, послалъ Леониду досчечку, на которой велѣлъ написать: «Отдай оружіе». Спартанецъ тотчасъ же отослалъ ее назадъ, написавъ внизу: «Пріиди и возьми.»

Не видя покорности, разгнѣванный Ксерксъ приказалъ сильному отряду взять Леонида живаго, со всѣми его товарищами. Но въ тѣснинахъ Персы могли дѣйствовать только небольшими частями, а опасная и страшная ихъ конница оставалась совершенно въ бездѣйствіи. По этому воины ксерксовы безъ успѣха ломились впередъ: многіе падали, пораженные греческими копьями; другіе отступали. Ксерксъ нѣсколько разъ возобновлялъ нападенія свѣжими войсками, но Греки всегда отражали ихъ и обращали въ бѣгство.

Черезъ скалы, возвышающіяся надъ тѣсниной, пролегала маленькая тропинка, по которой можно было обойти отрядъ леонидовъ и тѣмъ отнять

у него всѣ средства къ сопротивленію. Туземецъ, по имени Эфіальтъ, открылъ это Ксерксу и согласился за большую сумму денегъ провести отрядъ Персовъ этою окольною дорогой.

Царь съ радостью принялъ предложеніе и приказалъ отважнѣйшимъ изъ своего войска, которыхъ называли «безсмертными», числомъ около 10 тысячь, слѣдовать за Эфіальтомъ.

Гнусный измѣнникъ, торговавшій жизнью храбрыхъ соотечественниковъ и свободою всей Греціи, навсегда покрылъ свое имя позоромъ и общимъ презрѣніемъ.

Какъ скоро наступила ночь, онъ повелъ Персовъ въ обходъ, черезъ дремучій дубовый лѣсъ, и достигъ вершины горы, а оттуда отрядъ спустился въ ущелье въ-тылу Леонида. Узнавъ объ этомъ, Леонидъ, съ своими Спартанцами, рѣшился лучше умереть, нежели оставить тѣснины, которыя Греція ввѣрила его защитѣ; но онъ отпустилъ всѣхъ прочихъ союзниковъ; съ нимъ, кромѣ 300 Спартанцовъ, остались немногіе Ѳеспійцы.

Тогда малочисленное войско Леонида, пользуясь темнотою ночи, пробралось безъ шуму въ станъ Персовъ, гдѣ всѣ почти спали, и прежде, чѣмъ непріятели были въ состояніи защи-

щаться, Греки напали на нихъ и умертвили такое множество, что Персы думали, не вся ли греческая армія сдѣлала нападеніе на ихъ лагерь: въ темнотѣ они не могли замѣтить малочисленности непріятелей. Самъ Ксерксъ вскочилъ съ постели и искалъ убѣжища среди тѣлохранителей.

Но когда взошло солнце, Персы увидѣли малочисленность Спартанцовъ; они устыдились своего ночнаго страха и съ воплями пустили въ неустрашимыхъ Грековъ тысячи стрѣлъ, потому-что все еще боялись грудью встрѣтить удары ужасныхъ ихъ мечей. Спартанцы и Ѳеспійцы всѣ пали до послѣдняго.

Эта битва показала Ксерксу, что при всемъ его могуществѣ, ему не легко будетъ поработить Грековъ.

Долго послѣ смерти отважныхъ Спартанцовъ стояли въ ущельяхъ ѳермопильскихъ столбы, на которыхъ были написаны имена храбрыхъ воиновъ, тамъ падшихъ; а на одномъ, который былъ выше другихъ, вырѣзана надпись:

«Прохожій! ступай, скажи Спартанцамъ, что мы пали здѣсь, повинуясь священнымъ законамъ отечества».

Эта простая надпись въ каждомъ Грекѣ возбуждала уваженіе къ памяти героевъ и подкрѣпляла готовность жертвовать жизнью за отечество.

ДЕЛЬФІЙСКІЙ ОРАКУЛЪ.

480 — 470 г. до Р. Х.

Въ это время въ Греціи самымъ знаменитымъ изъ всѣхъ оракуловъ былъ дельфійскій; Греки вѣрили, что тамъ самъ Аполлонъ внушалъ отвѣты жрецамъ на вопросы посѣтителей.

Вотъ что разсказывали о первомъ открытіи этого прорицалища. Пастухи фокидскіе замѣтили, что козы ихъ, пасшіяся на высокой горѣ, вдругъ начинали прыгать и бѣгать во всѣ стороны, какъ бѣшеныя, когда подходили къ большой разсѣлинѣ въ горѣ.

Нѣкоторые изъ пастуховъ осмотрѣли разсѣлину и замѣтили сперва, что изъ земли выходили испаренія, а потомъ сами почувствовали головокруженіе, зашатались, какъ пьяные, и противъ воли начали говорить то, о чемъ прежде никогда не думали, и даже предсказывать будущее.

Пиѳія.

Молва о такомъ чудѣ привлекла туда людей, которые и заложили храмъ, въ увѣренности, что тутъ дѣйствуетъ божество. Надъ отверстіемъ поставили золотой треножникъ, такой величины, что человѣкъ могъ сидѣть на немъ.

На треножникъ садилась старая жрица, которую называли «пиѳіей». Охваченная парами, она впадала въ сильныя судорожныя движенія, такъ-что нѣсколько человѣкъ должны были ее удерживать. Въ этомъ состояніи она произносила несвязныя слова; ихъ тотчасъ записывали, потому-что она ничего не помнила, когда проходилъ припадокъ. Изъ этихъ-то словъ жрецы составляли отвѣтъ тому, кто приходилъ вопрошать оракула.

Отвѣты эти обыкновенно бывали довольно неопредѣленны, такъ-что нельзя было упрекнуть пиѳію въ ошибкѣ, какъ бы ни кончилось дѣло.

Удачныя предсказанія дельфійскаго оракула привлекали толпы людей, которые никогда не выходили изъ храма, не оставивъ въ немъ приношеній; такимъ образомъ дельфійскій храмъ сдѣлался богатѣйшимъ и великолѣпнѣйшимъ во всей Греціи.

Городъ, построенный кругомъ храма, назывался Дельфами, а божество, которому посвя-

щенъ былъ храмъ, называлось Аполлономъ т. е. солнцемъ.

Когда узнали въ Аѳинахъ, что Леонидъ съ своими товарищами погибъ при Ѳермопилахъ, и что войско ксерксово съ огнемъ и мечемъ разлилось по Аттикѣ, то страхъ и отчаяніе овладѣли всѣми жителями; только Ѳемистоклъ сохранилъ все мужество во время этой опасности. Онъ объявилъ, что Аѳиняне должны искать спасенія на флотѣ, а городъ оставить въ жертву варварамъ. Но народъ колебался; ему тяжко было думать, что домы, храмы, всѣ плоды трудовъ, родныя поля, покрытыя жатвою, — все будетъ истреблено врагомъ. Ѳемистоклъ, чтобъ подкрѣпить свое мнѣніе, послалъ въ Дельфы вопросить пифію о томъ, что должно предпринять? Оракулъ отвѣчалъ, что Аѳиняне должны защищаться въ деревянныхъ стѣнахъ. Ѳемистоклъ объяснилъ, что подъ деревянными стѣнами должно разумѣть корабли. Но когда и тутъ еще многіе не рѣшались оставить родину, вождь распустилъ слухъ, что священный змѣй, который воспитывался въ храмѣ Минервы, исчезъ, потому-что сама богиня оставила Аѳины. Тогда уже никто не упорствовалъ. Каждый Аѳинянинъ обязанъ былъ оставить домъ свой и се-

мейство: жены и дѣти отвезены на близь-лежащій островъ, а мужчины готовились сражаться съ непріятелями на морѣ.

Городъ опустѣлъ; въ немъ остались только дряхлые старики, которыхъ нельзя было вывозить изъ Аѳинъ; они со слезами вырывались изъ объятій своихъ семействъ, разставаясь съ ними навсегда.

Едва Аѳиняне успѣли сѣсть на суда, какъ войско Персовъ вступило въ Аѳины и по приказанію Ксеркса умерщвляло всѣхъ, кто только попадался на встрѣчу; потомъ зажгли городъ съ четырехъ концовъ и всѣ его великолѣпныя зданія превратились въ кучу пепла.

Между тѣмъ флотъ, заранѣе снаряженный стараніемъ Ѳемистокла, выжидалъ благопріятнаго случая къ нападенію на Персовъ; всѣ греческіе народы спѣшили присоединить свои корабли къ Аѳинянамъ, при островѣ Саламинѣ. Хотя сильная буря на морѣ и разбила о скалы значительное число персскихъ кораблей; но флотъ Персовъ былъ гораздо многочисленнѣе греческаго. Только настойчивость и хитрость Ѳемистокла заставили союзниковъ рѣшиться на битву. Оба флота сошлись на разсвѣтѣ и завязался общій бой. Опытный аѳинскій вождь на-

рочно сталъ въ узкомъ проливѣ, гдѣ многочисленные корабли Персовъ такъ стѣснились, что не могли двинуться ни взадъ, ни впередъ. Греки искусно воспользовались ихъ замѣшательствомъ и одержали совершенную побѣду. Ксерксъ смотрѣлъ на битву съ берега, съ высокой горы, и съ отчаяніемъ видѣлъ пораженіе морскихъ своихъ силъ.

Вскорѣ послѣ этого, великій царь, чтобъ не попасть въ плѣнъ, принужденъ былъ со стыдомъ бѣжать въ Азію на небольшой лодкѣ, потому-что буря разрушила его огромный мостъ черезъ Геллеспонтъ. Въ Греціи онъ оставилъ полководца своего Мардонія, съ войскомъ, около 300 тысячь человѣкъ.

Мардоній грозилъ новою опасностью; Аѳины опять были заняты Персами, пока собралось союзное греческое войско. Тогда Мардоній былъ на-голову разбитъ при небольшомъ городѣ Платеѣ (479 л. до Р. Х.), недалеко отъ Ѳивъ. Эту побѣду одержали Павзаній и Аристидъ. Аристидъ предводительствовалъ только аѳинскимъ войскомъ, а главнымъ предводителемъ всѣхъ Грековъ былъ спартанскій царь Павзаній; оба они пріобрѣли безсмертную славу въ этомъ сраженіи, на которомъ палъ самъ Мардоній.

Въ тотъ же самый день, когда Павзаній разбилъ войско Мардонія при Платеѣ, другой спартанскій царь истребилъ вновь собранный флотъ Ксерска при мысѣ Микалѣ, въ Азіи. Такимъ образомъ нанесенъ послѣдній ударъ могуществу великаго царя; Персы никогда уже не осмѣливались дѣлать покушенія противъ свободы Греціи.

Цари перскіе, отправляясь на войну, брали съ собой столько богатства, что теперь, по описанію, трудно составить объ нихъ полное понятіе. Въ лагерѣ ихъ находились великолѣпные шатры изъ драгоцѣнныхъ тканей; колесницы, блестящія дорогими каменьями; золотые и серебряные сосуды, и наконецъ золотой тронъ рѣзной работы, осыпанный драгоцѣнными каменьями, съ котораго Ксерксъ обозрѣвалъ свой флотъ и армію. И чтожъ? Всѣ эти богатства достались Грекамъ. Они часть добычи отправили въ дельфійскій храмъ, а остальное раздѣлили между собою, и такимъ образомъ очень обогатились.

Отъ продолжительныхъ сношеній съ Персами и быстраго накопленія богатствъ между Греками начали распространяться роскошь и склонность къ чувственнымъ наслажденіямъ. Примѣръ пере-

мѣны нравовъ даже между суровыми Спартанцами намъ представитъ Павзаній. Тогда, какъ мудрый и безкорыстный Аристидъ заботился только о возобновленіи Аѳинъ, гордый и надмѣнный Павзаній задумалъ сдѣлаться повелителемъ всей Греціи, и потому очень досадовалъ, что Аѳиняне возобновляютъ городскія стѣны. Вѣрность и любовь къ отечеству до того въ немъ погасли, что онъ не устыдился просить помощи у царя персскаго, для порабощенія Греціи. Персы радовались несогласіямъ, которыя появились между ихъ заклятыми врагами — Греками, и договаривались уже съ Павзаніемъ, какъ вдругъ грозные спартанскіе эфоры, узнавъ о преступномъ его намѣреніи, приказали воинамъ взять Павзанія подъ стражу; преступникъ успѣлъ убѣжать въ храмъ Минервы, откуда не смѣли никого извлекать силою; но Спартанцы заложили камнями двери храма, и Павзаній тамъ умеръ съ-голода. Всеобщее негодованіе противъ него въ Спартѣ, говорятъ, было такъ сильно, что даже мать его, проклиная преступнаго сына, принесла первый камень для закладки дверей. При погибели Павзанія Спартанцамъ удалось избавиться отъ другаго опаснаго для нихъ человѣка, именно отъ Ѳемистокла. Они успѣли сдѣлать его опаснымъ

и въ глазахъ Аѳинянъ, обвиняя въ сношеніяхъ съ Персами. Аѳиняне, всегда подозрительные противъ людей, украшенныхъ заслугами, изгнали Ѳемистокла остракисмомъ. Я уже разсказалъ вамъ, какъ знаменитый изгнанникъ нашелъ убѣжищѣ у царя персскаго, Артарксеркса Лонгимана.

И такъ, изъ всѣхъ знаменитыхъ гражданъ, такъ славно сражавшихся за свободу отечества, остался только Аристидъ. Имя его осталось безъ упрека. Онъ въ теченіи многихъ лѣтъ распоряжалъ общею казною всей Греціи такъ безкорыстно, что умеръ въ крайней бѣдности. Это былъ истинно-добродѣтельный человѣкъ.

КИМОНЪ И ПЕРИКЛЪ.

470 — 450 г. до Р. Х.

Кимонъ, сынъ Милтіада, побѣдителя при Мараѳонѣ, велъ жизнь разсѣянную, не любилъ наукъ, съ утра до вечера думалъ объ однихъ увеселеніяхъ; по этому въ Аѳинахъ не ожидали отъ него ничего добраго.

Но Аристидъ принималъ участіе въ Кимонѣ и предвидѣлъ, что легкомысленный юноша, при

хорошемъ руководствѣ, вскорѣ сдѣлается человѣкомъ полезнымъ отечеству и достойнымъ всякаго уваженія. И дѣйствительно, упреки Аристида тронули Кимона, и онъ обѣщалъ совершенно исправиться. Для человѣка благороднаго обѣщать значитъ — исполнить.

Перемѣна въ характерѣ доставила Кимону такое уваженіе и любовь, что послѣ удаленія Ѳемистокла, онъ сдѣлался самымъ значительнымъ лицомъ въ Аѳинахъ и по богатству своему и по привязанности къ нему народа. Эту привязанность онъ пріобрѣлъ кротостью, благоразуміемъ и особенно щедростью.

У него въ Аѳинахъ находились обширные фруктовые сады; входъ въ нихъ никогда не былъ запертъ, чтобъ бѣдные могли брать все, въ чемъ нуждались. Онъ почиталъ богатство безполезнымъ, если оно не употреблялось на благодѣянія ближнимъ.

Кимонъ держалъ открытый столъ для всѣхъ, кому угодно было пользоваться его гостепріимствомъ, и никогда не освѣдомлялся, бѣдные ли или богатые у него обѣдали.

Выходя изъ дому, Кимонъ бралъ съ собой нѣсколько слугъ, которые должны были раздавать деньги и платье бѣднымъ Аѳинянамъ.

Многіе получали отъ него вспомоществованіе скрытно; онъ щадилъ самолюбіе тѣхъ бѣдныхъ людей, которые стыдятся принимать публично вспоможеніе. Такъ благородно мыслилъ и дѣйствовалъ Кимонъ!

Сдѣлавшись первымъ гражданиномъ въ республикѣ, онъ неутомимо трудился, чтобъ сдѣлать отечество свое сильнымъ и цвѣтущимъ, а Аѳины лучшимъ городомъ въ свѣтѣ. Онъ украсилъ его многими великолѣпными зданіями, и съ торжествомъ приказалъ перенесть туда съ острова Скироса кости Ѳезея, какъ благодѣтеля Аѳинъ. Но онъ не возобновлялъ храмовъ, разрушенныхъ Персами, для того, чтобъ видъ этихъ развалинъ напоминалъ Аѳинянамъ о непримиримыхъ врагахъ Греціи.

Въ это же время другой человѣкъ раздѣлялъ съ Кимономъ любовь народную, и подобно ему, былъ великодушенъ; особливо же привлекалъ къ себѣ Аѳинянъ тѣмъ, что давалъ имъ зрѣлища, до которыхъ они были страстные охотники. Это былъ Периклъ. Въ молодости, подобно Кимону, велъ онъ разсѣянную жизнь; но занятія науками развили въ немъ способности, облагородили его образъ мыслей и доставили общее уваженіе. При томъ Периклъ былъ очень кра-

спорѣчивъ; онъ выражался съ такою прелестью и легкостью, что могъ склонить каждаго на свою сторону. Особенно къ нему была привержена аѳинская чернь; она смотрѣла на него, какъ на своего начальника, между тѣмъ, какъ Кимонъ считался главою гражданъ богатыхъ и сильныхъ. Борьба бѣдныхъ съ богатыми была великимъ бѣдствіемъ въ древнихъ республикахъ, а иногда доводила ихъ до совершеннаго паденія.

Въ это время случилось въ Спартѣ ужасное землетрясеніе; оно разрушило въ городѣ почти всѣ домы и храмы. Жители или разорились, или погребены подъ развалинами домовъ своихъ. Ужасно зрѣлище землетрясенія! Горы колеблются въ своихъ основаніяхъ, скалы рушатся съ трескомъ, деревья, вырванныя съ корнемъ, падаютъ; рѣки, выступая изъ береговъ, потопляютъ поля и довершаютъ разореніе. Въ минуту бѣдствія, которое постигло Спарту, илоты сбѣжались со всѣхъ сторонъ и, вооружившись кто чѣмъ могъ, намѣревались истребить Спартанцовъ; но при благоразумной предусмотрительности царя Архидама, Спартанцы успѣли соединиться вовремя. Когда рабы увидѣли ихъ готовыми къ битвѣ, тотчасъ же разбѣжались, потому-что почитали ихъ непобѣдимыми.

За всѣмъ тѣмъ бѣдствіе было велико. Архидамъ послалъ просить помощи у Аѳинянъ; онъ писалъ къ нимъ, что у него нѣтъ домовъ, чтобъ укрыть отъ бури своихъ воиновъ, ни пищи, чтобъ раздать женщинамъ и дѣтямъ, спасшимся отъ землетрясенія.

Когда въ Аѳинахъ узнали о несчастіи, постигшемъ Спартанцовъ, нѣкоторые граждане, руководимые Перикломъ, кричали: «пусть гибнетъ этотъ враждебный народъ, или остается вѣчно въ бѣдности!» Аѳиняне всегда страшились могущества Спарты. Но Кимонъ, по своему человѣколюбію и благородству, упрекалъ ихъ въ малодушіи, и тотчасъ пошелъ въ Лаконію съ отрядомъ войскъ и съ значительными пособіями. Однако жъ противники Кимона тайно увѣрили Спартанцовъ, что этотъ хитрый человѣкъ хочетъ обмануть ихъ и находится въ сношеніяхъ съ илотами. Старинная взаимная недовѣрчивость обнаружилась съ новою силой. Спартанцы подъ пустымъ предлогомъ отпустили аѳинское войско.

Когда Кимонъ возвратился въ Аѳины, ожесточенные враги обвинили его въ томъ, будто онъ принялъ сторону богатыхъ противъ народа для достиженія верховной власти, по примѣру Пизисграта. И вотъ Кимонъ, подобно Аристиду

жертва неблагодарныхъ и подозрительныхъ согражданъ, осужденъ на изгнаніе.

Но черезъ пять лѣтъ, тѣ самые, которые изгнали благороднаго Кимона, были принуждены призвать его снова, потому-что Спартанцы, оправившись отъ своихъ бѣдствій, объявили войну Аѳинянамъ, между тѣмъ какъ царь персскій угрожалъ имъ новымъ нападеніемъ.

Кимонъ своими побѣдами вынудилъ у Спартанцовъ перемиріе на пять лѣтъ, т. е. обѣщаніе не воевать въ продолженіе этого времени, и такъ часто разбивалъ Персовъ на морѣ, что царь ихъ Артаксерксъ Лонгиманъ обязался ничего не предпринимать противъ Греціи.

Это были послѣднія услуги Кимона своему отечеству; онъ вскорѣ умеръ (за 449 л. до Р. Х.). Извѣстіе о его кончинѣ повергло въ глубокую печаль всѣхъ Аѳинянъ; многіе почитали отечество въ крайней опасности, потому-что лишились Кимона. Но такія опасенія были напрасны: Аѳинамъ оставался еще Периклъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Пелазги 1
Основаніе Аѳинъ 4
Потопъ девкаліоновъ 12
Герои баснословныхъ временъ 16
Походъ Аргонавтовъ 21
Эдипъ 25
Семь вождей подъ стѣнами Ѳивъ 31
Осада Трои 34
Гомеръ 45
Возвращеніе Ираклидовъ въ Пелопоннесъ 48
Ликургъ и Спартанцы 51
Мессенская война 58
Аристодемъ въ Цеадѣ 61
Олимпійскія игры 64
Солонъ 73
Пизистратъ и его сыновья 82
Гиппій въ Персіи 87
Мараѳонская битва 90
Леонидъ въ Ѳермопилахъ 100
Дельфійскій оракулъ 108
Кимонъ и Периклъ 115

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ

для

ЮНОШЕСТВА.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА,

сост. Хаме-Флёри.

ЧАСТЬ 3.

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ,

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1846.

Печатать позволяется,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 7 Ноября 1846. Ценсоръ *А. Очкинъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ФИШЕРА.

Храмъ Сезея въ Аѳинахъ.

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ.

ВѢКЪ ПЕРИКЛА.

469—431 г. до Р. Х.

Быть искуснымъ полководцемъ на войнѣ, или мудрымъ правителемъ во время мира—достаточно уже для славы человѣка. Но Периклъ съ великими талантами вождя соединялъ рѣдкія способности народнаго правителя. Онъ утвердилъ за Аѳинами первенство надъ прочими греческими государствами, которое доставили своему отечеству Аристидъ, Ѳемистоклъ и Кимонъ.

Великую услугу Аѳинянамъ оказалъ Периклъ особенно тѣмъ, что возбудилъ въ нихъ любовь къ наукамъ и искусствамъ. Аѳины сдѣлались для всей Греціи источникомъ просвѣщенія и образцомъ вкуса и общежитія.

Однако жъ, превосходныя дарованія Перикла, которыя во всякомъ благоустроенномъ государствѣ увеличили бы его силу, едва не погубили его въ странѣ, часто управляемой мятежною и подозрительною чернью. Завистники его говорили, будто онъ наружностью, лицомъ и голосомъ очень походилъ на честолюбиваго Пизистрата, который притворными добродѣтелями отнялъ свободу у соотечественниковъ.

Чтобъ заглушить такое опасное сравненіе, Периклъ всегда защищалъ чернь противъ гражданъ богатыхъ и благородныхъ, и не только принималъ участіе въ дѣйствительныхъ пользахъ народа, но снисходилъ даже его своенравію и доставлялъ ему случаи къ увеселеніямъ безъ платы. Аѳины въ его время представляли всегдашнее зрѣлище народныхъ забавъ, гуляній и праздныхъ сборищъ.

Во время праздниковъ всѣ рынки и судилища закрывались; ремесленники и земледѣльцы прекращали свои работы, и весь городъ предавался радостямъ и веселію; остальное время проводили въ великолѣпныхъ играхъ и религіозныхъ ходахъ, слушали музыку, разсматривали произведенія живописи и скульптуры, которыми были наполнены всѣ общественныя зданія.

Здѣсь кстати замѣтимъ, что и самая религія Грековъ отличалась привлекательною веселостью, хотя и заимствована первоначально изъ мрачнаго и суроваго богопочитанія Египтянъ. Вмѣсто египетскихъ гимновъ (пѣсни въ честь божества), въ которыхъ заключались страшныя жалобы и вопли, Греки оканчивали свои торжества пѣснями радости и восторга.

Аристидъ и Кимонъ устроили доходы и распространили владѣнія Аѳинянъ; Периклъ еще болѣе придалъ блеска своему отечеству. Корабли аѳинскіе повелѣвали всѣми восточными берегами Средиземнаго-моря; купцы ихъ отправляли обширную и прибыльную торговлю; общественная сокровищница наполнилась золотомъ, слоновою костью, чернымъ деревомъ и другими драгоцѣнностями. Периклъ щедро употреблялъ ихъ на украшеніе Аѳинъ. Онъ отъискивалъ даровитыхъ художниковъ, доставлялъ имъ работу и поощрялъ ихъ наградами. Скульптура и живопись въ его время достигли высшей степени совершенства въ произведеніяхъ ваятелей Фидія, Поликлета, Скопаса, Алкамена и живописцовъ Панена, Зевксиса, Парразія и многихъ другихъ.

Знаменитому Фидію поручилъ Периклъ надзоръ надъ всѣми работами, которыми украша-

лись Аѳины. Этотъ художникъ воздвигнулъ изъ прекраснаго бѣлаго мрамора Пароѳонъ или храмъ Минервы, и въ немъ поставилъ огромную статую богини, сдѣланную имъ изъ золота и слоновой кости, подобно статуѣ Юпитера-Олимпійскаго, о которой мы недавно говорили и которая была также произведеніемъ геніальнаго Фидія.

Но къ сожалѣнію должно сказать, что въ вѣкъ Перикла, въ это самое блистательное время Греціи, въ нравахъ и поведеніи Аѳинянъ произошла перемѣна не къ лучшему. Великолѣпіе религіозныхъ празднествъ, безпрерывныя увеселенія и пиры при жертвоприношеніяхъ пріучили Аѳинянъ къ роскоши и въ домашней жизни, которая прежде отличалась простотой и тишиною. Незатѣйливыя кушанья временъ солоновыхъ замѣнились нѣжными произведеніями отдаленныхъ земель; прелестные, рѣдкіе цвѣты и драгоцѣнныя благовонія почитались необходимыми принадлежностями при столѣ богатыхъ Аѳинянъ, а съ неумѣренностью въ наслажденіяхъ и праздностью укоренились глубоко и другіе пороки.

Многіе не безъ причины укоряли Перикла въ томъ, что онъ расточалъ общественную казну и ослаблялъ народную нравственность. Впрочемъ

враги перикловы долго не смѣли нападать прямо на него, а старались только вредить ему доносами на его друзей, даже несправедливыми.

Въ числѣ лучшихъ своихъ друзей Периклъ считалъ Фидія и Анаксагора. Враги перикловы обвинили Фидія въ утайкѣ части золота, которое было дано ему на сооруженіе статуи Минервы. Извѣстная честность великаго художника и заступничество Перикла не спасли его.

Фидія посадили въ темницу, безъ доказательствъ его виновности. Въ заключеніи онъ скоро и умеръ съ печали.

Анаксагоръ былъ философъ, «любитель мудрости», т. е. человѣкъ, который всегда и во всемъ ищетъ правды и самъ старается быть справедливымъ ко всѣмъ людямъ, не смотря ни на ихъ званіе, ни на личныя ихъ качества, ни даже на происхожденіе. Анаксагоръ былъ наставникомъ Перикла, который всегда помнилъ прекрасные его уроки и оказывалъ ему искреннюю привязанность и благодарность. Преслѣдователи Фидія обвинили и Анаксагора, будто онъ распространялъ ученіе, противное религіознымъ вѣрованіямъ Грековъ. И въ этотъ разъ Периклъ не могъ отвратить изгнанія своего наставника, но

всегда заботился о его старости и не переставалъ быть его другомъ.

Осужденіе самыхъ близкихъ друзей Перикла открыло наконецъ путь къ обвиненію его самаго. Отъ него потребовали отчета въ управленіи общественною казною. Но изслѣдованіе доказало непоколебимую честность Перикла и возвратило ему любовь непостоянныхъ его соотечественниковъ. Этимъ случаемъ онъ воспользовался, чтобъ побудить Аѳинянъ къ войнѣ противъ Спартанцовъ.

ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА.

431—404 г. до Р. Х.

Сильные города Спарта, Ѳивы и Аргосъ, съ давняго времени враждебные Аѳинамъ и другъ другу, съ завистью и досадою смотрѣли на счастливую жизнь Аѳинянъ. Спартанцы, принужденные Кимономъ заключить миръ, не переставали возбуждать противъ Аѳинъ враговъ и въ Греціи и за ея предѣлами, и постоянно противились всѣмъ предпріятіямъ Перикла.

Война, которая, по настоянію Перикла, возгорѣлась между Аѳинами и Спартою, продолжа-

лась 27 лѣтъ и извѣстна подъ именемъ «войны пелопоннесской», потому-что враги Аѳинянъ, вооружили противъ нихъ почти всѣ народы въ Пелопоннесѣ.

Войско союзниковъ, подъ предводительствомъ спартанскаго царя Архидама, вступило въ Аттику. Аѳиняне на сухомъ пути не могли выставить войска, равносильнаго непріятельскому, но за то имѣли перевѣсъ на морѣ.

По-этому Периклъ рѣшился вести оборонительную войну на сушѣ и нападать на враговъ флотомъ. Онъ приказалъ Аѳинянамъ опустошить собственныя ихъ поля, разрушить сады и загородные дома; все движимое имущество, вещи, съѣстные припасы и домашній скотъ перевезть въ Аѳины или на острова. Жители селеній съ своими семействами и рабами вошли въ Аѳины. Бѣдныхъ земледѣльцевъ размѣстили по общественнымъ зданіямъ и храмамъ, и содержали на счетъ казны.

Правда, непріятели безпрепятственно жгли селенія и опустошали окрестности; но вскорѣ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ принудилъ ихъ отойти во свояси тѣмъ скорѣе, что Периклъ, съ значительнымъ войскомъ, сѣлъ на корабли, стоявшіе въ аѳинской гавани, и по-

плылъ къ берегамъ Пелопоннеса. Тамъ онъ мстилъ врагамъ опустошеніемъ ихъ земель и угрожалъ самой Спартѣ.

Возвратившись въ Аѳины, Периклъ приказалъ съ большою пышностью совершить обрядъ погребенія воиновъ, павшихъ въ эту войну.

Это погребеніе совершено было въ Керамикѣ (*), съ особенною торжественностью и почестями. Кости убитыхъ воиновъ положены были въ кипарисные, покрытые лавровыми вѣтьвями гробы; ихъ везли въ Аѳины на колесницахъ; всѣ жители города и близь-лежащихъ селеній шли въ траурѣ передъ колесницами и усыпали дорогу цвѣтами; на городскихъ улицахъ курились благовонія, и самъ Периклъ произнесъ надгробную рѣчь, съ такимъ чувствомъ и краснорѣчіемъ, что плачъ и рыданія гражданъ, лишившихся своихъ родственниковъ и друзей, нѣсколько разъ прерывали его слова.

Война сама по себѣ есть уже великое бѣдствіе; но въ Аѳинахъ вскорѣ явился другой, гораздо

(*) Мѣсто, за стѣнами аѳинскими, гдѣ обыкновенно погребались воины, падшіе за отечество; оно называлось Керамикою «черепичникомъ», потому-что тамъ выдѣлывалась черепица для домовыхъ крышъ.

ужаснѣйшій бичъ. Въ городѣ открылась моровая язва и вскорѣ распространилась по сосѣдственнымъ округамъ.

Ѳукидидъ, написавшій исторію пелопоннесской войны, изобразилъ ужасную картину бѣдствій Аѳинянъ отъ свирѣпства заразы. Больные, въ безпрестанныхъ судорогахъ, не знали ни минуты покоя и оглашали воздухъ жалобными криками. Нестерпимый жаръ, какъ огонь, пожиралъ ихъ внутренности. Страдальцы скитались по улицамъ и, мучимые невыносимою жаждой, бросались въ колодцы и рѣки. Сначала родственники и друзья спѣшили помогать больнымъ; но когда увидѣли, что скорая смерть поражала сострадательныхъ, тогда усердіе охладѣло, каждый сталъ думать только о собственной своей опасности и самыя священныя связи родства и дружбы были разорваны; сердца развратились, потерявъ вѣру въ правосудіе боговъ, потому-что страшная болѣзнь поражала одинаково и порочныхъ и добродѣтельныхъ; люди, видя передъ собою ежеминутно смерть, спѣшили предаваться наслажденіямъ безъ всякой воздержности, съ какимъ-то ужаснымъ отчаяніемъ; страхъ наказаній по законамъ не удерживалъ никого уже отъ преступленій. Такимъ образомъ зараза сдѣлалась источникомъ

нравственной порчи, которой слѣды были гораздо пагубнѣе для Аѳинянъ, нежели самая болѣзнь.

Въ это время на островѣ Косѣ, одномъ изъ острововъ Греческаго Архипелага, жилъ знаменитый врачъ, Гиппократъ. Царь Артаксерксъ-Длинорукій, видя, что многіе города его государства пустѣютъ отъ той же язвы, которая свирѣпствовала въ Аѳинахъ, предложилъ Гиппократу большія выгоды и награды, если онъ согласится пріѣхать въ Персію, на помощь страждущимъ.

Въ тоже время Гиппократа звали къ себѣ и Аѳиняне, полагавшіе въ немъ одномъ надежду. Благодушный врачъ отказался отъ богатыхъ подарковъ Артаксеркса и поѣхалъ въ Аѳины; онъ не хотѣлъ продать свое искусство иноземцамъ, когда Греки нуждались въ немъ.

Не смотря на явную опасность, онъ помогалъ зараженнымъ Аѳинянамъ съ удивительнымъ самоотверженіемъ.

Такіе подвиги человѣколюбія должно всегда сохранять въ памяти, какъ лучшія картины въ исторіи человѣчества.

Семейство Периклово имѣло равную участь съ другими: великій гражданинъ былъ свидѣтелемъ

смерти всѣхъ своихъ дѣтей, кромѣ одного. Не смотря на все свое мужество, онъ не могъ перенесть этой величайшей горести, какая только можетъ поразить отца, и самъ сдѣлался жертвою ужасной болѣзни (за 429 л. до Р. Х.).

Народъ оплакивалъ смерть Перикла и, въ благодарность за великія заслуги, приказалъ похоронить его въ Керамикѣ, хотя это мѣсто исключительно назначено было для погребенія гражданъ, положившихъ жизнь свою на полѣ битвы.

Достоинство и сила Аѳинъ какъ будто исчезли съ смертью Перикла; въ продолженіе многихъ лѣтъ почти никакое важное событіе не измѣняло однообразной войны и не рѣшало ея жребія: Пелопоннесцы вторгались въ Аттику, а флотъ аѳинскій въ то же время опустошалъ берега Пелопоннеса. Бѣдствія войны распространялись все далѣе и далѣе. Всѣ города сдѣлались позорищемъ самой жестокой, самой истощительной междоусобной войны, которая обезсилила всѣхъ и приготовила паденіе Греціи.

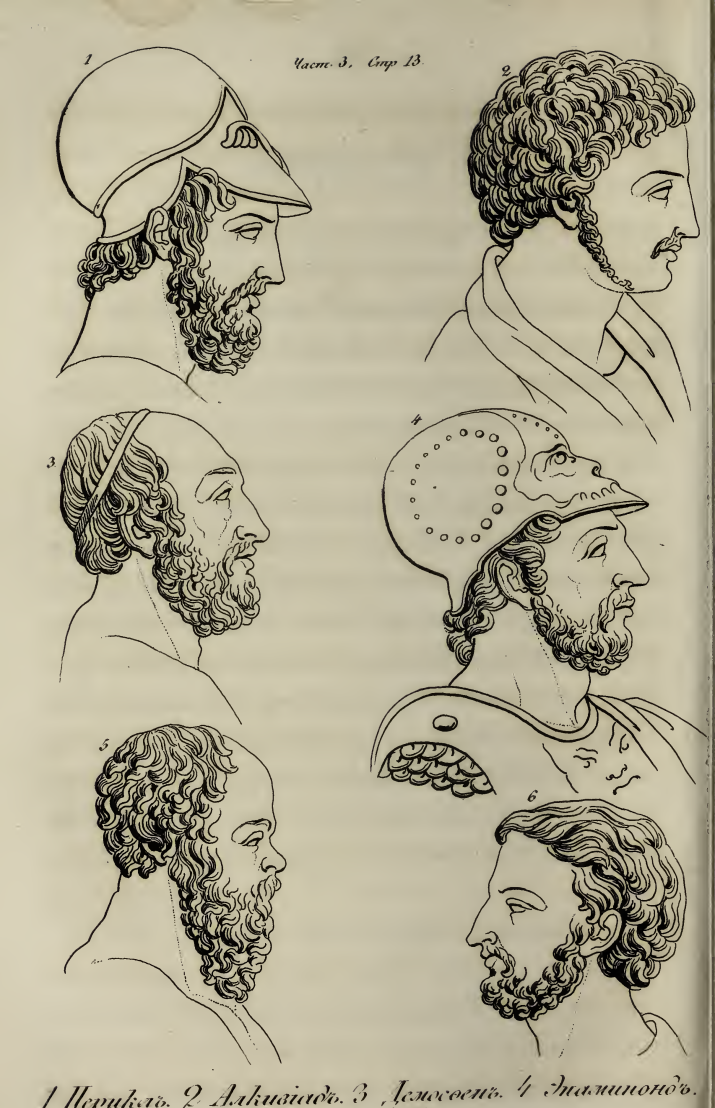
АЛКИВІАДЪ.

429 — 404 г. до Р. Х.

У Перикла былъ молодой родственникъ, Алкивіадъ. Отецъ Алкивіада, умирая, ввѣрилъ своего сына попеченіямъ Перикла, съ тѣмъ, чтобъ онъ далъ ему хорошее воспитаніе и обучилъ всему, что нужно было знать гражданину.

Алкивіадъ былъ такъ красивъ собою, что всѣ, встрѣчавшіеся съ нимъ на улицѣ, невольно на него засматривались; притомъ, онъ былъ такъ любезенъ и уменъ, что нехотя слушали его и исполняли все, чего онъ ни требовалъ. Но Алкивіадъ помрачалъ свои блестящія качества многими важными недостатками: онъ былъ чрезмѣрно гордъ, невоздерженъ, своенравенъ. Преданіе сохранило намъ одну черту изъ его дѣтства, по которой можно судить, до чего простиралось его упрямство.

Однажды игралъ онъ на улицѣ съ товарищами своего возраста. Въ это время въѣхала въ улицу колесница, запряженная парою горячихъ лошадей. Правившій ими, замѣтивъ мальчиковъ, кричалъ издали: посторонитесь! но шалуны не слушали



1 Перикль. 2 Алкиаидъ. 3 Демосѳенъ. 4 Эпаминондъ.
5 Сократъ. 6 Кимонъ.

его и продолжали свою игру. Тогда ѣхавшій погрозилъ раздавить ихъ, если не посторонятся; толпа мальчиковъ разбѣжалась, только Алкивіадъ, какъ самый упрямый изъ всѣхъ, разстянулся поперегъ дороги и кричалъ проѣзжему, чтобъ тотъ или раздавилъ его, или подождалъ окончанія игры. Такая смѣлость въ ребенкѣ изумила правившаго колесницей, и онъ согласился подождать нѣсколько минутъ.

Наставникомъ и другомъ Алкивіада былъ философъ Сократъ, одинъ изъ мудрѣйшихъ и ученѣйшихъ людей Греціи. Алкивіадъ во всю жизнь питалъ глубокое уваженіе и любовь къ наставнику; но не исправился въ своемъ поведеніи. Казалось даже, что съ возрастомъ въ немъ болѣе и болѣе развивались и хорошія и дурныя качества. Онъ сдѣлался еще любезнѣе, еще развязнѣе, нежели въ дѣтствѣ, потому-что развился вполнѣ и получилъ образованіе; но въ то же время сталъ тщеславнѣе, вспыльчивѣе, чѣмъ прежде. Дерзость была отличительною чертою его характера.

Алкивіадъ, по своему возрасту сдѣлавшись способнымъ носить оружіе, съ радостью отправился на войну и показалъ такую отважность, что обратилъ на себя вниманіе и похвалы всей

Греціи; впрочемъ, отважность едва и не погубила его: въ сраженіи онъ безразсудно бросился въ средину непріятелей и погибъ бы непремѣнно, если бъ Сократъ, сопровождавшій своего любимаго ученика въ битвѣ, не спасъ его.

Возвратившись въ Аѳины, Алкивіадъ предался всѣмъ удовольствіямъ. Хотя Сократъ часто упрекалъ его въ разсѣянности и легкомысліи, однако жъ это не мѣшало тщеславному юношѣ являться безпрестанно на праздникахъ и на народной площади. Алкивіадъ приходилъ туда всегда съ толпою слугъ, одѣтый, по образцу Азіятцовъ, въ длинный, великолѣпный плащъ, опрысканный самыми рѣдкими благовоніями.

Обладая большими богатствами, Алкивіадъ нѣсколько разъ посылалъ на олимпійскія игры колесницы, запряженныя отличными конями, для состязанія на ристалищѣ, и часто одерживалъ побѣду. Имя его сдѣлалось громкимъ во всей Греціи, особенно когда онъ былъ увѣнчанъ въ Олимпіи.

Алкивіадъ очень любилъ, чтобъ весь городъ говорилъ о немъ, и для того прибѣгалъ къ разнымъ дерзскимъ или страннымъ выходкамъ. Напримѣръ, у него была превосходная собака, которую онъ купилъ за огромную сумму денегъ

всѣ знали ее въ Аѳинахъ, и собака алкивіадова раздѣляла извѣстность своего господина. Чтобъ заставить болтать Аѳинянъ, онъ отрубилъ красивый хвостъ у бѣдной собаки, и точно всѣ заговорили о ней, всѣ осуждали ея хозяина. «Того-то мнѣ и хотѣлось», сказалъ Алкивіадъ одному изъ своихъ пріятелей; «пусть Аѳиняне толкуютъ о сабакѣ, а не говорятъ обо мнѣ чего нибудь похуже».

Пренебрегая часто порядкомъ и приличіемъ, Алкивіадъ былъ однако жъ со всѣми такъ привѣтливъ и вкрадчивъ въ обращеніи, что пріобрѣлъ въ своемъ отечествѣ большую власть и силу, какъ и Периклъ.

Честолюбивыя мечты не давали покоя Алкивіаду; странныя надежды возбуждали въ немъ желаніе распространить владѣнія Аѳинянъ въ самыхъ отдаленныхъ земляхъ. Первымъ, необходимымъ шагомъ къ тому онъ почиталъ покореніе Сициліи. Дѣйствительно, этотъ обширный и плодоносный островъ на Средиземномъ—морѣ, открывалъ Аѳинянамъ удобное сообщеніе, съ одной стороны съ берегами Италіи, украшенными многолюдными и цвѣтущими городами, съ другой — съ сѣверною Африкой, которую уже нѣсколько вѣковъ

обогащали торговлею колоніи греческія и карѳагенскія.

Алкивіадъ успѣлъ свои лестныя, необыкновенныя надежды передать Аѳинянамъ. Народъ дѣятельно принялся строить корабли, для перевоза войскъ въ Сицилію. Однако жъ Алкивіадъ не одинъ получилъ начальство надъ флотомъ; власть свою онъ долженъ былъ дѣлить съ двумя другими полководцами, Никіемъ и Ламахомъ, которые были извѣстны своею осмотрительностью и благоразуміемъ. Никій представлялъ Аѳинянамъ всѣ невыгоды предпринимаемаго похода; говорилъ, что они могутъ лишиться отборнѣйшихъ своихъ воиновъ и матросовъ; но народъ, ослѣпленный Алкивіадомъ, не слушалъ совѣтовъ Никія. Самъ мудрый Сократъ безъ успѣха охуждалъ походъ и предсказывалъ несчастныя его слѣдствія.

Въ назначенный день всѣ жители Аѳинъ, рано по утру, стеклись въ гавань Пирей и дивились флоту, потому-что подобнаго никогда еще не высылала ни одна греческая гавань. Сто кораблей были украшены великолѣпно; воины превосходили другъ друга богатствомъ одеждъ и блескомъ оружія; лица ихъ блистали радостью и надеждою; расточительная пышность во всѣхъ

частяхъ вооруженія походила болѣе на торжественное зрѣлище, нежели на суровыя и грозныя приготовленія къ войнѣ, хотя прочность и величіе флота показывали, что онъ назначался не для тщеславія, а для пользы. Вдругъ со ста кораблей раздались трубные звуки; начальники войска съ молитвою обратились къ богамъ, народъ присоединилъ свои обѣты и, при торжественномъ пѣніи, весь флотъ двинулся въ море.

Между прочимъ, одно происшествіе ночью, наканунѣ отплытія флота, какъ будто возвѣстило будущія несчастія. Въ эту ночь всѣ статуи бога Меркурія, стоявшія на аѳинскихъ улицахъ, у дверей храмовъ и передъ домами, какъ будто для показанія границъ каждаго, были опрокинуты и разбиты въ куски.

Не знали кому приписать это святотатство; но нѣкоторые увѣряли, будто при свѣтѣ луны видѣли на улицахъ Алкивіада и многихъ изъ его друзей, которые провели часть ночи въ пьянствѣ. Доносъ этотъ, вѣроятно, былъ чистою клеветою, потому-что луна въ эту ночь не показывалась, а въ темнотѣ нельзя было никого распознать. Но всегдашнее легкомысліе Алкивіада и его явное неуваженіе къ изображеніямъ боговъ придали вѣроятность лживому доносу.

Въ народѣ раздался крикъ—позвать Алкивіада на судъ въ ареопагъ и воспретить ему отъѣздъ. Тогда и враги алкивіадовы побоялись, чтобъ воины не вступились за своего полководца. Алкивіаду приказали выступить съ флотомъ и только обязали его обѣщаніемъ явиться на судъ по первому призыву.

Но едва аѳинское войско успѣло высадиться на берега Сициліи, какъ прибыла туда галера, посланная изъ Аѳинъ за Алкивіадомъ. Однако онъ, опасаясь злобы своихъ враговъ, вмѣсто того чтобъ возвратиться въ Аѳины, убѣжалъ въ Спарту. Тамъ приняли его съ радостью, потому-что война пелопоннесская еще продолжалась.

Спартанцы образовались въ школѣ Ликурга людьми трезвыми, привыкшими довольствоваться только самымъ необходимымъ; имъ вовсе была неизвѣстна роскошь, къ которой привыкли Аѳиняне. И такъ можно было подумать, что жизнь между воздержными Спартанцами будетъ для Алкивіада тягостнымъ испытаніемъ; но онъ представлялъ собою странное смѣшеніе самыхъ противоположныхъ качествъ; его вкусъ, казалось, измѣнился вмѣстѣ съ его судьбою: забывая изысканныя блюда аѳинскаго стола, онъ въ Спартѣ не ѣлъ ничего, кромѣ невкусной

черной похлебки; волоса приглаживалъ просто, безъ благовоній, и не носилъ другой одежды, кромѣ грубаго плаща, который Спартанцы носили и зимою и лѣтомъ.

Не смотря на перемѣну въ образѣ жизни, Алкивіадъ сохранилъ свою веселость и пріобрѣлъ въ Спартѣ такую же любовь, какъ и въ Аѳинахъ. Ему предложили даже главное начальство надъ войсками Лакедемонянъ и ихъ союзниковъ, которыя угрожали Аѳинянамъ нападеніемъ со всѣхъ сторонъ. Раздраженный противъ своихъ соотечественниковъ Алкивіадъ согласился на это предложеніе; но потомъ любовь къ отечеству превозмогла въ немъ преступное желаніе мести, и онъ поспѣшилъ на помощь Аѳинянамъ, чтобъ избавить ихъ отъ погибели, которая близка была послѣ пораженія ихъ войскъ на сушѣ и на морѣ. Но усиліе алкивіадово было уже запоздалое.

Аѳинское войско, которымъ командовалъ Никій въ Сициліи, дѣйствовало медленно и наконецъ совершенно разбито Сиракузянами. Самъ Никій съ остатками войска попалъ въ плѣнъ, и казненъ; около шести тысячь Аѳинянъ проданы въ рабство или заключены въ сиракузскихъ каменоломняхъ(*).

(*) Въ Сиракузахъ было много подземелій, которыя произошли отъ выламыванія камней для постройки до-

Такъ бѣдственно кончилось предпріятіе Аѳинянъ, начатое съ великимъ блескомъ и съ гордыми надеждами.

Страхъ и отчаяніе распространились въ Аѳинахъ, когда тамъ узнали, что прекрасный флотъ, лучшіе моряки и самое опытное войско безвозвратно потеряны. Дѣйствительно, Спартанцы взяли рѣшительный перевѣсъ, и даже на морѣ поразили аѳинскій флотъ въ Геллеспонтѣ, при устьѣ рѣчки Эгос-Потамоса. Лакедемоняне, по своей ненависти къ Аѳинянамъ, не удовольствовались этимъ: они взяли Аѳины и разрушили ихъ стѣны, при звукахъ музыки, какъ будто эта побѣда была торжествомъ для всей Греціи.

Такъ кончилась пелопоннесская война, начатая за 27 лѣтъ Перикломъ, который никакъ не предполагалъ такой пагубной развязки для своего отечества.

По взятіи Аѳинъ Спартанцами, Алкивіадъ искалъ отъ мщенія ихъ убѣжища въ Азіи. Персскій царь Артаксерксъ принялъ его весьма охотно; но сатрапъ Фарнабазъ, котораго попеченіямъ царь поручилъ знаменитаго Аѳинянина, вскорѣ

момъ. Эти каменоломни служили темницами для преступниковъ.

вступилъ въ соглашеніе съ Лакедемонянами на его погибель. Только бѣгство могло спасти Алкивіада, но его предупредили: воины сатрапа окружили домъ, занятый изгнанникомъ, и зажгли его. Выскочивъ изъ пламени, неустрашимый Алкивіадъ бросился съ мечемъ на Персовъ, желая лучше пасть подъ ихъ стрѣлами, чѣмъ достаться живымъ въ ихъ руки. Такъ погибъ Алкивіадъ.

ЛИСАНДРЪ И ѲРАСИВУЛЪ.

404 — 399 до Р. Х.

Спартанскій полководецъ, овладѣвшій Аѳинами, былъ тотъ самый Лисандръ, который посѣщалъ Кира-Младшаго. Этотъ нечувствительный и жестокій человѣкъ старался всячески угнетать Аѳинянъ: онъ приказалъ умертвить многихъ лучшихъ гражданъ, другихъ принудилъ бѣжать изъ отечества, и на мѣсто древняго ареопага ввѣрилъ верховную власть 30-ти тиранамъ, которые докончили порабощеніе и униженіе своего отечества.

Впрочемъ, изгнанники аѳинскіе находили хорошій пріемъ почти во всѣхъ греческихъ городахъ, и особенно въ Ѳивахъ, не смотря на

повелѣніе Лисандра, данное всѣмъ Грекамъ, не принимать къ себѣ аѳинскихъ бѣглецовъ. Гордое и жестокое обращеніе Спартанцовъ возбуждало противъ нихъ общее негодованіе и склоняло всѣхъ въ пользу Аѳинянъ.

Въ числѣ тѣхъ, которые, спасаясь отъ тридцати тирановъ, бѣжали изъ Аѳинъ, находился Ѳрасивулъ, гражданинъ честный и храбрый. Онъ не отчаявался еще въ спасеніи отечества, собралъ изъ изгнанниковъ небольшую дружину и, воспользовавшись отсутствіемъ Лисандра изъ Аѳинъ, вошелъ съ товарищами въ городъ, когда Спартанцы вовсе того не ожидали. Ѳрасивулъ изгналъ ихъ изъ Аѳинъ, возстановилъ законы и учрежденія солоновы и объявилъ всѣмъ прощеніе за прежнія преступленія, кромѣ тридцати тирановъ, которые изъ угожденія Спартанцамъ терзали свое отечество.

Стѣны аѳинскія были также возобновлены, и признательные Аѳиняне долго помнили, что мужеству Ѳрасивула они были обязаны своимъ избавленіемъ. Въ честь его они воздвигли статую на городской площади, и чтобъ имя его сохранилось въ памяти народной, сочиненъ былъ гимнъ, пѣтый въ панаѳинейскій праздникъ, вмѣстѣ съ пѣснью Гармодію и Аристогитону.

Лисандръ, послѣ своей побѣды надъ Аѳинянами, приказалъ перенесть въ Спарту все золото и серебро, награбленное въ Аѳинахъ. Спартанцы, до того времени неимѣвшіе другой монеты, кромѣ желѣзной ликурговой, изумились такому множеству богатствъ; но эти богатства не сдѣлали ихъ ни лучше, ни счастливѣе, потому-что Спартанцы оставили простые и воздержные обычаи своихъ предковъ, и начали даже стыдиться скромныхъ добродѣтелей, которыми славились въ своей бѣдности. Впрочемъ, Лисандръ изъ всѣхъ сокровищъ, привезенныхъ въ отечество, не взялъ ничего для себя, и когда умеръ въ глубокой старости, то не оставилъ даже приданаго своей дочери: такъ онъ былъ безкорыстенъ и честенъ.

Хотя Ѳрасивулъ возвратилъ Аѳинамъ независимость и законы солоновы были возстановлены, но не возвратился уже прежній благородный духъ, которымъ нѣкогда отличались Аѳиняне. Въ доказательство этого я разскажу вамъ осужденіе на смерть мудраго Сократа.

СМЕРТЬ СОКРАТА.

469 — 399 г. до Р. Х.

Сократъ былъ сынъ аѳинскаго ваятеля Софрониска, и самъ занимался ваяніемъ; онъ всю юность провелъ въ этомъ занятіи, которое пользовалось въ Аѳинахъ уваженіемъ, потому-что ваятель изображалъ въ прелестныхъ формахъ боговъ, также гражданъ, оказавшихъ услуги отечеству. Однако, пришедши въ зрѣлый возрастъ, сынъ Софрониска оставилъ рѣзецъ ваятеля и, подобно Анаксагору, посвятилъ себя изученію Философіи, т. е. изслѣдованію истины. Онъ жилъ въ бѣдности и величайшей воздержности, вопреки тогдашнимъ аѳинскимъ обычаямъ, и служилъ для другихъ образцомъ честной, трудолюбивой жизни.

Къ нему начали сбираться аѳинскіе юноши, чтобъ слушать его разсужденія и получать отъ него мудрые совѣты. Сократъ былъ ласковъ и снисходителенъ ко всѣмъ, склонялъ своихъ учениковъ, т. е. тѣхъ, которые слушали его наставленія, исправляться отъ недостатковъ, предпочитать доброе пріятному, въ точности

исполнять обязанности и всегда быть честными и добродѣтельными. Онъ говорилъ съ учениками кротко, дружески и совѣтовалъ соблюдать въ точности законы, какъ и должны поступать всегда добрые граждане.

Слава о добродѣтели и мудрости философа распространилась въ Греціи, и даже дельфійскій оракулъ на вопросъ: кто изъ людей мудрѣе всѣхъ? прямо указалъ на Сократа. Въ числѣ сократовыхъ учениковъ были самые отличные люди того времени, и между прочими Алкивіадъ, о которомъ мы уже говорили, и храбрый Ксенофонтъ.

Но нашлись также люди, которые завидовали славѣ Сократа; они стали распускать слухи будто онъ своими уроками внушаетъ молодымъ людямъ презрѣніе къ богамъ, за что пострадалъ уже Анаксагоръ.

Въ это время жилъ въ Аѳинахъ поэтъ Аристофанъ, который въ комедіяхъ остроумно смѣялся надъ пороками своихъ соотечественниковъ. Но остроумные люди нерѣдко бываютъ не справедливыми; страсть къ насмѣшкѣ завлекаетъ ихъ слишкомъ далеко, и они дерзко осмѣиваютъ такія вещи и такіе предметы, передъ которыми люди должны благоговѣть. Тогда

остроуміе, этотъ пріятный въ обществѣ талантъ, становится вреднымъ, даже преступнымъ. Аристофанъ, побуждаемый врагами Сократа, сочинилъ для театра комедію, въ которой, со всею несправедливостью клеветы, выставилъ Сократа съ такой смѣшной стороны, что народъ чрезвычайно забавлялся на счетъ философа. Къ удивленію всѣхъ и самъ Сократъ находился въ числѣ зрителей, и когда одинъ чужестранецъ спросилъ его: надъ кѣмъ такъ издѣваются? онъ назвалъ себя, не запинаясь, безъ замѣшательства, и прибавилъ шутливо: «Я пришелъ сюда узнать, нѣтъ ли между недостатками, въ которыхъ меня упрекаютъ, такихъ, которые могу еще исправить». Терпѣніе и скромность мудреца обезоружили на нѣсколько времени злобу враговъ его, и при несчастной пелопоннесской войнѣ, казалось, о Сократѣ совсѣмъ забыли, хотя онъ и не переставалъ развивать въ ученикахъ своихъ любовь къ просвѣщенію и добродѣтели. Но, по взятіи Аѳинъ Лисандромъ, опять начались преслѣдованія Сократа. Критій, ученикъ его, принадлежалъ къ числу тридцати тирановъ, поставленныхъ Спартанцами въ Аѳинахъ, и очень жестоко обходился съ согражданами; когда же Ѳрасивулъ освободилъ отечество отъ притѣснителей,

враги сократовы начали выставлять его передъ народомъ, какъ главнаго виновника всѣхъ бѣдствій, указывая на то, что Алкивіадъ и Критій вышли изъ его школы. До этого времени никто еще не смѣлъ обвинять Сократа передъ судомъ; но тутъ презрѣнный Мелитъ возобновилъ прежнее обвиненіе, будто Сократъ не почитаетъ боговъ и развращаетъ юношество. Мелиту помогалъ богачъ Анитъ, ненавидѣвшій Сократа за то, что мудрецъ ни-во-что ставилъ богатства, которыми онъ тщеславился. Обвинитель требовалъ, чтобы Сократа осудили на смерть. Философъ безъ робости услышалъ объ угрожавшей ему опасности; но друзья его ужаснулись, и просили чтобъ онъ подумалъ о своей защитѣ. Онъ отвѣчалъ: «Чѣмъ же лучше защищусь противъ клеветы, если не своею жизнью?» Дѣйствительно, Сократъ такъ честно и безпорочно провелъ всю жизнь, что кромѣ похвалы и уваженія ничего не заслуживалъ.

Слухъ объ обвиненіи Сократа распространился по всему городу; соучастники Мелита заставили архонтовъ собрать геліастовъ (судъ изъ пяти сотъ членовъ, выбранныхъ изъ простаго народа), чтобъ разсмотрѣть виновенъ ли Сократъ и, если виновенъ, опредѣлить ему мѣру казни.

Семидесятилѣтній Сократъ явился передъ судилищемъ геліастовъ, съ увѣренностью, всегда подкрѣпляющею невиннаго, и сказалъ: «Аѳиняне, грозныя ваши приготовленія не заставятъ меня говорить противъ совѣсти; я не страшусь смерти: я презиралъ ее не одинъ разъ, сражаясь за Аѳины, однако жъ мнѣ прискорбно, что столько добрыхъ гражданъ повѣрили клеветѣ, обвиняющей меня въ томъ, чего никогда и въ мысль мнѣ не приходило; прощаю обвинителей и безъ страха предаюсь вашему и божескому правосудію».

Почтенный видъ и простая рѣчь старца произвели на собраніе глубокое впечатлѣніе. Геліасты не смѣли произнесть смертнаго приговора; но, въ удовлетвореніе партіи Анита, объявили Сократа виновнымъ и позволили ему выбрать одно изъ трехъ наказаній: или денежную пеню, или ссылку, или вѣчное заточеніе.

«Нѣтъ», сказалъ Сократъ, «я не прійму этого предложенія: согласиться на такое рѣшеніе все равно, что признать себя виновнымъ; а я, служивъ вѣрно своему отечеству, надѣялся провести остатокъ жизни въ Пританеѣ».

Пританеемъ называлось въ Аѳинахъ великолѣпное зданіе, въ которое помѣщались пре-

старѣлые граждане за важныя заслуги и содержались на общественномъ иждивеніи.

Услышавъ такой отвѣтъ, Анитъ и Мелитъ представили невѣжественнымъ судьямъ, что Сократъ оскорбляетъ ихъ такими словами, и большая часть неразумныхъ судей пристала къ его врагамъ. Они осудили его выпить цикуту, ядъ, приготовляемый изъ растенія.

Философъ выслушалъ безъ смущенія смертный приговоръ и утѣшалъ тѣхъ изъ судей, которые старались спасти его. На пути въ темницу, онъ спокойно говорилъ ученикамъ, горько плакавшимъ: «О чемъ вы сегодня плачете? развѣ вы не знали, что человѣкъ, при самомъ рожденіи, осуждается на смерть?»

Юноша, по имени Аполлодоръ, сквозь слезы сказалъ: «За чѣмъ же тебя осудили на смерть, когда ты невиненъ!» — Мудрецъ возразилъ: «Развѣ тебѣ, другъ мой, хотѣлось, чтобъ я умеръ виновнымъ?» Въ сопровожденіи друзей, погруженныхъ въ глубокую печаль, добродѣтельный старецъ введенъ былъ въ темницу, гдѣ содержались обыкновенно воры и убійцы.

Въ это самое время должна была отправиться изъ Аѳинъ галера, съ жертвенными приношеніями, въ славный храмъ Аполлона, находившійся

на острову Делосѣ, что совершалось ежегодно въ опредѣленный срокъ. До возвращенія этой галеры, солоновымъ закономъ запрещалось въ Аѳинахъ исполнять смертные приговоры. На другой день, послѣ приговора надъ Сократомъ, священная галера, украшенная вѣнками и разноцвѣтными флагами, отплыла изъ гавани; ученики сократовы рады были этому случаю, отдалявшему исполненіе приговора, и стали думать, нѣтъ ли способа спасти учителя?

Между тѣмъ Сократъ и въ темницѣ, какъ будто на свободѣ, продолжалъ рѣчами и примѣромъ поучать своихъ учениковъ, которые, при мысли о разлукѣ съ нимъ, часто прерывали бесѣду слезами. Нѣкоторые изъ нихъ вызывались доставить ему средства бѣжать изъ темницы въ Ѳессалію, гдѣ, посреди друзей, ожидала его жизнь, исполненная почестей; старались доказать ему, что для себя, для дѣтей и друзей своихъ, онъ обязанъ уклониться отъ приговора несправедливаго. Но Сократъ рѣшительно отвергъ это предложеніе и доказалъ, что никакая несправедливость не должна побуждать насъ къ неисполненію законовъ отечества.

Уже тридцать дней добродѣтельный старецъ томился въ оковахъ, но не терялъ бодрости ни

на одну минуту. Однажды утромъ, при пробужденіи, онъ увидѣлъ подлѣ своей постели любимаго ученика Критона, который обливался слезами. «Что новаго, Критонъ?» спросилъ философъ. «Галера возвратилась», едва проговорилъ Критонъ, рыдая. Сократъ принялъ это печальное извѣстіе, съ совершеннымъ спокойствіемъ, хотя оно и значило, что наступавшій день будетъ для него послѣднимъ въ жизни.

Въ Аѳинахъ исполненіе смертныхъ приговоровъ было возложено на одиннадцать гражданъ. Какъ ни огрубѣло у этихъ людей сердце въ суровой обязанности, но и они не могли безъ смущенія вступить въ темницу Сократа; говорятъ даже, что одинъ изъ нихъ, снимая оковы со старца и объявляя ему близкую смерть, бросился передъ нимъ на колѣни и просилъ прощенія. Ксантиппа, жена философа, услышавъ ужасный приговоръ, зарыдала, и Сократъ, опасаясь, чтобъ ея отчаянная скорбь не поколебала его бодрости, просилъ Критона отвести ее домой.

Съ этой минуты, мудрецъ, примѣръ терпѣнія и твердости, одинъ между всѣми присутствовавшими казался спокойнымъ и не переставалъ утѣшать учениковъ, представляя имъ, что умираетъ только тѣло, а душа безсмертна и долж-

на быть награждена за добро, или наказана за зло, сдѣланное въ жизни. Такая надежда внушала ему совершенную преданность Провидѣнію, и друзья, слушая его, чувствовали, что печаль ихъ утихала.

Такъ надежда на лучшую жизнь и награду за добродѣтель помогаетъ благочестивымъ людямъ терпѣливо сносить на землѣ бѣдствія, которыми Провидѣнію угодно испытывать ихъ. Сократъ, хотя и не былъ христіаниномъ, зналъ эту утѣшительную истину.

Между тѣмъ роковой день, показавшійся слишкомъ короткимъ для друзей сократовыхъ, приближался къ вечеру; Критонъ спросилъ тогда у своего учителя, не прикажетъ ли онъ ему чего нибудь?—«Мнѣ нечего вамъ приказывать», отвѣчалъ старецъ, «кромѣ того, чтобъ вы успѣвали болѣе и болѣе въ добродѣтели: она выше всѣхъ благъ на свѣтѣ».

Спустя нѣсколько минутъ, онъ нѣжно простился съ тремя своими малолѣтными дѣтьми, которыхъ привели къ нему повидаться въ послѣдній разъ; тутъ вошелъ тюремщикъ и со слезами подалъ ему чашу съ ядомъ. Сократъ принялъ ее съ твердостью, и видя, что сторожъ отошелъ скрыть невольныя слезы, сказалъ друзь-

ямъ своимъ: «у этаго человѣка доброе сердце; онъ часто приходилъ сюда утѣшать меня; посмотрите, онъ и теперь плачетъ.»

Цикуту обыкновенно заставляли пить при захожденіи солнца; но Сократъ, не дожидая солнечнаго заката, взялъ чашу и выпилъ ядъ.

Всѣ, окружавшіе почтеннаго старца, въ эту ужасную минуту огласили своды темницы плачемъ и рыданіями; юный Аполлодоръ выражалъ скорбь свою жалобными криками, прочіе ученики закрыли лица плащами, чтобъ скрыть свое отчаяніе; но Сократъ и при этомъ поразительномъ зрѣлищѣ остался непоколебимымъ, какъ будто дѣло до него не касалось.

«Друзья мои», сказалъ онъ имъ, «я удалилъ женщинъ и дѣтей, чтобъ не видать ихъ горести, а вы сами не можете владѣть собою и умѣрить печаль свою».

Между тѣмъ, какъ онъ утѣшалъ ихъ такими словами, ядъ началъ дѣйствовать: вмѣсто жизненной теплоты разлился по всему составу ледяной холодъ, члены начали цѣпенѣть и ноги отказывались поддерживать тѣло; тогда Сократъ, завернувшись въ плащъ, бросился на постель; глаза его невольно сомкнулись; друзья стѣснились вокругъ него и, подавляя рыданія, прислу-

шивались внимательно къ его дыханію, постепенно слабѣвшему; они уже думали, что учитель скончался, какъ вдругъ онъ открылъ глаза, и взглянувъ на Критона, который стоялъ къ нему ближе другихъ, сказалъ ему: «Выздоравливающіе приносятъ въ жертву пѣтуха Эскулапу; Критонъ! принеси за меня эту жертву».

Это были послѣднія слова добродѣтельнаго человѣка, видѣвшаго въ смерти переходъ въ лучшій міръ, къ жизни безсмертной, безболѣзненной.

Смерть Сократа и ожесточеніе его непріятелей не погасили того ученія, которое преподавалъ этотъ философъ: спустя нѣсколько времени оно было возобновлено Платономъ, однимъ изъ славнѣйшихъ учениковъ его, передавшимъ намъ извѣстіе о послѣднихъ минутахъ жизни своего великаго наставника. Слушатели платоновы собирались въ загородномъ саду гражданина Академа, и потому называвшемся «Академіею». Тамъ юноши аѳинскіе обыкновенно занимались гимнастическими упражненіями. Въ этомъ саду Платонъ наставлялъ своихъ слушателей, прохаживаясь; оттого ученики его и получили названіе перипатетиковъ, что на греческомъ языкѣ означало «прогуливающихся». Много знаменитыхъ

мужей вышло въ послѣдствіи изъ школы Платона.

АНТАЛКИДОВЪ МИРЪ.

399 — 387 до Р. Х.

Спартанцы, разбогатѣвшіе въ концѣ пелопоннесской войны, очень усилились, съ тѣмъ вмѣстѣ возрасли въ нихъ гордость и честолюбіе. Недовольствуясь низложеніемъ Аѳинъ, они старались утвердить свое господство и надъ другими народами Греціи, и употребляли всѣ средства, даже несправедливыя, чтобъ только держать всю Грецію въ подчиненности.

Въ концѣ пелопоннесской войны происходила также борьба между Младшимъ-Киромъ и Артаксерксомъ, въ которой участвовали Греки, совершившіе потомъ, въ числѣ *десяти тысячь*, знаменитое отступленіе, подъ предводительствомъ Ксенофонта. Объ этомъ подвигѣ мы уже говорили въ исторіи Персовъ.

Въ то время въ Спартѣ былъ царемъ Агезилай, одинъ изъ потомковъ Геркулеса. Воспитанный въ школѣ Ликурга, онъ отличался мужествомъ, умѣренностью, кротостью и сострада-

ніемъ къ бѣднымъ. Эта добродѣтель была тѣмъ похвальнѣе, что древніе не знали христіанской обязанности любить ближняго, какъ самаго себя, любить даже враговъ своихъ. Проницательный Лисандръ, родственникъ Агезилая, видя въ немъ эти дарованія и достоинства, употребилъ всѣ усилія, чтобъ возвести его на престолъ, на который слѣдовало вступить сыну прежняго царя Агиса, Леотихиду.

Сдѣлавшись царемъ, Агезилай тотчасъ воспользовался первенствомъ Лакедемонянъ въ Греціи и возобновилъ войну съ Персами. Царь Артаксерксъ-Памятливый въ это время воевалъ греческіе города въ Малой-Азіи, за то, что они участвовали въ возмущеніи Младшаго-Кира. Агезилай рѣшился подать іонійскимъ городамъ помощь. Переправившись въ Азію, онъ принялъ предводительство надъ ихъ войскомъ и одержалъ надъ Персами нѣсколько блистательныхъ побѣдъ.

Но въ то самое время, когда Агезилай поражалъ въ Азіи артаксерксово войско, получилъ онъ повелѣніе эфоровъ возвратиться какъ можно скорѣе въ Грецію, потому-что Аѳины, возникшіе изъ развалинъ, Ѳивы, Коринѳъ и Аргосъ

не хотѣли сносить господства Спартанцовъ, составили союзное войско и угрожали Лаконіи. Агезилай съ сожалѣніемъ долженъ былъ исполнить повелѣніе эфоровъ, которымъ слѣпо повиновались и самые спартанскіе цари. Возвращеніе свое въ Грецію онъ ознаменовалъ важною побѣдою надъ союзниками, въ Віотіи, при городѣ Коронеѣ.

Но у храбраго Агезилая, какъ и у всякаго человѣка, возвышающагося надъ другими, были тайные и опасные враги въ отечествѣ; они завистливо и боязливо смотрѣли на его успѣхи, и рѣшились, во-чтобы ни-стало, заключить съ царемъ персскимъ миръ и отнять у Агезилая случай пріобрѣсть новую славу.

Эфоръ Анталкидъ, одинъ изъ главныхъ противниковъ царя, неуступавшій Лисандру ни въ хитрости, ни въ коварствѣ, отправился въ Персію, съ предложеніемъ мира. Онъ соглашался, чтобъ всѣ іонійскіе Греки остались подъ властью Персовъ, и требовалъ только независимости европейскихъ Грековъ. Артаксеркесъ съ радостью согласился на такое предложеніе и, какъ будто побѣдитель, обнародовалъ мирный договоръ, унизительный для Грековъ; но Анталкидъ не постыдился назвать его своимъ име-

немъ. Персскій царь, въ знакъ своего удовольствія, прислалъ недостойному Спартанцу великолѣпный вѣнокъ изъ благоуханныхъ цвѣтовъ.

Въ договорѣ было сказано: «Царь Артаксерксъ признаетъ справедливымъ, чтобъ греческіе города въ Азіи и острова Клазомены и Кипръ остались у него въ подданствѣ, а прочіе греческіе города, малые и большіе, были бъ независимыми другъ отъ друга. Царь Артаксерксъ, вмѣстѣ съ тѣми Греками, которые примутъ этотъ договоръ, будетъ сражаться на сушѣ и на морѣ противъ тѣхъ, которые на условія его не согласятся».

Главные города греческіе съ большимъ неудовольствіемъ должны были приступить къ миру и возвратить свободу городамъ, отъ нихъ зависѣвшимъ. Спартанцы, унижая Грецію передъ варварами, думали только о собственныхъ своихъ выгодахъ, и чтобъ ослабить прочіе греческіе города не постыдились принять отъ персскаго царя полномочіе быть исполнителями условій анталкидова мира и рѣшать споры во всей Греціи.

ИЗГНАННИКИ ѲИВСКІЕ.

387 — 369 до Р. Х.

Лакедемоняне становились часъ-отъ-часу ненасытнѣе и насильственнѣе: города, дерзнувшіе непринять условій анталкидова мира, были разрушены; крѣпости, упорно защищавшіяся, срыты, и жители многихъ областей отведены въ рабство. Ѳивами овладѣли Спартанцы нечаянно, безъ всякаго объявленія войны.

Во время праздника, Ѳиваяне вдругъ увидѣли передъ своими стѣнами лакедемонское войско, и не успѣли взяться за оружіе, какъ Спартанцы уже захватили городъ. Они начали господствовать въ Ѳивахъ съ крайнею жестокостью. Ѳиваяне принуждены были укрываться въ домахъ своихъ безвыходно; имущество ихъ грабили побѣдители. Въ это бѣдственное время нѣкоторые граждане предпочли лучше бѣжать изъ отечества, нежели видѣть его униженіе. Большая часть сосѣдственныхъ народовъ, негодуя на вѣроломство Спартанцовъ, радушно давали убѣжище этимъ изгнанникамъ. Такъ прошло пять лѣтъ.

Между изгнанниками ѳивскими, находился Пелопидъ, молодой человѣкъ, принадлежавшій къ одной изъ богатѣйшихъ фамилій этого города.

Въ надеждѣ, что настанетъ день освобожденія отечества, онъ съ друзьями своими жилъ въ Аѳинахъ, гдѣ приняли ихъ съ честью, въ вознагражденіе за гостепріимство, нѣкогда оказанное въ Ѳивахъ Ѳрасивулу съ товарищами. Пелопидъ былъ человѣкъ рѣшительный, великодушный, всегда готовый помогать бѣднымъ, и потому пользовался любовью народа.

У него былъ другъ, по имени Эпаминондъ, небогатый деньгами, но богатый добродѣтелями и заслугами отечеству. Достоинства свои Эпаминондъ возвышалъ скромностью: онъ жилъ очень просто и воздержно, въ небольшомъ домикѣ, въ Ѳивахъ. Въ уединеніи спокойствіе его возмущалось только скорбью о бѣдствіяхъ отечества.

Между тѣмъ Пелопидъ, вмѣстѣ съ товарищами своего изгнанія, изыскивалъ средства возвратить Ѳивамъ независимость. Однажды, когда изгнанники, по обыкновенію, разговаривали о своихъ бѣдствіяхъ и надеждахъ, отважный Пелопидъ вдругъ предложилъ имъ возвратиться вмѣстѣ въ отечество и выгнать Лакедемонянъ. Такое пред-

пріятіе, конечно, было весьма опасно и требовало великаго мужества и осторожности въ исполненіи, потому-что Ѳивы заняты были тогда тремя тысячами Спартанцовъ, а съ Пелопидомъ въ совѣщаніи было только двѣнадцать человѣкъ. Но они, обдумавъ хорошенько свое предпріятіе, приступили къ дѣлу.

Взявъ сѣти, дротики и другія охотничьи принадлежности, съ стаей собакъ, они безпрепятственно прошли Аттику и Віотію, какъ будто для охоты на звѣрей, и вечеромъ пробрались въ Ѳивы, гдѣ одинъ изъ соумышленниковъ принялъ ихъ въ домъ и скрывалъ до тѣхъ поръ, пока наступила удобная минута дѣйствовать.

Дѣло происходило зимою, и въ тотъ день выпало очень много снѣгу; но, ни холодъ, ни утомленіе, не могли ослабить духа изгнанниковъ.

Въ этотъ вечеръ всѣ лакедемонскіе начальники приглашены были на ужинъ къ Ѳивянину Филлиду, котораго они почитали своимъ другомъ, между тѣмъ какъ онъ былъ на сторонѣ Пелопида и зналъ о его прибытіи въ Ѳивы.

Когда Спартанцы сѣли за столъ и усердно принялись за ужинъ, Филлидъ тайно увѣдомилъ Пелопида, что рѣшительный часъ насталъ. Немедленно изгнанники одѣлись въ женское платье

и спрятали подъ нимъ оружіе, а лица прикрыли вѣнками изъ древесныхъ вѣтвей; такъ подошли они къ дому Филлида, не возбудивъ ни въ комъ подозрѣнія, и приказали невольникамъ доложить господину, что чужестранки–танцовщицы просятъ позволенія войти въ залу и повеселить гостей. Почти въ тоже самое мгновеніе прибылъ изъ Аѳинъ къ спартанскому начальнику гонецъ съ письмомъ, въ которомъ заключалось увѣдомленіе о ѳивскомъ заговорѣ. Гонецъ говорилъ, что письмо чрезвычайно важно и просилъ тотчасъ прочитать его; но пьяный Спартанецъ прежде всего хотѣлъ видѣть танцы иностранокъ. «Важныя дѣла до-завтра», сказалъ онъ, и беззаботно отложилъ письмо въ сторону, не развернувъ его. Такое нерадѣніе о своихъ обязанностяхъ было тотчасъ наказано. Пелопидъ и его товарищи, сбросивъ женскія покрывала, обнажили мечи. Они не пощадили ни одного Спартанца и, пользуясь смятеніемъ, происшедшимъ отъ нечаянности нападенія, разбѣжались по городу съ зажженными факелами, призывая Ѳивянъ къ оружію для возвращенія свободы. Эпаминондъ, съ нѣкоторымъ числомъ гражданъ, тотчасъ присоединился къ другу своему Пелопиду, и Лакедемоняне, потерявшіе уже начальниковъ, скоро обращены въ

бѣгство. Они заперлись-было въ ѳивской крѣпости, но черезъ нѣсколько мѣсяцовъ изгнаны и оттуда, при содѣйствіи Аѳинянъ, которые прислали Ѳивянамъ вспомогательное войско.

Легко понять какое негодованіе произвело въ Спартѣ извѣстіе, что Ѳивы отняты горстью людей. Спартанцы осудили на смерть двухъ полководцовъ своихъ, которые избѣгли меча ѳивскихъ изгнанниковъ, и рѣшились отправить войско противъ Пелопида и Эпаминонда, соединившихся для защиты отечества. Эти храбрые воины, въ вознагражденіе за свои заслуги, получили титло віотарховъ т. е. «начальниковъ віотійскихъ».

По опредѣленію эфоровъ, одинъ изъ двухъ спартанскихъ царей, Клеомбротъ, быстро двинулся къ Ѳивамъ, съ значительными силами, надѣясь устрашить защитниковъ города многочисленностью своего войска; Ѳивяне же составили «священный отрядъ» изъ отборныхъ воиновъ, въ которомъ находилось триста храбрѣйшихъ молодыхъ людей. Всѣ они были соединены нѣжною дружбою и торжественно поклялись не отступать передъ непріятелемъ и защищать другъ друга до послѣдняго издыханія. Пелопидъ избранъ въ начальники священнаго отряда, а

другъ его, Эпаминондъ, предводительствовалъ всѣмъ войскомъ, которое Ѳивяне выслали противъ Клеомброта.

Наконецъ насталъ день битвы. Тогда не было еще ни пушекъ, ни ружей; воины вступали въ рукопашный бой и бились копьями и мечами, а потому рѣшеніе битвы зависѣло очень много отъ личной храбрости воиновъ. Въ сраженіи Ѳивянъ съ Спартанцами обѣ стороны показали одинаковое мужество, и побѣда долго колебалась, пока склонилась на сторону Ѳивянъ. Спартанцы, послѣ тщетныхъ усилій, уступили мѣсто сраженія; храбрѣйшіе ихъ воины и самъ царь Клеомбротъ, сражавшійся въ первыхъ рядахъ, пали на кровавомъ полѣ. Священный отрядъ Пелопида необыкновеннымъ мужествомъ много содѣйствовалъ къ одержанію побѣды. Эпаминондъ далеко преслѣдовалъ остатки непріятельскаго войска (за 371 г. до Р. Х.).

Побѣдители составили изъ спартанскаго оружія трофей на равнинѣ, при віотійскомъ городѣ Левктрахъ, гдѣ происходила эта достопамятная битва. Вѣсть о пораженіи при Левктрахъ пришла въ Спарту въ то самое время, когда весь народъ находился на играхъ; всѣ поражены были ужасомъ; но какъ ликурговъ законъ запрещалъ

оплакивать воиновъ, падшихъ на брани за отечество, то каждый силился утаить скорбь свою, чтобъ не ослаблять мужества прочихъ гражданъ, которые должны были мстить за нихъ. Если любящее сердце матери или нѣжная привязанность сестры исторгали невольныя слезы о погибшихъ сыновьяхъ и братьяхъ, то эта дань любви была пролита въ уединеніи, невидимо для людскихъ взоровъ. Спартанцы гордо хранили свое достоинство; даже празднества не были прерваны. Только одно обстоятельство приводило ихъ въ неудоумѣніе: какъ поступить съ воинами, потерявшими сраженіе?

У всѣхъ народовъ люди малодушные подвергаются презрѣнію, и это справедливо; но въ Спартѣ почитали робкимъ и подвергали жестокому осужденію всякаго, кто только оставилъ поле потерянной битвы. По законамъ ликурговымъ, когда отступившій воинъ возвращался домой, на него надѣвали грязное, оборваное платье, съ разноцвѣтными заплатами и обривали ему половину бороды, въ посмѣшищѣ. Каждый могъ оскорблять и поносить его.

Поступить такимъ образомъ со всѣми, ушедшими съ поля сраженія при Левктрахъ, значило лишиться воиновъ, а они нужны были, чтобъ

отразить ѳивское войско, которое, не смотря на жестокую зимнюю стужу, шло въ Лаконію. Царь Агезилай сказалъ въ этой крайности: «Вообразимъ, что священные законы ликурговы спали въ этотъ несчастный день». Такимъ образомъ онъ спасъ значительное число воиновъ и поспѣшилъ составить новую армію; но и она не могла удержать Ѳивянъ: войско ихъ проникло во внутренность страны и расположилось въ виду Спарты, на берегу Еврота; тогда-то женщины спартанскія увидѣли въ первый разъ дымъ лагеря непріятельскаго.

Городъ Спарта не подвергался такой опасности въ продолженіи 600 лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ взяли его Дорійцы; въ Спартѣ не было ни воротъ, ни стѣнъ; она защищалась только храбростью и любовью къ отечеству гражданъ. Можетъ быть, не спасли бы Лакедемона ни древняя слава, ни искусство агезилаево, и Эпаминондъ перешелъ бы Евротъ, если бъ Аѳиняне, завидуя успѣху Ѳивянъ, не оставили своихъ союзниковъ. Тогда Эпаминондъ, у котораго войско со дня на день уменьшалось отъ болѣзней и зимняго холода, рѣшился только освободить Мессенцовъ отъ спартанскаго ига, и возвратился въ Ѳивы, довольный тѣмъ, что смирилъ гор-

дость Спарты и отмстилъ ей передъ лицомъ всей Греціи.

ЭПАМИНОНДЪ ПРИ МАНТИНЕѢ.

369 — 362 г. до Р. Х.

Но возвышеніе Ѳивъ было непродолжительно; оно кончилось съ смертью Пелопида и Эпаминонда.

Пелопидъ погибъ въ сраженіи противъ Александра, тирана города Феръ, въ Ѳессаліи.

Эпаминондъ не долго пережилъ своего друга. Онъ совершилъ въ Пелопоннесъ четыре похода. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ послѣдній, предпринятый уже послѣ смерти Пелопида. Пелопоннесскіе союзники, въ соединеніи съ Аѳинянами, стояли при городѣ Мантинеѣ, въ Аркадіи; къ нимъ шли на подкрѣпленіе Спартанцы, подъ начальствомъ Агезилая. Въ это время Эпаминондъ рѣшился напасть нечаянно на Спарту, оставленную безъ защиты, и конечно успѣлъ бы въ своемъ отважномъ предпріятіи, если бъ Агезилай, увѣдомленный во́-время, не поспѣшилъ возвратиться. Тогда ѳивскій пол-

ководецъ, отступивъ отъ Спарты, напалъ на союзное войско при Мантинеѣ. Эпаминондъ отличался искусствомъ располагать войско и двигать его въ сраженіи. При Мантинеѣ онъ опять разбилъ непріятеля, обратилъ его въ бѣгство и готовился довершить побѣду, какъ вдругъ копье вонзилось ему въ грудь. Судьба сраженія опять заколебалась. Эпаминондъ лежалъ въ своемъ шатрѣ; друзья его окружали и плакали; врачи объявили, что онъ умретъ тотчасъ, какъ скоро вынутъ копье изъ раны. Эпаминондъ, слыша это, спросилъ найденъ ли его щитъ? У Грековъ считалось безчестіемъ, даже для умирающаго воина, потерять щитъ свой; а потому, когда показали Эпаминонду его щитъ, онъ посмотрѣлъ на него съ радостною улыбкой, и сдѣлалъ другой вопросъ: побѣдили ль Ѳиване? Успокоенный и въ этомъ отношеніи, онъ сказалъ: «Теперь я готовъ умереть, безъ сожалѣнія, потому-что оставляю свою родину въ торжествѣ». Окружавшіе полководца друзья сѣтовали на то, что онъ умираетъ бездѣтнымъ. «Вы ошибаетесь,» отвѣчалъ весело Эпаминондъ, «я оставляю по себѣ двухъ прекрасныхъ дочерей: побѣды при Левктрахъ и при Мантинеѣ; онѣ передадутъ имя мое позднему потом-

ству». Сказавъ это, онъ велѣлъ вынуть копье и—умеръ.

Ѳиваие, оплакавъ потерю великаго полководца, воздвигли ему на мантинейской долинѣ простую гробницу; надъ ней поставили колонну и прикрѣпили къ ней щитъ, на который обращался взоръ его въ предсмертныя минуты.

Битвой мантинейскою кончилась кровопролитная борьба, долго истощавшая силы Ѳивъ и Спарты. Съ обѣихъ сторонъ погибли искуснѣйшіе вожди и лучшія войска. У Ѳивянъ уже не являлось никого, кто бы могъ уподобиться великодушному Эпаминонду и приводить въ дѣйствіе его великія намѣренія. Спартанцы также изнемогли отъ продолжительныхъ усилій. Все показывало, что скоро станутъ повелѣвать Греціей народы сосѣдственные, которые долго находились въ усыпленіи, и назывались отъ Грековъ «варварами».

ТИРАНЪ ДІОНИСІЙ.

405 — 368 г. до Р. Х.

Междоусобія, которыми Греція сама себѣ готовила погибель, распространились и на ея ко-

лоніи. Прекрасный островъ Сицилія, о которомъ мы упоминали уже въ разсказѣ о жизни Алкивіада, былъ усѣянъ греческими поселеніями. Важнѣйшимъ и самымъ сильнымъ изъ нихъ былъ городъ Сиракузы, основанный выходцами изъ Коринѳа (за 753 года до Р. Х). Во время пелопоннесской войны, этотъ городъ былъ уже такъ богатъ и силенъ, что уничтожилъ войско и флотъ Аѳинянъ и побѣждалъ Карѳагенянъ. Но счастливый сиракузскій полководецъ Діонисій, пользуясь внутренними несогласіями въ городѣ, успѣлъ насильственно овладѣть верховною властью, а потому Сиракузяне и называли его не иначе, какъ Діонисіемъ-Тираномъ.

Діонисій, сдѣлавшись властителемъ, поступалъ съ своими подданными очень жестоко, и удерживалъ ихъ въ повиновеніи, при помощи наемныхъ тѣлохранителей. Тайно онъ умерщвлялъ всѣхъ своихъ противниковъ, а явно ласкалъ всякаго, кто только могъ быть ему полезнымъ; утвердивъ же свою власть, онъ пересталъ притворяться и не терпѣлъ уже нималѣйшаго возраженія противъ его желаній.

Діонисій не дорожилъ народною любовью, а только желалъ, чтобъ всѣ его боялись; никогда не выходилъ онъ безъ своихъ грозныхъ тѣло-

хранителей, которые по его мановенію готовы были умертвить каждаго, кто имѣлъ несчастіе неправиться тирану; по этому всѣ скрывались отъ него, и при немъ остались только льстецы, да царедворцы, спѣшившіе угадывать всѣ его желанія и исполнять ихъ.

Эти жалкіе люди не боялись Бога, не боялись своей совѣсти, а только страшились навлечь на себя гнѣвъ Діонисія, или лишиться его благосклонности; они безпрестанно твердили ему, что онъ мудрѣйшій и правосуднѣйшій изъ всѣхъ государей, и что подданные не могутъ нахвалиться его благодѣяніями.

Разумѣется, что такая лесть поддерживала самолюбіе тирана, и ему вздумалось прослыть самымъ остроумнымъ въ свѣтѣ человѣкомъ. Льстецы тотчасъ начали превозносить его умъ и въ каждомъ пустомъ его словѣ находили необыкновенное глубокомысліе и остроту. Діонисій составилъ о себѣ и о своихъ дарованіяхъ самое высокое понятіе.

При дворѣ его былъ однако жъ человѣкъ, по имени Филоксенъ, который никогда не льстилъ ему. Нѣсколько разъ ему случалось говорить Діонисію правду прямо въ глаза, и тиранъ не рѣшался мстить ему, хотя въ глубинѣ души и

оскорблялся правдивою откровенностью Филоксена.

Однажды Діонисій прочелъ ему стихи своего сочиненія и спросилъ каковы они ему кажутся. Филоксенъ съ обыкновенною смѣлостью отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, стихи очень плохи. Такой отзывъ задѣлъ самую чувствительную струну Діонисія, и онъ не могъ воздержаться отъ гнѣва. По приказанію тирана, Филоксенъ взятъ подъ стражу и брошенъ въ мрачную темницу, въ каменоломни.

Друзья Филоксена встревожились; они опасались, чтобъ тиранъ въ гнѣвѣ своемъ не предалъ его смерти. Но Діонисій, по убѣдительной ихъ просьбѣ, согласился простить Филоксена съ тѣмъ, чтобъ онъ въ тотъ же вечеръ пришелъ къ нему ужинать.

За ужиномъ, когда всѣ были чрезвычайно веселы, Діонисій прочелъ нѣсколько своихъ стиховъ, въ надеждѣ, что Филоксенъ на этотъ разъ не посмѣетъ не похвалить ихъ, и потому съ самоувѣренностью требовалъ его мнѣнія о достоинствѣ стиховъ. Къ общему изумленію Филоксенъ обратился къ стражѣ, и громко сказалъ: «Ведите меня опять въ тюрьму!»

Такимъ образомъ онъ показалъ, что остается

при прежнемъ мнѣніи о стихахъ Діонисія и готовъ скорѣе идти въ темницу, чѣмъ хвалить ихъ противъ своего убѣжденія. Однакожъ Діонисій не разсердился; остроумная откровенность Филоксена сорвала съ него улыбку, которая была безмолвнымъ согласіемъ, чтобъ этотъ правдивый человѣкъ говорилъ иногда государю истину прямо въ глаза. Это доказываетъ, что Діонисій не вовсе былъ лишенъ добрыхъ качествъ. Я разскажу вамъ еще одинъ похвальный его поступокъ.

Въ его время жили въ Сиракузахъ Дамонъ и Пиѳій, два молодые человѣка, умные и добрые, съ самаго дѣтства связанные нѣжнѣйшею дружбой.

Дамонъ неосторожнымъ поступкомъ раздражилъ Діонисія и былъ осужденъ имъ на смерть.

Трудно вообразить скорбь Пиѳія, который зналъ, что ничѣмъ нельзя смягчить жестокаго властителя. Дамонъ успѣлъ выпросить только позволеніе проститься съ своею матерью, которая жила въ другомъ городѣ. Діонисій согласился на это съ условіемъ, чтобъ кто нибудь вмѣсто Дамона остался въ темницѣ и подвергся бы за него казни, если онъ не возвратится къ сроку.

Пиѳій съ радостью вызвался надѣть цѣпи друга и, готовый пожертвовать за него жизнью, молилъ боговъ, чтобы Дамонъ не успѣлъ возвратиться къ назначенному дню.

Когда наступилъ этотъ роковой день, Діонисій, узнавъ, что Дамонъ еще не явился, приказалъ Пиѳію готовиться къ казни на слѣдующее утро. Пиѳій съ величайшею радостью принялъ это извѣстіе, думая, что другъ его задержанъ въ пути какимъ нибудь непреодолимымъ препятствіемъ.

Однако въ тотъ же самый день честный Дамонъ прибылъ въ Сиракузы и поспѣшилъ въ темницу освободить Пиѳія, который бросился въ его объятія, сожалѣя только о томъ, что не могъ умереть за друга.

Какъ ни былъ жестокъ Діонисій, но не могъ остаться нечувствительнымъ къ такому рѣдкому самоотверженію; онъ освободилъ обоихъ друзей и, одаривъ щедро, просилъ принять его третьимъ въ союзъ искренней дружбы.

Разумѣется, что Діонисій былъ недостоинъ имѣть такихъ друзей; наклонность къ насилію и жестокостямъ далеко перевѣшивала его добрыя качества. Зная, что Сиракузяне ненавидятъ его, онъ былъ такъ недовѣрчивъ и подозрителенъ, что подъ одеждою всегда носилъ металлическія

латы и строго приказывалъ осматривать каждаго, кто входилъ во дворецъ, нѣтъ ли при немъ скрытаго оружія.

Неосторожный брадобрѣй сказалъ въ шутку, что жизнь Діонисія часто бываетъ у него въ рукахъ; тиранъ тотчасъ приказалъ умертвить брадобрѣя изъ боязни, чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ не покусился на его жизнь, когда станетъ брить ему бороду. Послѣ того подозрительный Діонисій уже не брился, а прижигалъ себѣ бороду.

Такая недовѣрчивость ко всѣмъ дѣлала тирана самымъ несчастнымъ человѣкомъ: онъ вездѣ видѣлъ враговъ, готовыхъ покуситься на его жизнь, и не могъ спать спокойно ни одной ночи, хотя спальня была обведена широкимъ и глубокимъ рвомъ, черезъ который переходили по узкому мостику. Ложась спать, Діонисій самъ поднималъ этотъ мостикъ.

Но придворные льстецы, и особенно одинъ изъ нихъ, по имени Дамоклъ, безпрестанно твердили тирану о его могуществѣ, о его богатствахъ и счастіи, которымъ онъ долженъ наслаждаться въ такомъ великолѣпномъ дворцѣ, гдѣ всѣ наперерывъ старались предупреждать его желанія.

Однажды, когда Дамоклъ, по обыкновенію, повторялъ въ сотый разъ своему государю, что онъ первый счастливецъ въ свѣтѣ, Діонисій предложилъ ему самому насладиться такимъ же счастіемъ сколько угодно. Дамоклъ принялъ этотъ вызовъ съ восторгомъ. Ему предложили золотое ложе, покрытое богато-вышитыми коврами и драгоцѣнными тканями; кругомъ поставили пышные столы, съ золотыми и серебряными сосудами; сотни красивыхъ и великолѣпно-одѣтыхъ рабовъ были готовы къ его услугамъ и ждали только его мановенія; кругомъ курились благовонія. Въ обѣдъ подали Дамоклу все, чего могъ пожелать самый разборчивый и прихотливый вкусъ. Дамоклъ былъ въ совершенномъ упоеніи и считалъ себя вполнѣ счастливымъ, какъ вдругъ, случайно поднявъ глаза вверхъ, увидѣлъ надъ головой острый мечъ, повѣшенный на тонкомъ волоскѣ, такъ что онъ могъ тотчасъ сорваться.

Ужасъ овладѣлъ Дамокломъ, когда онъ увидѣлъ, что жизнь его висѣла на волоскѣ; все удовольствіе, наполнявшее его душу, вдругъ исчезло. Онъ поспѣшно вышелъ изъ-за стола и отказался отъ счастія, которое прославлялъ Діонисію. Съ тѣхъ поръ онъ молчалъ о блаженствѣ

своего повелителя, который и подвергнулъ его испытанію для того, чтобъ показать, что кажущееся блаженство тирана неразлучно съ мучительными опасеніями за жизнь, и что на свѣтѣ есть много людей, которыхъ счастію каждый завидуетъ, и съ которыми однако жъ никто не помѣнялся бы судьбой, если бъ узналъ все, что терпятъ они, молча, даже не смѣя жаловаться.

ДІОНЪ СИРАКУЗСКІЙ.

368 — 361 г. до Р. Х.

По смерти Діонисія, сынъ его присвоилъ себѣ верховную власть, при помощи наемнаго отряда. Сиракузяне были этимъ недовольны, но повиновались изъ страха. Новый властитель назывался также Діонисіемъ, а для отличія отъ отца, обыкновенно называютъ его Діонисіемъ-Младшимъ.

Діонисій-Младшій, менѣе жестокій, чѣмъ его отецъ, былъ лѣнивъ, безпеченъ и до крайности непостояненъ въ своихъ склонностяхъ: ни одна вещь не могла ему нравиться два дня сряду. Вступленіе свое въ управленіе онъ началъ празднествами, которыя продолжались три мѣсяца.

Придворные нарочно разнообразили забавы и увеселенія, чтобъ отвлечь Діонисія отъ дѣлъ управленія.

Одинъ только человѣкъ хотѣлъ образовать Діонисія для собственной его пользы и для счастія государства. Этотъ человѣкъ былъ умный и дѣятельный Діонъ, братъ жены Діонисія. По своему образованію и прекраснымъ душевнымъ качествамъ онъ пользовался общимъ уваженіемъ; даже самъ Діонисій, какъ ни боялся частыхъ упрековъ Діона за безпечность, не осмѣливался принудить его къ молчанію.

Большую часть юности Діонъ провелъ въ Аѳинахъ, сдѣлался ревностнымъ послѣдователемъ ученія Платона и пріобрѣлъ искреннее расположеніе этого философа.

Возвратившись въ Сиракузы, Діонъ началъ стараться, чтобъ и Діонисій, худо воспитанный въ дѣтствѣ, полюбилъ науку. Онъ былъ убѣжденъ, что просвѣщеніе ума, трудъ благородный, возвыситъ душу Діонисія, нелишеннаго природныхъ дарованій, пріучитъ его къ размышленію, постоянству и отвлечетъ отъ тѣхъ удовольствій, за которыя человѣкъ обыкновенно платитъ рано или поздно потерею здоровья, спокойствія и всѣхъ душевныхъ радостей.

Діонъ въ бесѣдахъ своихъ съ Діонисіемъ увлекательно разсказывалъ ему о Платонѣ, о невыразимомъ удовольствіи слушать его разсужденія и совѣты; онъ повторялъ это часто, и въ вѣтреномъ Діонисіѣ родилось сильное желаніе пригласить Платона въ Сиракузы. Конечно у Діонисія было прекрасное намѣреніе учиться и совершенствоваться; но по шаткому его характеру, это желаніе возбудилось въ немъ болѣе отъ пустаго любопытства, нежели отъ твердой рѣшимости сдѣлаться лучшимъ.

Діонисій нѣсколько разъ писалъ къ Платону и просилъ его пріѣхать въ Сиракузы; да и самъ Діонъ склонялъ къ тому своего наставника, представляя ему, что совѣты его, конечно, исправятъ Діонисія, а потому будутъ полезными благу цѣлаго народа.

По преклонности лѣтъ Платонъ сперва не хотѣлъ-было оставлять своего отечества и друзей; но потомъ уступилъ настоятельнымъ просьбамъ Діона и согласился отправиться въ Сиракузы, надѣясь сдѣлать еще что-нибудь доброе прежде своей смерти; Діонисій послалъ за философомъ прекрасную галеру и обнаруживалъ величайшую радость. Въ нетерпѣливомъ ожиданіи Платона, онъ нѣсколько дней не могъ ни ѣсть,

ни спать, а когда философъ вступилъ на сиракузскій берегъ, Діонисій, со всѣмъ своимъ дворомъ, вышелъ къ нему на встрѣчу, посадилъ его въ великолѣпную колесницу, запряженную четырьмя бѣлыми конями, и провожалъ до самаго дворца.

Нѣсколько мѣсяцовъ онъ такъ прилежно слушалъ уроки Платона, что всѣ придворные, въ угожденіе тирану, начали также показывать пламенную ревность къ наукамъ. Въ самомъ же дѣлѣ это положеніе было для нихъ тѣмъ скучнѣе, что они прежде только гуляли, ѣли, да спали. Эти лицемѣры внутренно были раздражены противъ Діона за то, что онъ внушилъ Діонисію мысль призвать Платона и измѣнить придворные обычаи.

Но я уже сказалъ, что легкомысліе было главнымъ недостаткомъ въ характерѣ Діонисія-Младшаго. Придворные умѣли имъ воспользоваться. Нѣкоторые изъ этихъ презрѣнныхъ людей начали поселять вражду между Діономъ и Діонисіемъ; они внушали легковѣрному властителю, что зять безпрестанно злословитъ его передъ народомъ и явно самъ домогается верховной власти. По этой наглой клеветѣ Діонъ былъ осужденъ на изгнаніе въ Грецію, а чтобъ уве-

личить его мученіе, не позволили ему взять съ собою жену и сына, которыхъ онъ любилъ нѣжно.

Платонъ убѣждалъ Діонисія простить Діона, прибавивъ, что въ случаѣ отказа на его просьбу, онъ также оставитъ Сиракузы и возвратится въ Грецію. Діонисій не обратилъ на это никакого вниманія, и Платонъ немедленно возвратился въ Аѳины. На пути онъ посѣтилъ олимпійскія игры, которыя въ то время праздновались. Народъ, узнавъ о прибытіи Платона, единогласно потребовалъ, чтобы философу дали вѣнокъ, какъ мудрѣйшему изъ Грековъ, и добрый старецъ получилъ отъ лица всей Греціи награду, самую драгоцѣнную для добродѣтельнаго.

Діонисій скоро забылъ уроки Платона и по прежнему сталъ думать только о празднествахъ; но и пиры ему наскучили. Тогда онъ опять убѣждалъ Платона пріѣхать въ Сиракузы и завидовалъ Діону, который, живя въ Аѳинахъ, могъ каждый день наслаждаться бесѣдою своего наставника и друга.

Платонъ согласился пріѣхать въ Сиракузы, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ Діонисій немедленно вызвалъ Діона изъ ссылки. Тиранъ письменно обѣщалъ Платону исполнить его желаніе; но

когда философъ прибылъ въ Сиракузы, Діонисій подъ разными предлогами отклонялъ исполненіе своего обѣщанія и даже принудилъ жену Діона вступить въ новый бракъ, какъ будто она уже овдовѣла. Народъ тѣмъ болѣе сталъ ненавидѣть Діонисія, что уважалъ Діона и усердно желалъ его возвращенія. Наконецъ и Діонъ рѣшился мстить Діонисію; но убѣжденія Платона, который говорилъ, что мщеніе ни въ какомъ случаѣ не позволительно, заставили его ограничиться отнятіемъ власти у тирана.

Едва явился Діонъ передъ Сиракузами съ небольшимъ отрядомъ, какъ народъ толпами устремился къ нему на встрѣчу и изъявлялъ свою радость, бросая передъ нимъ вѣнки изъ цвѣтовъ; женщины вышли на улицы въ бѣлыхъ одеждахъ, какъ въ день величайшаго праздника. Самаго Діонисія небыло въ Сиракузахъ, а приверженцы его едва успѣли удалиться въ крѣпкій замокъ; многіе изъ нихъ попались въ руки черни и были умерщвлены. Діонисій, узнавъ о возвращеніи Діона, поспѣшилъ приплыть на кораблѣ и хотѣлъ-было войти въ городъ, но нашелъ пристань запертою огромными цѣпями, и долженъ былъ искать убѣжища въ замкѣ, куда удалилась супруга его съ дѣтьми.

Когда же Сиракузяне начали строить вокругъ замка высокую стѣну, чтобы стѣснить похитителя власти, безпокойство его достигло высочайшей степени.

ДІОНИСІЙ-МЛАДШІЙ ВЪ КОРИНѲѢ.

361 — 343 г. до Р. Х.

На сторонѣ Діона находился нѣкто Гераклидъ, который раздѣлялъ даже его изгнаніе. Гераклидъ былъ ловокъ и имѣлъ привлекательную наружность, но въ сердцѣ былъ золъ и скрытенъ.

Діонъ, при многихъ прекрасныхъ качествахъ, имѣлъ тотъ недостатокъ, что былъ ко всѣмъ также строгъ, какъ и къ самому себѣ. Платонъ не разъ совѣтовалъ ему быть кроткимъ и снисходительнымъ къ другимъ, а строгимъ только къ себѣ самому; но Діонъ не могъ измѣнить своего характера и возбудилъ противъ себя многихъ враговъ явныхъ и тайныхъ. Къ числу скрытныхъ его недоброжелателей принадлежалъ и завистливый Гераклидъ, который не разъ подвергался упрекамъ Діона за разныя неисправности.

Діонисій съ своими воинами пытался изъ замка нападать на жителей города; но новая стѣна представляла ему большое препятствіе; наконецъ онъ рѣшился прибѣгнуть къ хитрости для погибели Діона.

Онъ написалъ къ нему письмо, въ которомъ соглашался выдти изъ замка и уступить Діону верховную власть, которой будто бы требовалъ Діонъ. Когда содержаніе этого письма сдѣлалось извѣстнымъ народу, то многіе Сиракузяне подумали, что Діонъ самъ хочетъ быть тираномъ и начали обнаруживать къ нему недовѣрчивость, забывъ всѣ его услуги.

При этомъ случаѣ Гераклидъ употребилъ всѣ средства вредить своему благодѣтелю и достигъ того, что Сиракузяне отказались отъ повиновенія Діону и заставили его выдти изъ города, со всѣми чужестранными воинами, съ нимъ пришедшими. Коварный Гераклидъ занялъ мѣсто Діона. Впрочемъ Сиракузяне скоро были наказаны за свою гнусную неблагодарность.

Между тѣмъ Діонисій, страшась умереть съ голода въ замкѣ, бѣжалъ съ женою и дѣтьми изъ Сициліи, а въ замкѣ оставилъ храбраго Нипсія, съ небольшимъ отрядомъ, и велѣлъ ему наносить Сиракузянамъ всевозможный вредъ.

Когда Нипсій узналъ, что Діонъ и его храбрые воины изгнаны изъ города, тотчасъ бросился на стѣну, окружавшую замокъ, и разрушилъ ее тѣмъ удобнѣе, что Сиракузяне не охраняли ее стражею, полагая, что съ отплытіемъ Діонисія война уже кончилась. Нипсій зажегъ ближайшіе домы и приказалъ своимъ воинамъ истреблять всѣхъ жителей, не щадя ни женъ, ни дѣтей; страхъ былъ такъ великъ, что никто не думалъ защищаться и самъ Гераклидъ отправилъ къ Діону гонца съ просьбою о помощи.

Благородный Діонъ не помнилъ зла, а сохранилъ любовь къ отечеству. Онъ собралъ свою греческую дружину, разсказалъ ей о бѣдствіи Сиракузъ и спросилъ, согласны ли воины слѣдовать за нимъ? Храбрые, преданные вождю воины отвѣчали единодушнымъ крикомъ и требовали, чтобъ ихъ тотчасъ же вели на помощь городу. Діонъ дѣйствовалъ успѣшно; въ нѣсколько дней онъ преодолѣлъ всѣ препятствія и овладѣлъ замкомъ, не смотря на самое упорное сопротивленіе Нипсія.

Какое прекрасное зрѣлище представляли Сиракузяне, бросившіеся на колѣна передъ великодушнымъ Діономъ и называвшіе его спасителемъ отечества!

Казалось бы, что послѣ этого Діонъ могъ наслаждаться счастіемъ; но завистливый Гераклидъ сдѣлался виновникомъ новыхъ бѣдствій своего благодѣтеля, которому при послѣднихъ смятеніяхъ былъ обязанъ жизнію. Друзья діоновы, видя безпрестанныя злоумышленія Гераклида, убили этого коварнаго человѣка. Хотя убійство сдѣлано безъ согласія Діона, но враги обвинили его въ злодѣйствѣ, которымъ гнушалась душа его.

Въ числѣ Аѳинянъ, которыхъ Діонъ привелъ въ Сицилію, былъ нѣкто Каллипъ, человѣкъ, по видимому, очень приверженный къ нему, но въ самомъ дѣлѣ лукавый и вѣроломный. Онъ присталъ къ приверженцамъ Гераклида и съ нѣсколькими подкупленными убійцами напалъ вечеромъ на Діона, когда онъ спокойно бесѣдовалъ съ друзьями, въ загородномъ домѣ. Злодѣи хотѣли задушить его руками, но онъ сильно сопротивлялся; наконецъ, одинъ изъ заговорщиковъ, оставшійся на дворѣ, подалъ въ окно мечъ, которымъ они и закололи Діона, держа его за руки и за ноги, какъ животное при жертвоприношеніи.

Злодѣйство оказалось гибельнымъ и для убійцъ и для невинныхъ жителей города. Едва разнесся слухъ о смерти Діона, какъ Діонисій возвратился

въ Сиракузы и казнилъ множество народа, Калиппъ, ожидавшій за свою услугу награды, первый долженъ былъ спасаться бѣгствомъ и вскорѣ умеръ съ-голоду, возбудивъ во всѣхъ отвращеніе своимъ вѣроломствомъ.

Превратность счастія окончательно ожесточила Діонисія, и Сиракузяне, немогшіе сносить своего ига, просили помощи у города Коринѳа, изъ котораго вышли ихъ предки. Коринѳяне послали въ Сицилію войско, подъ начальствомъ искуснаго и храбраго вождя Тимолеона. Тимолеонъ нанесъ Діонисію рѣшительный ударъ, отправилъ его на жительство въ Коринѳъ, а замокъ сиракузскій разрушилъ до основанія, чтобъ ознаменовать возстановленіе народнаго правленія и уничтоженіе тираніи.

Сиракузы, послѣ этихъ долгихъ междоусобій, находились въ развалинахъ, по которымъ бродили бѣдные остатки прежняго многочисленнаго населенія. Надежды возстановить городъ было мало, потому-что Карѳагеняне прислали въ Сицилію сильное войско и готовились утвердить надъ нею свою власть. Но Тималеонъ довершилъ свой славный подвигъ. Съ малыми средствами онъ въ нѣсколько лѣтъ освободилъ отъ всѣхъ притѣснителей не однѣ Сиракузы, но и другіе

греческіе города въ Сициліи, возвратилъ имъ свободу, спокойствіе и благосостояніе.

Сиракузяне подарили ему богатое помѣстье. Тамъ провелъ онъ мирно свою старость, въ кругу семейства, уважаемый народомъ. Подъ конецъ жизни онъ лишился зрѣнія. Умилительное зрѣлище представляли Сиракузяне, приходившіе на поклонъ къ обожаемому слѣпцу; они приводили къ нему всѣхъ иностранцовъ, посѣщавшихъ ихъ городъ, и показывали своего благодѣтеля, какъ величайшую для нихъ драгоцѣнность. По смерти Тимолеона весь городъ со слезами шелъ за его гробомъ, который нарочно пронесли черезъ развалины нѣкогда—грознаго замка, а надъ могилою воздвигли памятникъ и ежегодно отправляли торжественно почетныя игры.

Конечно для васъ любопытно узнать и судьбу Діонисія. Этотъ человѣкъ, повелѣвавшій прежде 400 военныхъ кораблей, носившій царскія одежды, жилъ въ Коринѳѣ въ нищетѣ, обучая дѣтей грамматикѣ и пѣнію, и сдѣлался предметомъ насмѣшекъ, потому-что прежнею жизнію не заслужилъ состраданія.

ФИЛИППЪ, ЦАРЬ МАКЕДОНСКІЙ.

360 — 366 г. до Р. Х.

Македонія составляла небольшое царство, отдѣлявшееся отъ Віотіи и Аттики Өессалійскими горами. Эта страна была едва извѣстна до того самаго времени, когда два царя ея, о которыхъ мы будемъ говорить, произвели въ мірѣ великій переворотъ. Возмемъ карту и посмотримъ на ней положеніе Македоніи, чтобъ яснѣе понять ходъ происшествій.

Македонскій царевичъ Филиппъ, по особымъ причинамъ, жилъ въ Өивахъ, въ домѣ Эпаминонда, и пользовался примѣромъ и наставленіями храбраго и благороднаго өивскаго полководца.

Филиппу было тогда не болѣе осьмнадцати лѣтъ, а онъ отличался уже разсудительностью и основательными знаніями. Когда царь македонскій, старшій братъ Филиппа, погибъ въ сраженіи съ однимъ изъ сосѣднихъ народовъ, царевичъ поспѣшно возвратился изъ Өивъ въ отечество, гдѣ народъ тотчасъ возвелъ его на престолъ.

Македонія была не обширна и не богата; но ее населялъ народъ неустрашимый и воинственный. Для замысловъ Филиппа было необходимо храброе и вѣрное войско, а потому онъ прежде всего старался образовать въ Македоніи военную силу, подчиненную строгой дисциплинѣ. Это войско, расположенное стройными и многочисленными рядами, было вооружено копьями и щитами, которые составляли твердую стѣну, такъ что ни мечи всадниковъ, ни копья пѣхоты, не могли много вредить воинамъ. Этотъ строй названъ «фалангою»; подъ этимъ именемъ македонское войско сдѣлалось знаменитымъ въ древности.

Но для царя недостаточно имѣть страшное и обученное войско: нужны еще деньги для расходовъ въ мирное и военное время, а потому Филиппъ овладѣлъ во Ѳракіи золотыми рудниками и извлекъ изъ нихъ значительныя богатства.

Если бъ Филиппъ ограничился тѣмъ, что добылъ войско и деньги, то все-таки его нельзя было бы назвать могущественнымъ. Истинная сила государя заключается въ любви народной, которая пріобрѣтается правосудіемъ, милостію и благодѣяніями. Филиппъ это зналъ и старался

привлечь къ себѣ сердца Македонянъ. Я разскажу вамъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ Филиппъ поступалъ правдиво и великодушно. Онъ узналъ, что Македонянинъ Никаноръ, всѣми уважаемый, безпрестанно порицалъ его въ народѣ. Царь сказалъ, что такой достойный человѣкъ осуждаетъ его, вѣроятно, не безъ причины; онъ позвалъ Никанора къ себѣ и осыпалъ его дарами, чтобъ вознаградить за оскорбленіе, которое, можетъ быть, случайно, безъ всякаго намѣренія нанесъ ему. Съ этого времени Никаноръ сдѣлался однимъ изъ вѣрнѣйшихъ приверженцовъ царя.

Филиппа справедливо упрекали въ невоздержности въ пищѣ и питьѣ; иногда съ безпутными собесѣдниками проводилъ онъ за столомъ цѣлые дни и ночи. Однажды, когда онъ нетрезвый только-что всталъ изъ-за стола, пришла къ нему старуха и просила разсудить ея дѣло. Филиппъ, отуманенный винными парами, грубо отказалъ ей въ справедливой просьбѣ. «Такъ я подамъ жалобу трезвому Филиппу», сказала смѣло женщина, желая тѣмъ выразить, что опьянѣніе было причиной его несправедливости. Филиппъ не обнаружилъ ни малѣйшей досады на этотъ упрекъ, и на другой день, вы-

слушавъ просительницу, исполнилъ ея просьбу.

Впрочемъ Филиппъ помрачалъ свои блестящія качества еще другими пороками: онъ былъ гордъ, честолюбивъ и пронырливъ.

Хотя при немъ Македонское царство сдѣлалось и сильно и богато, но честолюбіе его тѣмъ не удовольствовалось; онъ съ завистью смотрѣлъ на величіе персскаго царя, повелѣвавшаго большею частью Азіи. Филиппъ замыслилъ разрушить владычество Персовъ, зная, что не въ обширности государства заключается его сила, а въ хорошемъ управленіи. Прежнія побѣды Грековъ надъ Персами, начиная съ мараѳонской и саламинской до славнаго отступленія десятитысячь и до подвиговъ Агезилая въ Іоніи, обѣщали македонскому царю полный успѣхъ, если ему удастся склонить греческіе народы къ общему вооруженію противъ враждебнаго сосѣда.

Вся дѣятельность Филиппа до самой смерти была приготовленіемъ къ этому великому предпріятію. Прежде всего онъ хотѣлъ подчинить себѣ Грецію и началъ вмѣшиваться въ дѣла ея, пользуясь внутренними смутами и раздорами.

Вы безъ сомнѣнія помните, что городъ Дельфы славился оракуломъ и великолѣпнымъ аполлоновымъ храмомъ. Жители этого города были кротки

и миролюбивы; древнимъ закономъ амфиктіоновымъ запрещалось даже входить въ ихъ владѣнія съ оружіемъ въ рукахъ. Дельфы, съ своимъ округомъ, находились въ Фокидѣ, области, смѣжной съ Віотіей. Фокидяне воздѣлали въ свою пользу поля, посвященныя Аполлону. Совѣтъ амфиктіоновъ наложилъ на нихъ за это денежную пеню. Фокидяне не могли заплатить ее; имъ начали грозить войною. Тогда они рѣшились на отчаянный поступокъ: напали внезапно на самыя Дельфы, вломились въ храмъ и ограбили всѣ его сокровища. Когда извѣстіе объ этомъ разнеслось по Греціи, тогда многіе взялись за оружіе, въ намѣреніи наказать Фокидянъ за святотатство.

Филиппъ, выжидавшій только случая проникнуть съ войскомъ въ Грецію, тотчасъ предложилъ свою фалангу въ распоряженіе совѣта амфиктіоновъ, на которомъ лежала обязанность наказывать за хищничество священныхъ мѣстъ. Этимъ средствомъ царь македонскій надѣялся овладѣть славнымъ Ѳермопильскимъ ущеліемъ, которое отдѣляло Ѳессалію отъ прочихъ греческихъ государствъ. Аѳиняне, напротивъ, опасаясь приближенія хитраго сосѣда, приняли сторону Фокидянъ. Такимъ образомъ между греческими народами возгорѣлась кровопролитная брань, извѣстная подъ именемъ

«священной войны», въ знакъ того, что поводомъ къ ней было святотатство Фокидянъ.

Когда Филиппъ готовился къ войнѣ, пришелъ къ нему стрѣлокъ, по имени Астеръ, и хвалился необыкновенною мѣткостью, увѣряя, что безъ промаха попадетъ стрѣлою въ птицу на-лету. Онъ хотѣлъ служить царю, но требовалъ за это большой суммы денегъ. Филиппъ въ насмѣшку сказалъ, что принялъ бы его въ службу, если бъ воевалъ съ птицами.

Оскорбленный Астеръ вступилъ потомъ въ число защитниковъ города, принявшаго сторону Аѳинянъ. Филиппъ долженъ былъ осаждать городъ. Во время осады Астеръ написалъ на стрѣлѣ: «Въ правый глазъ Филиппа», и такъ мѣтко пустилъ ее, что она дѣйствительно попала по назначенію и сдѣлала Филиппа кривымъ на всю жизнь.

Боль и досада привели царя македонскаго въ такой гнѣвъ, что онъ велѣлъ бросить въ городъ ту же самую стрѣлу, съ надписью: «Когда Филиппъ возметъ городъ, Астеръ будетъ повѣшенъ.» Городъ былъ взятъ и Филиппъ, не къ чести своей, сдержалъ слово.

ДЕМОСѲЕНЪ И ФОКІОНЪ.

347—336 г. до Р. Х.

Филиппъ, взявшись наказать Фокидянъ, вступилъ съ войскомъ въ ихъ землю и произвелъ въ ней ужаснѣйшія опустошенія. Побѣжденные подверглись горькой участи: по опредѣленію амфиктіоновъ, Фокеянамъ приказано жить въ деревняхъ, а города ихъ разрушены, кони и оружіе отобраны. Сверхъ того, у нихъ отнято право засѣдать въ амфиктіоновомъ судѣ, а мѣсто ихъ отдано Филиппу, въ награду за ревность, съ какою онъ преслѣдовалъ святотатцовъ. Это чрезвычайно его обрадовало; ему представлялось теперь болѣе возможности сдѣлаться повелителемъ Греціи. Но Филиппъ былъ такъ хитръ и остороженъ, что возвратился въ Македонію, и тамъ, какъ будто отдыхая, терпѣливо выжидалъ случая подавить Аѳинянъ, которыхъ опасался болѣе, чѣмъ другихъ Грековъ.

Въ это время въ Аѳинахъ жили два человѣка, которые безпрестанно твердили народу, чтобъ онъ не вѣрилъ Филиппу и опасался его честолюбія. Одинъ изъ нихъ назывался Фокіономъ,

другой Демосѳеномъ, и хотя они ни въ чемъ не походили другъ на друга, однако жъ оба одинаково смотрѣли на македонскаго царя, почитая его самымъ страшнымъ врагомъ для Аѳинъ.

Фокіонъ, послѣдователь ученія Платона, человѣкъ строгой честности, суроваго нрава, предпочиталъ добродѣтель всѣмъ благамъ, къ которымъ стремятся обыкновенные люди. Никто не видалъ, чтобъ онъ когда нибудь смѣялся, или плакалъ; въ полѣ ходилъ онъ босикомъ и безъ плаща. Его откровенность, доходившая иногда до грубости, не скрывала отъ Аѳинянъ горькихъ, но полезныхъ истинъ. Въ народныхъ собраніяхъ часто онъ одинъ не соглашался съ общимъ мнѣніемъ и жестоко укорялъ Аѳинянъ въ изнѣженности и легкомысліи.

Правдивость, безкорыстіе и мужество снискали ему общую довѣренность; всѣ были увѣрены, что онъ ни за какія сокровища въ мірѣ не согласится поступить противъ совѣсти; однако жъ мнѣнія его почти всегда были отвергаемы, потому-что казались Аѳинянамъ слишкомъ строгими или слишкомъ осторожными. Однажды, когда народъ съ громкимъ одобреніемъ принялъ его предложеніе, онъ съ удивленіемъ вскричалъ: «Конечно, я сказалъ какую-нибудь глупость!»

Демосѳенъ, напротивъ, былъ ловокъ и вкрадчивъ; никто лучше его не умѣлъ убѣждать народа. Онъ говорилъ такъ краснорѣчиво, такъ умно, что рѣчамъ его до сихъ поръ удивляются всѣ образованные народы.

Такіе люди, которые искусно произносятъ рѣчи передъ народомъ, или въ судебныхъ мѣстахъ, называются ораторами. Кромѣ ума, быстраго соображенія и сильнаго чувства оратору необходимы еще смѣлость, громкій и пріятный голосъ, чтобъ говорить посреди шумной и кипящей толпы. У Демосѳена въ юности былъ слабый голосъ; онъ не могъ произносить буквы *р* и былъ такъ робокъ, что при малѣйшемъ шумѣ прерывалъ рѣчь, терялъ нить мыслей и готовъ былъ въ смущеніи скрыться отъ взора всѣхъ. Эти, по видимому, непреодолимыя трудности не погасили въ немъ желанія сдѣлаться ораторомъ; ничто не остановило его на пути къ этой цѣли.

Каждое утро Демосѳенъ выходилъ на морской берегъ, особенно когда море сильно волновалось и шумъ яростныхъ волнъ походилъ на ропотъ великаго народнаго собранія. Тамъ, наклавъ въ ротъ маленькихъ камешковъ, Демосѳенъ усиливался громко произносить длинныя рѣчи, и черезъ

нѣсколько лѣтъ постоянныхъ упражненій достигъ наконецъ своей цѣли.

Такимъ-то образомъ трудъ и твердая рѣшимость преодолѣваютъ все; примѣръ Демосѳена всегда долженъ быть передъ глазами каждаго, кто хочетъ образовать себя, или произвесть что-нибудь достойное уваженія.

Временное бездѣйствіе македонскаго царя вовлекло въ обманъ легкомысленныхъ Аѳинянъ. Они отдѣлились отъ союза съ Фокидянами, пренебрегли войну съ Филиппомъ; ихъ правители и народъ заботились только о празднествахъ и ходахъ, спорили о назначеніи наградъ актерамъ и сочинителямъ комедій; деньги, назначенныя на военныя издержки, тратились на театръ. Все краснорѣчіе Демосѳена не могло отвлечь Аѳинянъ отъ нѣги и чувственныхъ наслажденій.

Между тѣмъ Филиппъ, неупускавшій случая вредить имъ, осадилъ городъ Перинѳъ, при Геллеспонтѣ, откуда Аѳиняне ежегодно получали хлѣбъ. Перинѳійцы обратились ко всѣмъ сосѣднимъ народамъ съ просьбою о помощи, и самъ персскій царь Охъ, съ опасеніемъ смотрѣвшій на возраставшее могущество Македонянъ, послалъ противъ Филиппа войско, которое и понудило его отказаться отъ начатой осады.

Убѣжденія демосѳеновы объявить войну Филиппу и въ этотъ разъ отвергнуты Аѳинянами, потому-что осторожный Фокіонъ, съ своей стороны, объяснилъ имъ какъ опасно возбудить гнѣвъ македонскаго государя, готоваго уже къ борьбѣ.

Тогда только, когда разнесся слухъ, что Филиппъ намѣренъ осадить Византію, городъ союзный Аѳинянамъ, и когда Византійцы потребовали у нихъ помощи, рѣшено было взяться за оружіе. Фокіонъ, извѣстный своими воинскими дарованіями, избранъ начальникомъ войска, и въ короткое время принудилъ Филиппа просить мира.

Аѳиняне еще разъ явились въ прежнемъ блескѣ. Освобожденные и спасенные отъ ига македонскаго города изъявили имъ благодарность присылкою золотыхъ вѣнковъ и большихъ денежныхъ суммъ. Легкомысленные Аѳиняне почитали уже себя въ совершенной безопасности отъ нападеній царя македонскаго; но онъ вскорѣ нашелъ случай вмѣшаться снова въ дѣла Греціи и, пробравшись черезъ Ѳермопилы, овладѣлъ въ Фокидѣ городомъ Элатеею, а оттуда быстро двинулся къ Аттикѣ, съ своею грозной фалангой.

Трудно описать страхъ, распространившійся въ Аѳинахъ. Народъ въ смятеніи сбѣжался на площадь и нѣсколько часовъ тщетно ожидалъ появленія оратора, который бы показалъ ему средства къ спасенію; наконецъ взошелъ на каѳедру Демосѳенъ. Ободривъ малодушныхъ, онъ предложилъ заключить союзъ съ Ѳивами и соединенными силами сразиться съ Филиппомъ, который уже́ проникнулъ до віотійскаго города Херонеи. Пламенное краснорѣчіе оратора одушевило народъ, оцѣпенѣвшій отъ ужаса; во всемъ городѣ загремѣли трубы, призывавшія къ оружію, и войско аѳинское быстро двинулось къ Херонеѣ, куда скоро прибыли и Ѳивяне.

Первыя стычки были удачны для соединившихся Грековъ; въ Аѳинахъ начались уже празднества и жертвоприношенія; но въ общей битвѣ при Херонеѣ воинское искусство царя македонскаго и опытность его войскъ восторжествовали (за 338 л. до Р. Х.). Филиппъ, видя довершеніе побѣды, велѣлъ щадить побѣжденныхъ. Такое милосердіе, необыкновенное въ тогдашнія времена, приноситъ великую честь уму и сердцу Филиппа: царю прилично человѣколюбіемъ покорять сердца и пріобрѣтать расположеніе побѣжденныхъ враговъ.

Радости Филиппа о побѣдѣ не было границъ. За битвою послѣдовало пиршество, на которомъ царь принялъ поздравленія друзей и смиренныя просьбы Аѳинянъ о позволеніи предать погребенію убитыхъ. Но прежде, чѣмъ побѣжденные отдали послѣдній долгъ падшимъ своимъ товарищамъ, Филиппъ, невоздержно пропировавшій цѣлую ночь, вышелъ передъ разсвѣтомъ на полѣ сраженія, и тамъ, смѣясь и припѣвая, бѣгалъ среди мертвыхъ и умирающихъ. Но когда аѳинскій ораторъ Демадъ, бывшій въ числѣ плѣнныхъ, напомнилъ Филиппу, что постыдно царю играть роль шута, то онъ тотчасъ почувствовалъ свою ошибку, и въ награду за наставленіе, приказалъ немедленно снять съ Демада оковы и возвратить ему свободу.

У Филиппа былъ сынъ Александръ, который во время битвы херонейской показалъ удивительную неустрашимость, хотя ему было не болѣе осьмнадцати лѣтъ. Съ необыкновенною храбростью онъ соединялъ и необыкновенную ловкость. Его-то отправилъ Филиппъ къ Аѳинянамъ съ предложеніемъ мира и съ извѣстіемъ, что возвращаетъ свободу всѣмъ плѣннымъ. Съ такимъ удивительнымъ благоразуміемъ и умѣренностью пользовался онъ своею побѣдой!

Не нужно говорить, что весь народъ аѳинскій чрезвычайно обрадовался, услышавъ, что побѣдитель не хочетъ продолжать своихъ завоеваній, тогда какъ онъ легко могъ бы разрушить Аѳины; только Демосѳенъ былъ безутѣшенъ, видя униженіе своего отечества.

Александръ былъ такъ хорошъ, такъ обходителенъ и уменъ, что Аѳиняне не могли насмотрѣться на него; онъ легко заключилъ съ Греками миръ, по которому Филиппъ признанъ верховнымъ вождемъ всѣхъ греческихъ войскъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ въ Коринѳѣ собрались депутаты городовъ аттическихъ, віотійскихъ и пелопоннесскихъ и рѣшили, чтобъ всѣ греческіе народы соединили войска свои, подъ предводительствомъ македонскаго государя, для войны противъ Персовъ. Только Спартанцы не хотѣли повиноваться Македонянамъ, потому-что не были еще побѣждены ими.

И такъ Филиппъ, казалось, готовъ былъ увѣнчать свои подвиги покореніемъ Персіи. Всѣ прежнія его дѣла были только приготовленіемъ къ этому великому предпріятію. Когда Филиппъ спросилъ Пиѳію объ успѣхѣ предпринимаемой войны, то получилъ двусмысленный отвѣтъ: «Телецъ увѣнчанъ, конецъ его близокъ, идетъ

жертвоприноситель». Царь македонскій относилъ это предсказаніе къ Персіи; но судьба дала ему другое значеніе. Молодой человѣкъ, по имени Павзаній, оскорбленный Филиппомъ, поразилъ его кинжаломъ, въ то самое время, когда онъ праздновалъ бракосочетаніе своей дочери. Впрочемъ, можно полагать, что цареубійца былъ подкупленъ Персами, которыхъ страшили замыслы Македонца (за 336 л. до Р. Х.).

ЮНОСТЬ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

356—336 г. до Р. Х.

Смерть Филиппа доставила престолъ сыну его Александру, на двадцать первомъ году отъ-роду. Царствованіе Александра продолжалось только 12 лѣтъ и 8 мѣсяцовъ; но и въ это короткое время онъ совершилъ такія необыкновенныя дѣянія и одержалъ такія удивительныя побѣды, что его назвали Александромъ–Великимъ. Въ его жизни все было необыкновенно, даже самый день рожденія ознаменованъ замѣчательнымъ событіемъ.

Въ малоазійскомъ городѣ Эфесѣ былъ храмъ, посвященный богинѣ Діанѣ, сестрѣ аполлоновой,

который, по своему великолѣпію и богатству, считался однимъ изъ семи чудесъ свѣта. Въ ту самую ночь, когда родился Александръ въ Пеллѣ, главномъ городѣ Македоніи, этотъ прекрасный храмъ сожженъ безумцемъ Геростратомъ. Когда спросили поджигателя: что побудило его къ преступленію? онъ прямо открылся, что ему хотѣлось прославить свое имя въ потомствѣ, и что онъ не могъ придумать къ тому другаго средства, какъ сжечь діанинъ храмъ. Безумнаго честолюбца осудили на смерть и всѣмъ Грекамъ запретили произносить его имя, чтобъ оно истребилось изъ памяти народной. Впрочемъ это запрещеніе осталось безъ успѣха: съ тѣхъ поръ прошло болѣе 2200 лѣтъ, а имя и сумасбродный поступокъ Герастрата всякому извѣстны. Разумѣется, что столкновеніе въ одну ночь пожара въ Малой-Азіи съ рожденіемъ царевича въ Македоніи было совершенно случайное; но Древніе придавали ему большую значительность. Безумное желаніе извѣстности въ Геростратѣ, казалось имъ, предвѣщало ненасытимую жажду славы, которая владѣла душею Александра.

Александръ происходилъ отъ двухъ знаменитѣйшихъ греческихъ героевъ, по отцу отъ Геркулеса, а по матери своей, Олимпіадѣ, отъ Ахил-

леса. Приходя въ возрастъ, онъ съ жаромъ занимался гимнастическими упражненіями, и оттого сдѣлался сильнымъ и ловкимъ; однако жъ, на играхъ привлекали его вниманіе не кулачные бои, не скачка на колесницахъ, а состязанія поэтовъ и художниковъ. Чувство царственнаго достоинства обнаруживалось въ немъ уже во младенчествѣ. Когда спросили его не хочетъ ли онъ на олимпійскихъ играхъ показать быстроту своего бѣга, Александръ отвѣчалъ: «Готовъ, если только цари будутъ моими соперниками». Царевичу не совершилось еще двѣнадцати лѣтъ отъ роду, когда прибыли къ отцу его послы отъ персскаго царя. За отсутствіемъ Филиппа ихъ принималъ Александръ. Отъ него ожидали дѣтскихъ вопросовъ, а онъ изъявилъ посламъ желаніе знать: какъ устроено у Персовъ правленіе, до чего доведено воинское искуство, какъ велико разстояніе столицы ихъ отъ Геллеспонта и какія встрѣчаются на пути затрудненія. Эти вопросы доказывали, что юный царевичъ нерѣдко бесѣдовалъ съ своими наставниками о покореніи Персіи и что честолюбіе уже глубоко гнѣздилось въ его душѣ. Изумленные послы сказали: «Нашъ царь богатъ и силенъ, а этотъ царевичъ сдѣлается великимъ!» Шумныя удо-

вольствія и роскошь при дворѣ въ Пеллѣ не занимали Александра. Слыша частыя извѣстія о побѣдахъ Филиппа, онъ печально сказалъ: «Отецъ не оставитъ мнѣ никакого дѣла!»

Однажды привели къ Филиппу чрезвычайно красиваго ѳессалійскаго коня и просили за него значительную цѣну. Царь приказалъ своимъ наѣздникамъ испытать коня; но онъ сбрасывалъ съ себя всякаго, кто только на него садился. Тогда Филиппъ приказалъ отослать назадъ это неукротимое животное, потому-что и самые лучшіе всадники не смѣли къ нему подступиться.

Александръ очень сожалѣлъ, что отводятъ назадъ такого прекраснаго коня, и сказалъ отцу: «Ты лишаешься превосходнаго коня, потому-что не умѣютъ съ нимъ обращаться. Позволь мнѣ сѣсть на него». Царь, желая испытать ловкость своего сына, согласился на его просьбу, и Александръ показалъ столько искусства и неустрашимости, что обуздалъ дикаго коня и, утомивъ его въ бѣгѣ, привелъ въ кротость и послушаніе. Филиппъ былъ въ такомъ восхищеніи, что подарилъ Александру этого коня, названнаго Букефаломъ (буцефаломъ) и, обнявъ царевича, сказалъ: «Сынъ мой! ищи себѣ другаго царства: Македонія для тебя мала».

Съ того времени Александръ не садился на другаго коня, кромѣ Букефала, который попрежнему былъ неприступенъ для другихъ, но при одномъ словѣ своего господина становился смирнымъ и послушнымъ.

Когда Филиппъ возвращался изъ похода противъ Скиѳовъ, другой варварскій народъ, Трибаллы, напали на македонское войско въ горныхъ ущельяхъ. Въ крайней опасности самъ Филиппъ повелъ своихъ тѣлохранителей въ битву и сражался съ примѣрнымъ мужествомъ, какъ вдругъ конь подъ нимъ былъ убитъ, а самъ онъ повергнутъ безъ чувствъ на землю. Юный Александръ, сражавшійся возлѣ отца, покрылъ его щитомъ своимъ и оборонялъ мечемъ, пока подоспѣла помощь. Потомъ, принявъ начальство надъ войскомъ, онъ поразилъ варваровъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Филиппъ отъ полученной раны остался хромымъ и чрезвычайно тѣмъ огорчался. Великодушный сынъ сказалъ въ утѣшеніе родителю: «Можно ли сожалѣть о томъ, чѣмъ всегда напоминается мужественный подвигъ?»

Въ херонейской битвѣ Александръ начальствовалъ частью македонскаго войска и совершенно истребилъ священный отрядъ Ѳивянъ. Вы уже

знаете, что вслѣдъ за тѣмъ Филиппъ доказалъ довѣренность свою къ благоразумію сына, поручивъ ему переговоры съ Аѳинянами.

Необыкновенныя природныя дарованія Александра развились подъ руководствомъ наставника его Аристотеля. При рожденіи царевича, Филиппъ написалъ къ этому философу: «Знай, что у насъ родился сынъ. Благодаримъ боговъ за этотъ великій даръ; но еще болѣе славимъ ихъ за то, что они даровали намъ сына въ такое время, когда живетъ Аристотель.»

«Аристотель приступилъ къ воспитанію Александра на тринадцатомъ году его возраста. Онъ самъ былъ ученикомъ Платона и обладалъ обширными и разнообразными знаніями. Онъ внушилъ царевичу любовь къ наукамъ и искусствамъ. Гомерова Иліада была любимымъ чтеніемъ Александра, а герой Ахиллесъ представлялся ему образцомъ, достойнымъ подражанія. Къ чести Александра должно сказать, что онъ во всю жизнь не забывалъ наставника, и во время походовъ своихъ съ царскою щедростью доставлялъ ему рѣдкихъ звѣрей и растенія изъ отдаленнѣйшихъ странъ Азіи, зная что Аристотель особенно любилъ заниматься Естественною Исторіею. Дружбою и щедростью Александра пользовались также художники:

Апеллесъ, Лисиппъ и Пирготель. Апеллесъ былъ знаменитѣйшій въ древности живописецъ; его почитали неподражаемымъ: когда одна изъ его картинъ случайно повредилась, никто не осмѣлился приняться за ея поправку. Лисиппъ былъ искуснѣйшій ваятель изъ бронзы, а Пирготель славился рѣзьбою на камняхъ. Этимъ тремъ художникамъ предоставлено было право изображать Александра: Апеллесъ писалъ его портреты, Лисиппъ отливалъ бюсты, а Пирготель вырѣзывалъ его черты на драгоцѣнныхъ камняхъ.

АЛЕКСАНДРЪ И ДІОГЕНЪ.

336—324 г. до Р. Х.

По смерти отца вступивъ на престолъ, Александръ обнаружилъ такую твердость характера, что всѣ враги Македоніи, надѣявшіеся воспользоваться юностью новаго государя, пріуныли и смирились.

Вскорѣ по возшествіи на престолъ, Александръ долженъ былъ идти войною противъ Трибалловъ; между тѣмъ въ Аѳинахъ и другихъ городахъ Греціи разнесся слухъ, будто сынъ Филиппа

погибъ въ сраженіи. Этому ложному слуху многіе повѣрили, потому-что люди охотно вѣрятъ тому, чего желаютъ. Ѳиваяне истребили всѣхъ Македонянъ, бывшихъ въ Ѳивахъ, а Аѳиняне, подстрекаемые своими ораторами, и особенно Демосѳеномъ, опредѣлили сдѣлать общественный праздникъ и возблагодарить боговъ торжественными жертвами.

Александръ въ сильномъ негодованіи поспѣшилъ въ Грецію и, быстро двинувшись на Ѳивы, разрушилъ ихъ. Въ этомъ обширномъ городѣ онъ пощадилъ только храмы боговъ и домъ, принадлежавшій греческому поэту Пиндару, котораго прекрасныя творенія онъ изучилъ въ дѣтствѣ, подъ руководствомъ Аристотеля.

Судьба Ѳивъ и приближеніе Александра ужаснули Аѳинянъ. Но Александръ пощадилъ ихъ, и только потребовалъ выдачи десяти главныхъ ораторовъ; но скоро и отъ этого требованія отступился, по просьбѣ добродѣтельнаго Фокіона. Однако жъ Демосѳенъ долженъ былъ бѣжать изъ отечества и возвратился уже черезъ нѣсколько лѣтъ.

Такъ Александръ сдѣлался повелителемъ всей Греціи, подобно отцу своему, и тогда все вниманіе обратилъ на Персію.

Онъ отправился въ Коринѳъ, куда прибыли и знаменитѣйшіе граждане греческихъ городовъ поздравить его съ побѣдой и признать неограниченнымъ вождемъ въ предстоявшемъ походѣ противъ Персовъ. Только Спартанцы упорствовали. Они говорили: «Мы привыкли сами водить Грековъ къ побѣдѣ, а не слѣдовать за другими». Но гордые по прежнему Лакедемоняне были уже такъ слабы, что Александръ не обратилъ на нихъ никакого вниманія.

Въ это время въ одной рощѣ близъ Коринѳа жилъ философъ Діогенъ. Это былъ человѣкъ очень остроумный, но странный; онъ одѣвался всегда въ плащъ изъ самой грубой ткани, за плечами носилъ котомку съ хлѣбомъ, который сбиралъ у кого случалось, а презиралъ золото и серебро. Вмѣсто того, чтобъ жить въ домѣ, подобно другимъ, онъ спалъ въ бочкѣ и каталъ ее, куда было ему нужно. Діогенъ долго носилъ при себѣ деревянный ковшъ, но увидѣвъ однажды, что мальчикъ черпалъ воду пригоршнями, разбилъ свой ковшъ, какъ вещь излишнюю.

Можно представить, что у такого человѣка вовсе не было охоты идти съ поздравленіемъ къ Александру; Діогенъ не нуждался ни въ чемъ,

потому-что умѣлъ отказывать себѣ во всемъ. Но царь самъ, со всѣмъ своимъ дворомъ, пришелъ навѣстить необыкновеннаго чудака. Діогенъ, безпечно лежа, грѣлся на солнцѣ и нимало не перемѣнилъ своего положенія, когда царь подошелъ къ нему.

Посмотрѣвъ на него съ минуту, Александръ сказалъ: «Я царь Александръ».—«А я Діогенъ циникъ (собака)», отвѣчалъ философъ. На вопросъ, за что его прозвали собакою? онъ сказалъ «Я ласкаюсь къ тому, кто дастъ мнѣ что-нибудь; лаю на тѣхъ, которые не даютъ мнѣ ничего и кусаю злыхъ». Александръ спросилъ его: «Не могу ли я сдѣлать для тебя чего нибудь пріятнаго?» Философъ, вмѣсто того, чтобы просить богатства или благосклонности, сурово отвѣчалъ ему: «Не заслоняй мнѣ солнца!» Александръ исполнилъ его желаніе, ни мало не оскорбясь. Всѣ военачальники македонскіе, слыша такой отвѣтъ, начали смѣяться; но Александръ заставилъ ихъ молчать, громко сказавъ: «Если бъ я не былъ Александромъ, то желалъ бы быть Діогеномъ».

Царь македонскій очень хорошо видѣлъ, что этотъ человѣкъ, жившій въ своей бочкѣ, былъ столько же гордъ, какъ и онъ самъ. Діогенъ думалъ, что человѣкъ долженъ употреблять

Александръ Великій и Діогенъ.

треблять всѣ усилія къ тому, чтобъ освободиться отъ житейскихъ нуждъ и черезъ то жить въ независимости отъ другихъ людей. Александръ для той же цѣли хотѣлъ сдѣлаться повелителемъ всего міра.

Передъ отправленіемъ на войну съ Персами, Александръ хотѣлъ получить предсказаніе дельфійскаго оракула; но Пиѳія сказала, что законъ запрещалъ ей предсказывать въ теченіе нѣсколькихъ дней. Царь самъ схватилъ жрицу, и потащилъ-было ее къ треножнику, съ котораго она произносила прорицанія. Испуганная жрица вскричала: «Ты непобѣдимъ, сынъ мой!» Александръ тотчасъ отпустилъ ее и сказалъ, что ему ненужно лучшаго предсказанія.

АЛЕКСАНДРЪ ВЪ АЗІИ.

334 — 332 г. до Р. Х.

Вы, конечно, помните, что тогдашній царь Персовъ назывался Даріемъ-Кодоманомъ. Живя среди двора самаго блистательнаго и великолѣпнаго въ цѣломъ мірѣ, онъ изумился, услы-

шавъ, что царёкъ македонскій самъ начинаетъ войну. Дарій приказалъ сатрапамъ собрать въ Малой-Азіи многочисленныя силы и подавить непріятеля, лишь только онъ покажется.

Александръ переправилъ свое немногочисленное войско черезъ Геллеспонтъ и вступилъ въ ту долину, гдѣ еще видны были остатки Трои, напоминавшія подвиги греческихъ героевъ. Царь македонскій почтилъ ихъ память жертвоприношеніями; особенное уваженіе онъ оказалъ къ могилѣ Ахиллеса, котораго почиталъ счастливѣйшимъ, потому-что у него въ жизни былъ другъ (Патроклъ), а по смерти достойный пѣвецъ его подвиговъ (Гомеръ). Александръ на могилѣ обожаемаго героя положилъ вѣнокъ, а другу своему Эфестіону поручилъ увѣнчать могилу Патрокла.

Многочисленное войско Персовъ ожидало непріятеля на берегахъ рѣки Граника. Неустрашимый Александръ съ своими Македонянами бросился черезъ рѣку вплавь и разбилъ Персовъ голову.

Побѣда открыла Александру путь къ покоренію всѣхъ малоазійскихъ областей, составлявшихъ нѣкогда могущественное Лидійское царство. Многіе укрѣпленные стѣнами города сдались

царю безъ сопротивленія. Владѣтели, бывшіе данниками Персовъ, и сатрапы охотно покорились кроткому и великодушному побѣдителю. Дѣйствительно, Александръ вездѣ ободрялъ трудолюбіе, облегчалъ подати; всѣ жители подъ его правленіемъ наслаждались такимъ снисходительнымъ правосудіемъ, какого никогда не видывали подъ самовластнымъ правленіемъ Персовъ.

Въ городѣ Гордіѣ, въ Фригіи, былъ храмъ, въ которомъ находилась колесница, посвященная Юпитеру фригійскимъ царемъ Мидасомъ; на ея дышлѣ отцомъ этого царя, Гордіемъ, былъ завязанъ веревочный узелъ такъ замысловато, что никакъ нельзя было догадаться, гдѣ онъ начинался и гдѣ оканчивался, а потому и существовало въ народѣ преданіе, что тотъ, кто развяжетъ хитросплетенный узелъ, сдѣлается обладателемъ всей Азіи. Александръ, не могши распутать узла, разсѣкъ его мечемъ своимъ, желая тѣмъ показать, что боги предопредили ему властвовать надъ Азіей.

Продолжая свои завоеванія, Александръ едва не сдѣлался жертвою своей собственной неосторожности. Въ знойный день, покрытый потомъ отъ усталости въ походѣ, онъ купался въ рѣкѣ Кидпѣ, протекающей черезъ городъ Тарсъ.

Опасныя слѣдствія этого неблагоразумнаго поступка тотчасъ обнаружились: Александръ впалъ въ опасную болѣзнь. Безнадежное его положеніе повергло все войско въ глубокую скорбь; врачи не находили ни какихъ средствъ къ спасенію жизни своего государя, и только одинъ изъ нихъ, Филиппъ, рѣшился дать ему сильное лекарство и обѣщалъ принесть его на другой день.

Въ то самое время царь получилъ изъ лагеря македонскаго письмо отъ полководца Парменіона, одного изъ своихъ преданнѣйшихъ друзей. Парменіонъ писалъ: «Не довѣряй врачу Филиппу. Дарій подкупилъ его большими суммами и обѣщалъ ему въ супружество дочь свою, если онъ тебя отравитъ ядомъ».

Царь прочелъ письмо съ удивленіемъ и сначала пришелъ-было въ безпокойство при мысли, что ему измѣнилъ человѣкъ, пользовавшійся совершенною его довѣренностью; но подозрительность была несвойственна благородной душѣ Александра; не сказавъ никому ни слова, онъ положилъ письмо подъ подушку.

На другой день утромъ Филиппъ принесъ свое лекарство; Александръ взялъ его изъ рукъ врача, выпилъ, ни сколько не колеблясь, и подалъ Филиппу письмо Парменіона. Филиппъ не могъ

читать его безъ негодованія, но неограниченная довѣренность царя утѣшила его и вознаградила за ужасное обвиненіе.

Въ самомъ дѣлѣ, спустя нѣсколько дней, Александръ могъ уже показаться войску: оно встрѣтило его съ восторгомъ и съ изъявленіемъ готовности на новые подвиги.

Едва Александръ оправился отъ болѣзни, какъ получилъ извѣстіе, что Дарій идетъ на него съ многочисленнымъ войскомъ. Дарій думалъ, что ему стоитъ только явиться, чтобъ уничтожить Македонянъ: льстецы, окружавшіе его, безпрестанно твердили ему, что онъ могущественнѣе всѣхъ царей земныхъ, и что нѣтъ человѣка, который бы дерзнулъ противостать ему.

Никогда не бывало войска, подобнаго даріеву, по богатству одежды и вооруженія. При немъ везли несмѣтныя царскія сокровища и драгоцѣнности.

Сначала шелъ сильный отрядъ воиновъ, въ парчевыхъ одеждахъ, въ золотыхъ ожерельяхъ; за ними слѣдовала цѣлая толпа вождей, называемыхъ «царскими братьями», въ блестящихъ, драгоцѣнныхъ одеждахъ, приличныхъ болѣе женщинамъ, нежели воинамъ. Царь сидѣлъ на

превосходной колесницѣ, украшенной золотомъ и алмазами, запряженной отличнѣйшими конями. Богатство упряжи и колесницы, множество драгоцѣнныхъ камней, которыми были унизаны царская мантія, тіара и оружіе, превосходятъ всякое описаніе.

За царскою колесницей, подъ прикрытіемъ особаго отряда воиновъ въ блестящемъ вооруженіи, ѣхала мать даріева Сизигамба, и супруга его, царица Статира, въ великолѣпныхъ колесницахъ, въ сопровожденіи множества знатныхъ персскихъ женщинъ, ѣхавшихъ верхомъ на прекрасныхъ лошадяхъ; царскія дѣти ѣхали въ большихъ крытыхъ колесницахъ съ своими наставниками и многочисленною прислугой.

Въ сравненіи съ такимъ блескомъ персскаго двора и войска, македонское войско должно было казаться бѣднымъ и ничтожнымъ; въ немъ не было видно ни шитья, ни алмазовъ; люди и лошади покрыты были желѣзомъ; каждый воинъ могъ только гордиться достоинствомъ и блескомъ своего оружія.

Оба войска, столь различныя между собой, встрѣтились при городѣ Иссѣ.

Здѣсь-то произошла кровопролитная битва, въ которой Александръ показалъ необыкновенную

храбрость и искусство. Дарій, видя совершенное пораженіе своего войска, долженъ былъ сойти съ своей колесницы и сѣсть на коня, чтобъ избѣжать плѣна, или смерти. Персскій царь, а за нимъ и его войско обратились въ бѣгство. Даріева мать, жена и дѣти, со всѣми его сокровищами, достались побѣдителю.

Александръ, обрадованный великою побѣдой, показалъ себя, въ отношеніи плѣнныхъ, столько же милостивымъ и великодушнымъ, сколько былъ страшенъ для нихъ въ сраженіи; онъ самъ навѣстилъ двухъ плѣнныхъ царицъ, чтобъ утѣшить ихъ въ несчастіи. Когда онѣ упали къ ногамъ его, по восточному обыкновенію, онъ поспѣшилъ поднять ихъ и приказалъ оказывать имъ въ своемъ станѣ такія же почести, какія приличны царицамъ. Такимъ человѣколюбіемъ Александръ болѣе заслужилъ имя «Великаго», нежели множествомъ побѣдъ.

Между тѣмъ Дарій, гонимый страхомъ, бѣжалъ безостановочно въ самыя отдаленныя области и спѣшилъ собрать новое войско.

Но Александръ не преслѣдовалъ Дарія, а занялся покореніемъ страны по берегамъ Средиземнаго-моря. Финикійскіе города, процвѣтавшіе торговлею, сдавались ему безъ сопротивленія;

только могущественный Тиръ не хотѣлъ покориться. Тиръ находился на островѣ; стѣны его были высоки и крѣпки; магазины его были наполнены хлѣбомъ и всѣми снарядами для войны на сушѣ и на морѣ. Не смотря на все это, Александръ осадилъ городъ и послѣ семимѣсячной самой упорной обороны взялъ его и разрушилъ до основанія; жители частію погибли въ битвахъ, частію проданы въ неволю.

Во время побѣдоноснаго похода, Александръ посѣтилъ Іерусалимъ и его храмъ, въ которомъ первосвященникъ Іоддай, извѣстный вамъ изъ Священной Исторіи, показалъ ему пророчество Даніила, предвѣщавшее прибытіе и могущество Александра, и такимъ образомъ спасъ Іерусалимъ отъ бѣдствій, которыми грозило приближеніе македонскаго войска.

ПРЕДѢЛЫ ЗАВОЕВАНІЙ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

332 — 326 г. до Р. Х.

Прошедши Израильскую-землю, Александръ вступилъ въ Египетъ и легко овладѣлъ имъ: персскій сатрапъ, управлявшій этою страной, не оказалъ никакого сопротивленія: онъ боялся ненависти Египтянъ, которые дѣйствительно съ радостью покорились Александру. Онъ прибылъ въ Мемфисъ, почтилъ жертвоприношеніемъ боговъ египетскихъ и всѣ тамошнія учрежденія оставилъ безъ измѣненія. При одномъ изъ устій Нила онъ основалъ городъ, населилъ его Греками и назвалъ Александріей. Этотъ городъ сдѣлался въ послѣдствіи весьма знаменитымъ въ исторіи; черезъ него производилась торговля трехъ частей свѣта: Азіи, Африки и Европы, т. е. всѣ товары, которыми каждая часть свѣта снабжаетъ другія, привозились въ Александрію, и уже тамъ продавались. Разумѣется, что тысячи кораблей приплывали въ александрійскую гавань, а изъ внутренности Африки, Аравіи и Персіи

приходили огромнѣйшіе караваны на верблюдахъ. Городъ населился, обстроился великолѣпными зданіями и разбогатѣлъ чрезвычайно. Это показываетъ, что Александръ, по необыкновенному уму своему, выбралъ самое выгодное мѣсто для города.

Изъ Мемфиса предпринималъ онъ чрезвычайно-трудное путешествіе въ Ливійскую-степь, гдѣ на оазисѣ находился знаменитый храмъ, посвященный богу Аммону.

Съ довольно большимъ отрядомъ войска и съ запасомъ воды въ кожаныхъ мѣхахъ, какіе и теперь употребляются въ нѣкоторыхъ странахъ для перевозки вина, навьюченнымъ на верблюдахъ, Александръ пустился въ неизмѣримыя равнины, покрытыя раскаленнымъ пескомъ и населенные только львами, камелопардами и другими дикими животными, которыя могутъ пробѣгать съ быстротою обширныя пространства, перенося голодъ и жажду.

Вы, безъ-сомнѣнія, помните разсказъ о погибели ксерксова войска въ ужасныхъ африканскихъ пустыняхъ. Александръ былъ счастливѣе. Ему удалось достигнуть храма аммонова. Тамъ жрецы оказали царю величайшую почесть и признали его сыномъ Юпитера. Многіе упрекаютъ

Александра за то, что онъ предпринялъ опасный походъ изъ пустаго любопытства и тщеславія, и до того былъ уже ослѣпленъ гордостью, что не отвергнулъ названія юпитерова сына. Однако жъ гордость была не главною причиной такого поведенія; вѣроятно, Александръ хотѣлъ утвердить въ умахъ Азіятцовъ то мнѣніе, что судьба назначила ему быть ихъ повелителемъ.

Изъ Египта обратился Александръ опять противъ Дарія, который снова собралъ въ Ассиріи сильное войско. Евфратъ и Тигръ, большія рѣки Азіи, не могли остановить Александра.

Дарій отправилъ къ нему пословъ просить мира; но царь македонскій, избалованный счастіемъ, принялъ ихъ съ высокомѣріемъ и велѣлъ имъ сказать своему государю, что въ мірѣ не могутъ быть ни два солнца, ни два повелителя. Дарій, потерявъ надежду на примиреніе, увидѣлъ необходимость еще разъ испытать счастіе въ битвѣ съ неумолимымъ непріятелемъ.

Между городами Арбеллами и Гавгамеллою (*) произошло сраженіе, рѣшившее участь Персской

(*) Гдѣ Дарій-Гистаспъ построилъ великолѣпное зданіе для верблюда, послѣ скиѳскаго похода.

монархіи и, можетъ быть, цѣлаго міра. Дарій былъ совершенно разбитъ; изъ всей его арміи спаслось самое малое число воиновъ; несмѣтная добыча досталась побѣдителямъ. Еще большія богатства нашли они въ главныхъ городахъ: Вавилонѣ, Сузѣ и Персеполѣ (Пассаргадѣ).

Когда Александръ въ торжествѣ приближался къ Вавилону, всѣ стѣны этого обширнаго города были покрыты народомъ, желавшимъ видѣть своего новаго государя; вся дорога была усыпана цвѣтами, вездѣ возвышались жертвенники, на которыхъ курились всякаго рода благоуханія. Сатрапъ вавилонскій вышелъ на встрѣчу Александру и положилъ къ стопамъ его ключи города; потомъ предложилъ великолѣпные дары, между которыми были красивыя лошади, львы, барсы и множество другихъ дикихъ животныхъ, запертыхъ въ желѣзныхъ клѣткахъ.

Побѣдитель, сопровождаемый восклицаніями народа, торжественно въѣхалъ въ Вавилонъ на своемъ Букефалѣ. Въ эту минуту Александръ былъ могущественнѣйшимъ въ мірѣ монархомъ; но мы скоро увидимъ, что такое счастіе совершенно ослѣпило его разумъ.

Пробывъ нѣсколько дней въ Вавилонѣ, Александръ поспѣшилъ въ другой знаменитый городъ, Сузу. Здѣсь Македоняне нашли царскія сокровища и много вещей, вывезенныхъ изъ Греціи Ксерксомъ, между прочимъ статуи Гармодія и Аристогитона. Александръ отослалъ эти статуи въ Аѳины, чтобы напомнить Грекамъ, что онъ побѣдами своими мститъ Персамъ за ксерксово нашествіе. Изъ Сузы двинулся онъ къ священному для Персовъ городу Персеполю, гдѣ находились гробницы царей ихъ. Тамъ онъ также нашелъ великія богатства и раздѣлилъ ихъ своимъ воинамъ; но вмѣсто того, чтобы мирно наслаждаться спокойствіемъ послѣ столькихъ побѣдъ и трудовъ, онъ предался роскоши и съ утра до вечера веселился съ друзьями.

Однажды, пируя такимъ образомъ, Александръ сильно опьянѣлъ и лишился употребленія разсудка; въ такомъ состояніи онъ схватилъ горящій свѣтильникъ и зажегъ дворецъ, отчего произошелъ ужасный пожаръ, обратившій Персеполь въ кучу пепла. До такой степени испортили Александра низкіе льстецы и постоянное счастіе!

Между тѣмъ Дарій, почти всѣми оставленный, бѣжалъ къ самымъ отдаленнымъ предѣламъ

своей монархіи. Въ это время одинъ гнусный измѣнникъ изъ его военачальниковъ, по имени Бессъ, видя своего государя въ несчастіи, обезоружилъ его и взялъ подъ стражу, надѣясь сдѣлаться царемъ на мѣсто Дарія; но злодѣй жестоко обманулся: Александръ устремился преслѣдовать его.

Доведенный до крайности Бессъ, чтобъ облегчить свое бѣгство, рѣшился совершить ужасное преступленіе, цареубійство. Дарію нанесли нѣсколько тяжкихъ ранъ и оставили на дорогѣ, безъ помощи, одного въ повозкѣ. Воины Александра, слѣдуя за Бессомъ по пятамъ, нашли истекающаго кровью Дарія; онъ умеръ на рукахъ Македонянъ: при немъ не было ни матери, ни жены, ни дѣтей, ни одного изъ подданныхъ. Ужасное одиночество! За нѣсколько минутъ передъ смертью, онъ попросилъ воды, и сказалъ Македонянину, утолившему его жажду: «Другъ мой! сожалѣю болѣе всего о томъ, что не могу отплатить тебѣ за благодѣяніе; но увѣренъ, что Александръ наградитъ тебя, а боги наградятъ Александра за великодушное обращеніе съ моимъ семействомъ. Здѣсь, черезъ тебя подаю ему правую руку!» Съ этими словами окончилась жизнь государя, еще недавно повелѣвавшаго

почти всею Азіей! Вслѣдъ за тѣмъ прискакалъ и Александръ. Завоеватель, тронутый бѣдственною участію Дарія, приказалъ бальсамировать тѣло монарха, по обыкновенію восточныхъ царей, и отправить къ матери его Сизигамбѣ, которая и похоронила его съ честію.

Измѣнникъ Бессъ получилъ возмездіе за свое злодѣйство: черезъ нѣсколько времени онъ попался живой въ руки Македонянъ. Александръ предалъ его казни, которой одно описаніе привело бы васъ въ ужасъ.

Александръ продолжалъ свой походъ къ Каспійскому-морю, и потомъ до рѣки Яксарта; побѣдилъ воинственныя племена, жившія въ этихъ странахъ, и сражался съ Скиѳами за Яксартомъ. Эти бѣдные, но храбрые народы не разъ уже разоряли богатыя азіятскія государства, какъ напримѣръ Мидію при Ціаксарѣ. Чтобъ безопасно наслаждаться жизнію въ Сузѣ и Вавилонѣ, Александръ почелъ необходимымъ привести въ страхъ сѣверныхъ варваровъ и основать на предѣлахъ своихъ завоеваній нѣсколько городовъ. Въ нихъ поселены были воины, сдѣлавшіеся неспособными къ дальнѣйшимъ походамъ.

Разсказываютъ, будто Скиѳы посылали къ Александру пословъ и одинъ изъ нихъ сказалъ

между прочимъ царю: «Если бъ боги дали тебѣ тѣло, соразмѣрное твоему властолюбію, то цѣлой вселенной было бы для тебя мало ... Чего ты хочешь отъ насъ? Никогда нога наша не была на землѣ твоей; мы не хотимъ никѣмъ повелѣвать, но не хотимъ также никому повиноваться... Ты говоришь, что пришелъ истребить грабителей; но ты самъ величайшій грабитель на землѣ и безпрестанно ищешь новой добычи... Если ты богъ—дѣлай добро людямъ; если человѣкъ --то не забывай этого, и разсуди, что для тебя полезнѣе — видѣть въ насъ друзей, или враговъ?»

Утвердивъ предѣлы своей монархіи на Яксартѣ, Александръ рѣшился идти въ Индію. Эта обширная страна составляетъ самую южную часть Азіи; она окружена морями и только одною стороной примыкаетъ къ другимъ азіятскимъ землямъ. Немногія страны могутъ равняться съ Индіею по красотѣ, богатству и разнообразію произведеній природы. Съ древнѣйшихъ временъ всѣ народы, занимавшіеся торговлею, стремились войти въ сношенія съ Индіей, чтобъ получать оттуда рѣдкіе товары и драгоцѣнные камни, какихъ нигдѣ не находили. Греки знали Индію только по слухамъ и представляли ее страною чудесъ и неисчерпаемыхъ сокровищъ. Все это

манило Александра довершить свои завоеванія покореніемъ этой страны, которая, какъ тогда думали, составляла предѣлы земли.

Побѣдоносно прошелъ Александръ до рѣки Инда, бывшей нѣкогда границами владѣній Кира и Семирамиды; потомъ достигъ рѣки Гидаспа, гдѣ встрѣтилъ его съ сильнымъ войскомъ одинъ изъ индійскихъ государей (раджей), Поръ. Войско Пора было тѣмъ страшнѣе, что въ немъ находилось множество военныхъ колесницъ и слоновъ, пріученныхъ къ войнѣ; на спинѣ ихъ утверждались деревянныя башни для помѣщенія вооруженныхъ воиновъ. Но искусство и хитрость Александра и храбрость его страшной фаланги одержали побѣду; самъ Поръ взятъ въ плѣнъ и представленъ передъ царя македонскаго. Когда Александръ спросилъ царственнаго плѣнника: «Какъ поступать съ нимъ?»—«Какъ съ царемъ», отвѣчалъ Поръ съ твердостью. Побѣдитель, удивленный такимъ величіемъ въ несчастіи, нетолько возвратилъ Пору царство, но присоединилъ къ нему многія сосѣднія области и взамѣнъ требовалъ отъ него только дружбы.

Въ сраженіи съ Поромъ, палъ весь покрытый ранами Букефалъ, носившій на себѣ Александра во всѣхъ походахъ. Царь, въ память сотовари-

ща своихъ подвиговъ, воздвигъ ему великолѣпную гробницу и основалъ на самомъ берегу Гидаспа большой городъ, назвавъ его Букефалією.

Александръ шелъ все далѣе. Послѣ взятія и разрушенія крѣпкаго и многолюднаго города Сангалы, онъ готовился переправиться черезъ рѣку Гиѳазъ; но на этотъ разъ войско, значительно уже уменьшившееся отъ битвъ, болѣзней и утомленія, отказалось идти далѣе въ неизвѣстныя земли. Александръ тщетно обѣщалъ великія награды, употреблялъ просьбы и угрозы, чтобы заставить вождей и воиновъ за собою слѣдовать. Наконецъ, онъ рѣшился возвратиться. На берегу Гиѳаза (*), въ память своего похода, онъ велѣлъ воздвигнуть двѣнадцать каменныхъ жертвенниковъ, превосходившихъ величиною самыя огромныя крѣпостныя башни. Въ то время, когда жертвенники курились въ благодарность богамъ, на равнинѣ происходили воинскія игры. За тѣмъ войска воротились къ Гидаспу. Александръ приказалъ собрать и построить множество судовъ. Флотъ этотъ, подъ начальствомъ Неарха, поплылъ внизъ по Гидаспу, а потомъ по Инду; остальное войско шло по бе-

(*) Между Дели и Лахоромъ.

регу. Такимъ образомъ Александръ достигъ Индійскаго-океана. Видъ открытаго, необозримаго пространства водъ изумилъ и обрадовалъ завоевателя, который съ гордостью думалъ, что достигъ наконецъ предѣловъ земли.

Неарху дано было трудное порученіе плыть съ флотомъ, придерживаясь береговъ, въ Персидскій заливъ. Плаваніе этого отважнаго мореходца продолжалось болѣе пяти мѣсяцовъ, пока онъ достигъ устій Евфрата и Тигра.

Самъ Александръ съ сухопутнымъ войскомъ отправился въ Сузу; но нестерпимые жары, голодъ и жажда истребили большую часть его войска на трудномъ пути черезъ степи.

СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

за 323 г. до Р. Х.

Возвратившись въ Персію, Александръ занялся устройствомъ своего огромнаго государства и распространеніемъ греческаго образованія. Онъ старался сдружить какъ можно тѣснѣе побѣдителей съ побѣжденными, т. е. Македонянъ съ Персами. Для этого онъ приближалъ къ себѣ Персовъ,

поощрялъ браки Македонянъ съ дочерьми ихъ, самъ былъ женатъ на княжнѣ Роксанѣ, и потомъ вступилъ въ бракъ съ старшею дочерью Дарія-Кодомона, а младшую выдалъ за Эфестіона. Дѣятельность Александра не ослабѣвала; но нравственныя его качества много уже потеряли величія.

Прежде онъ отличался отъ простыхъ воиновъ только блескомъ своего превосходнаго оружія; но когда побѣды и завоеванія доставили ему несмѣтныя богатства, вздумалъ онъ подражать Персамъ, сталъ являться народу въ великолѣпной одеждѣ, отдалилъ отъ себя лучшихъ друзей, потому-что не хотѣлъ уже слышать отъ нихъ правды, а набралъ придворныхъ изъ чужестранцовъ, низкихъ ласкателей, которые во всемъ старались угождать ему безпрекословно.

Все это возбуждало сильное негодованіе въ Македонянахъ. Еще до похода въ Индію, Филотъ, сынъ славнаго Парменіона, обвиненъ былъ въ злоумышленіи противъ царя, и казненъ. При допросѣ и пыткѣ, несчастный юноша наговорилъ и на отца. Царь приказалъ тайно умертвить заслуженаго полководца, любимаго всѣмъ войскомъ. Вскорѣ такая же участь постигла философа Каллисѳена, ученика аристотелева, кото-

рый сопровождалъ Александра въ походахъ. Куда же дѣлось великодушіе царя македонскаго? Оно было ужѐ подавлено безумною гордостью и опасеніемъ за свою жизнь, которое родилось въ царѣ, когда онъ потерялъ прежнюю безграничную любовь Македонянъ.

Въ числѣ полководцовъ александровыхъ былъ Клитъ, который въ сраженіи на берегахъ Граника спасъ царю жизнь. Замѣтивъ, что Персъ готовился изрубить Александра, Клитъ такъ сильно ударилъ мечемъ по рукѣ непріятельскаго воина, что отсѣкъ ее совершенно. Царь всегда сохранялъ къ этому храброму полководцу чувство дружбы и признательности. Но однажды, на пиру, Клитъ дерзскими насмѣшками до того раздражилъ Александра, что онъ, въ порывѣ бѣшенства, поразилъ его смертельно мечемъ.

Невозможно описать стыда и горести Александра: нѣсколько дней и ночей онъ оплакивалъ свое преступленіе и до конца жизни чувствовалъ упреки совѣсти. Клитъ любилъ Александра и Александръ не былъ отъ природы злодѣемъ; все несчастіе произошло оттого, что разсудокъ у обоихъ былъ помраченъ виномъ: пиры македонскаго государя не отличались уже ни воздержностью, ни пристойностью.

Вскорѣ смерть похитила у Александра еще двухъ человѣкъ, очень къ нему близкихъ, Эфестіона и Калана. Въ Эфестіонѣ Александръ потерялъ самаго искренняго друга. Ни съ чѣмъ нельзя было сравнить горести осиротѣвшаго царя: три дня онъ оставался безъ пищи, отвергалъ всѣ утѣшенія и приказалъ трупъ своего друга сжечь въ Вавилонѣ, на великолѣпнѣйшемъ кострѣ, съ божескими почестями. Индіецъ Каланъ безотлучно находился при Александрѣ со времени индійскаго похода. Это былъ браминъ, достигшій глубокой старости. Прежде, чѣмъ разскажу о смерти индійскаго мудреца, я долженъ дать вамъ понятіе: что такое браминъ? Слушайте-жъ.

Въ Индіи, какъ и въ древнемъ Египтѣ, народъ раздѣлялся на касты, или такія сословія, для которыхъ занятія и образъ жизни опредѣлялись законами, такъ-что никто уже не могъ выйти изъ своей касты и перейти въ другую. Каждый оставался въ томъ сословіи, къ которому принадлежали его предки. Это раздѣленіе сохранилось въ Индіи до сихъ поръ.

Главныхъ кастъ четыре: «брамины» (брахманы), или жрецы бога Брамы; «кжатріи», или воины; «вансіасы», или ремесленники, и «суд-

расы», или слуги. Особую, отверженную касту, составляютъ «паріи», съ которыми запрещено всякое сообщеніе другимъ кастамъ; этихъ несчастныхъ всѣ почитаютъ нечистыми и даже взглядъ на нихъ принимаютъ за оскверненіе.

Цари индійскіе (раджи) всегда происходили изъ касты воиновъ; но они обязаны избирать ближайшихъ своихъ совѣтниковъ изъ браминовъ, которые должны быть также учителями народными, философами, судьями, врачами.

Для каждой касты установлены и особые погребальные обряды. Почетныя касты сжигаютъ трупы, а простой народъ погребаетъ покойниковъ въ землю.

Старецъ Каланъ, чувствуя приближеніе смерти, озаботился о своемъ погребеніи; какъ браминъ, онъ не хотѣлъ, чтобъ трупъ его зарыли въ землю, а потому рѣшился за-живо сжечь себя на кострѣ и просилъ у Александра на то позволенія. Царь никакими убѣжденіями не могъ отклонить Калана отъ его намѣренія.

Приготовили большой и высокій костеръ. Ослабѣвшаго Калана торжественно принесли и положили на костеръ. Браминъ съ совершеннымъ спокойствіемъ прощался съ друзьями, раздарилъ имъ уборы и ковры, которыми былъ украшенъ

костеръ; потомъ легъ навзничь и велѣлъ зажечь костеръ. Раздались звуки трубъ, македонское войско отвѣчало на нихъ воинскимъ крикомъ; Индіецъ, съ веселіемъ на лицѣ, пѣлъ гимнъ посереди пламени.

Александръ не хотѣлъ быть свидѣтелемъ смерти друга, но посѣтилъ Калана прежде. Однако жъ браминъ не простился съ нимъ, а сказалъ: «Опять увидимся въ Вавилонѣ». Предсмертныя слова старца показались Грекамъ предсказаніемъ близкой смерти царя и произвели грустное впечатлѣніе въ душѣ самаго Александра.

Были и другія неблагопріятныя предвѣстія; однако Александръ возвратился въ Вавилонъ, и чтобъ разсѣять печаль свою предался неумѣренно празднествамъ. Въ одной изъ поѣздокъ по Евфрату, онъ внезапно занемогъ. Лихорадка, усиленная неумѣреннымъ употребленіемъ вина, прекратила дни его на тридцать-третьемъ году отъ-роду, когда онъ задумывалъ совершить еще многое.

Было предсказано македонскимъ вельможамъ, что тотъ изъ нихъ, кто похоронитъ тѣло завоевателя, будетъ его наслѣдникомъ. Птоломей, сынъ полководца Лага, которому Александръ далъ въ управленіе Египетъ, перенесъ тѣло царя

въ Александрію, и тамъ воздвигъ ему великолѣпную гробницу.

Въ тотъ самый день, когда Александръ скончался въ Вавилонѣ, Діогенъ умеръ въ Коринѳѣ. Судьба какъ будто хотѣла сблизить двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ проводилъ жизнь свою въ бочкѣ, а другой находилъ для себя тѣснымъ цѣлый міръ.

По смерти Александра, обширная монархія, имъ созданная, раздробилась на нѣсколько отдѣльныхъ частей, въ которыхъ верховную власть присвоили себѣ его прежніе полководцы, принявшіе въ послѣдствіи времени названіе царей.

ПРЕЕМНИКИ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

323 — 305 г. до Р. Х.

Александръ Великій не сдѣлалъ никакого распоряженія о наслѣдствѣ престола. Послѣ него остался только братъ (отъ другой матери), Арридей, человѣкъ слабоумный и вовсе неспособный къ правленію; однако жъ его возвели

на престолъ, какъ ближайшаго родственника великаго государя. Но спустя нѣсколько мѣсяцовъ, когда Роксана, вдова Александра-Великаго, родила сына, названнаго также Александромъ, провозгласили и его царемъ, вмѣстѣ съ дядею его, Арридеемъ.

Два царя, одинъ слабоумный, а другой дитя, не могли править такою обширною монархіей, какую оставилъ Александръ-Великій. По этому правителемъ государства назначенъ Пердикка, одинъ изъ полководцовъ александровыхъ, отличавшійся умомъ и мужествомъ. Самъ Александръ такъ уважалъ его, что при смерти вручилъ ему свой перстень.

Вторымъ по немъ былъ правитель Египта Лагъ, котораго Александръ любилъ, какъ брата; потомъ слѣдовали: Антипатръ, Селевкъ, Лизимахъ, Антигонъ и Эвменъ, славившійся больше всѣхъ товарищей честностью и воинскими дарованіями. Пердикка каждому изъ нихъ поручилъ въ управленіе отдѣльныя области, надѣясь, что всѣ останутся довольными; но онъ обманулся: честолюбивые полководцы захотѣли изъ подчиненныхъ правителей сдѣлаться царями. Вспыхнула ужасная междоусобная война, и Пердикка, напавшій на Птоломея-Лага погибъ

отъ руки своихъ воиновъ въ Египтѣ. Вскорѣ потомъ и Эвменъ, постоянно державшій сторону Арридея и Александра, былъ измѣннически выданъ войскомъ Антигону, прежнему своему другу, и подвергся казни. Честолюбіе часто заглушаетъ всѣ благородныя человѣческія чувствованія.

Въ этихъ гибельныхъ междоусобіяхъ, никто, однако жъ, не дерзалъ еще пролить кровь родственниковъ Великаго Александра. Первый примѣръ былъ поданъ женщиною.

Въ то время была еще жива Олимпіада, мать завоевателя, женщина гордая, жестокая и властолюбивая. Еще при Филиппѣ она уѣхала въ Эпиръ, къ брату своему, царю эпирскому. Смуты, происшедшія по смерти ея сына, подали ей случай возвратиться въ Македонію. Она приказала умертвить слабаго Арридея, съ женою его Эвридикою, и еще болѣе ста знатнѣйшихъ Македонянъ; но скоро и сама попалась въ руки Кассандра, сына антипатрова, человѣка безжалостнаго и жестокаго, который осудилъ ее на смерть за убійства, совершенныя по ея волѣ.

Кассандръ, захвативъ также Роксану съ ея сыномъ Александромъ, посадилъ ихъ въ тѣсную темницу, и въ скоромъ времени приказалъ умертвить (за 311 л. до Р. Х.).

Не прошло еще двѣнадцати лѣтъ послѣ смерти Александра Великаго, и уже никого не осталось изъ его семейства; наслѣдство царя-завоевателя разорвали на клочки прежніе его сподвижники, какъ хищные волки свою добычу. Многіе изъ нихъ погибли, другіе объявили себя царями: Антигонъ въ Азіи (владѣя Малою-Азіей, Сиріей, Мидіей и другими областями), Птоломей въ Египтѣ, Селевкъ въ Вавилонѣ, Кассандръ въ Македоніи, Лизимахъ во Ѳракіи. Только судьба Греціи оставалась нерѣшенною. Ни одинъ полководецъ не выводилъ своихъ войскъ изъ греческихъ городовъ, которые успѣлъ захватить.

У Антигона былъ сынъ Димитрій, подобно ему храбрый и искусный въ военномъ дѣлѣ, особенно въ осадѣ городовъ. За изобрѣтательность свою въ устройствѣ разныхъ осадныхъ машинъ для бросанія камней, копій, стрѣлъ, для разбиванія стѣнъ и проч., онъ получилъ прозваніе Поліоркета, «осаждателя». Ему поручилъ Антигонъ возстановить свободу греческихъ городовъ, или лучше сказать, отнять ихъ у другихъ полководцовъ.

Димитрій съ флотомъ прибылъ въ Аѳины, возобновилъ въ нихъ народное правленіе и, казалось, хотѣлъ привесть городъ въ прежнее цвѣ-

Колосъ Родосскій.

тущее состояніе (за 307 л. до Р. Х.). Аѳиняне были чрезвычайно обрадованы. Они дали Димитрію и отцу его царскій титулъ, поставили имъ статуи на ряду съ статуями Гармодія и Аристогитона, признали ихъ своими богами-покровителями и наконецъ постановили на будущее время вопрошать ихъ, какъ божественныхъ оракуловъ. Такое унизительное изъявленіе благодарности доказало, что Аѳиняне потеряли свой благородный образъ мыслей и были уже недостойны и неспособны пользоваться независимостью.

КОЛОССЪ РОДОССКІЙ.

305 — 301 до Р. Х.

Между тѣмъ Антигонъ задумалъ подчинить себѣ Египетъ и послалъ Димитрія противъ острова Родоса, лежащаго на Средиземномъ морѣ, не вдалекѣ отъ береговъ Азіи. Родосцы, покоренные Александромъ-Великимъ, отложились послѣ его смерти и составили независимое владѣніе. Для безопасности своей и для торговыхъ

выгодъ они вступили въ союзъ съ Птоломеемъ-Египетскимъ.

Димитрій, явившись съ флотомъ передъ городомъ Родосомъ, потребовалъ отъ жителей войска и денегъ противъ Птоломея. Родосцы сначала старались просьбами отклонить требованія Димитрія; но онъ не уважилъ ихъ, осадилъ городъ съ суши и съ моря, установилъ свои замысловатыя машины и началъ ими дѣйствовать. Хотя Димитрій истощилъ все свое искусство, однако Родосцы цѣлый годъ защищались съ невѣроятными усиліями и постоянствомъ. Между тѣмъ Птоломей подоспѣлъ къ нимъ на помощь, и Димитрій принужденъ былъ снять осаду и признать независимость Родоса. Родосцы выпросили также у него въ подарокъ нѣсколько осадныхъ машинъ, а въ признательность къ Птоломею прозвали его Сотеромъ, «спасителемъ», и поклялись никогда не поднимать противъ него оружія.

Чтобы передать потомству память о знаменитой осадѣ, Родосцы положили воздвигнуть огромнѣйшую статую въ честь бога Аполлона, котораго почитали своимъ покровителемъ и защитникомъ. Всѣ снаряды, оставшіеся послѣ осады, вся мѣдь, желѣзо и другіе металлы отъ военныхъ

машинъ были проданы, иностраннымъ купцамъ, и на вырученныя деньги воздвигнута, при входѣ въ гавань, мѣдная статуя Аполлона. Она была такъ огромна, что самые большіе тогдашніе корабли на всѣхъ парусахъ могли входить въ гавань между ногами истукана; каждый его палецъ былъ съ человѣка, а большаго пальца на ногѣ никто не могъ охватить обѣими руками.

Этотъ памятникъ обыкновенно называютъ «Колоссомъ-Родосскимъ»; онъ причислялся Древними къ семи чудесамъ свѣта, къ которымъ принадлежали: египетскія пирамиды, стѣны и висячіе сады вавилонскіе, діанинъ храмъ въ Эфесѣ и фидіева статуя Юпитера-Олимпійскаго. О всѣхъ этихъ памятникахъ мы уже говорили; объ одномъ, который находился въ Александріи и назывался «фаросомъ», вы скоро услышите; наконецъ седьмымъ чудомъ почитался «Мавзолей», надгробный памятникъ, воздвигнутый карійскою (*) царицею Артемидою, въ честь ея супруга Мавзола (за 350 л. до Р. Х.). Надъ сооруженіемъ Мавзолея трудились знаменитѣйшіе греческіе художники; отъ него-то всѣ надгробные памятники и теперь называются «мавзолеями»

(*) Карія—часть Малой-Азіи.

Колоссъ-Родосскій былъ воздвигнутъ ваятелемъ Харесомъ, ученикомъ Лисиппа; онъ работалъ сряду 12 лѣтъ. Но памятникъ, не смотря на свою огромность и прочность, былъ недолговѣченъ: страшное землетрясеніе разрушило многіе города въ Азіи (за 222 г. до Р. Х.) и не пощадило Колосса. Памятникъ, раздробленный въ куски, обрушился въ море, простоявъ только 56 лѣтъ; но и развалины его приводили путешественниковъ въ изумленіе.

Спустя 900 лѣтъ, одинъ арабскій завоеватель, покоривъ Родосъ, приказалъ вынуть изъ моря обломки Колосса и продалъ эту мѣдь Жидамъ. Не смотря на расхищеніе въ теченіе 900 лѣтъ, отъ этой громады уцѣлѣло еще столько металла, что купцы навьючили имъ 980 верблюдовъ!

БИТВА ПРИ ИПСѢ.

за 301 г. до Р. Х.

Честолюбіе Антигона сильно безпокоило его прежнихъ товарищей. Птоломей, Лизимахъ, Селевкъ и Кассандръ соединились противъ него и собрали многочисленное войско. Антигонъ вы-

звалъ къ себѣ на помощь сына, который послѣ осады Родоса возвратился въ Грецію и успѣшно утверждалъ въ ней свою власть. Соединенными силами Антигонъ съ Димитріемъ одержали нѣсколько блистательныхъ побѣдъ; но потомъ, при городѣ Ипсѣ, въ Фригіи, грозные ихъ противники успѣли выставить превосходныя силы; сверхъ того Селевкъ привелъ 480 слоновъ, которыхъ получилъ по мирному договору отъ одного изъ индійскихъ царей. Произошла рѣшительная битва. Антигонъ претерпѣлъ совершенное пораженіе и самъ былъ убитъ на 84 году отъ роду; Димитрій же, не могши собрать остатковъ разбитаго войска, принужденъ бѣжать, и богатое царство азіятское сдѣлалось добычею побѣдителей.

Сраженіе при Ипсѣ окончательно рѣшило судьбу александровой монархіи; спокойствіе и миръ мало-по-малу возстановились и новыя государства получили прочное основаніе.

Птоломей-Лагъ, оставшись обладателемъ Египта, сдѣлался родоначальникомъ длиннаго ряда царей «Лагидовъ».

Селевкъ овладѣлъ царствомъ Сирійскимъ, образовавшимся изъ областей монархіи Персовъ, между Евфратомъ и Индомъ. Цари его династіи

назывались «Селевкидами». Лизимахъ удержалъ Ѳракію съ частью Малой-Азіи. Кассандръ сдѣлался царемъ македонскимъ.

Димитрій-Поліоркетъ изъ всѣхъ своихъ владѣній сохранилъ только островъ Кипръ и нѣсколько городовъ въ Азіи и Греціи.

Въ послѣдствіи, мало-по-малу, образовалось въ Азіи еще нѣсколько государствъ: Пергамъ, Виѳинія, Каппадокія, Понтъ, Арменія, Іудея, Парѳія.

И такъ, междоусобія по смерти Александра-Великаго возвысили многихъ воиновъ, которые, при помощи своихъ воинскихъ дарованій, храбрости и расточительности, поработили народы и заставили ихъ дорого поплатиться за солдатское честолюбіе. Исторія Греціи становится печальною; въ ней рѣдко уже встрѣчаются люди достойные; въ борьбѣ партій погибла нравственность; нахалъ почитался храбрецомъ; лжи не стыдились, клятвами шутили. Цѣлые города, прежде уважаемые всѣми, даже врагами, представляли въ это несчастное время примѣры самаго постыднаго униженія и предательства. Послушайте далѣе.

ДИМИТРІЙ-ПОЛІОРКЕТЪ И АѲИНЯНЕ.

301 — 284 г. до Р. Х.

Димитрій-Поліоркетъ, отправляясь въ Азію, на помощь отцу своему, Антигону, оставилъ жену и дѣтей у Аѳинянъ, которыхъ почиталъ своими друзьями, и былъ увѣренъ, что его семейство будетъ у нихъ въ безопасности. Несчастное сраженіе при Ипсѣ заставило его спасаться бѣгствомъ. Въ крайней опасности онъ надѣялся и самъ найти вѣрное убѣжище въ городѣ, гдѣ такъ недавно воздавали ему божескія почести. Но несчастіе другаго перемѣняетъ людей малодушныхъ: Аѳиняне, унижавшіеся передъ Димитріемъ въ дни его могущества, опасались теперь враговъ его; они не только не пустили въ городъ своего обоготвореннаго благодѣтеля, но выслали даже къ нему жену и дѣтей его, подъ предлогомъ, что они въ Аѳинахъ не безопасны отъ преслѣдованія враговъ Димитрія.

Глубоко-огорченный Поліоркетъ не потерялъ однако жъ мужества. Онъ началъ разъѣзжать по морямъ и нападалъ на земли своихъ непріяте-

лей, пока счастіе снова ему улыбнулось. Тогда, собравъ новое войско, онъ выступилъ противъ Аѳинянъ, которые съ своей стороны также приготовились къ оборонѣ.

Осада съ суши и съ моря заставила Аѳинянъ испытать всѣ ужасы голода; нѣсколько мѣсяцовъ они тщетно надѣялись, что новые союзники выведутъ ихъ изъ крайности; наконецъ принуждены были сдаться Димитрію, хотя и ожидали со стороны его жестокаго мщенія.

Въ самомъ дѣлѣ побѣдитель приказалъ всѣмъ Аѳинянамъ собраться на площадь безъ оружія; тамъ окружили ихъ воины съ обнаженными мечами. Аѳиняне трепетали отъ ужаса, думая, что ихъ ожидаетъ безпощадная казнь. Блѣдность лицъ обнаруживала ихъ внутреннее мученіе. Но великодушный не мститъ несчастному. Димитрій сталъ на возвышеніи, и не съ грознымъ видомъ, а съ кроткою горестью упрекалъ гражданъ въ ихъ неблагодарности; онъ даже не могъ удержать слезъ, при видѣ распростертаго передъ нимъ народа, и сказалъ: «Пусть испытанный вами страхъ будетъ для васъ единственнымъ наказаніемъ! Теперь ступайте по домамъ: пока вы были здѣсь, воины, по моему приказанію, разнесли по домамъ хлѣбъ для вашихъ семействъ.

Мнѣ было бы горестно, если бъ моя побѣда стоила слезъ хотя одному Аѳинянину». Трудно описать общій восторгъ народа: каждый, возвращаясь домой, благословлялъ великодушіе Димитрія.

Удачный оборотъ въ дѣлахъ Димитрія заставилъ его забыть, что счастіе не разъ уже измѣняло ему. Онъ задумалъ возвратить всѣ земли, которыми отецъ его владѣлъ въ Азіи; но, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ и мимолетныхъ успѣховъ, принужденъ былъ отдаться во власть зятя своего Селевка. Селевкъ сослалъ его на житье въ отдаленный замокъ. Скука и праздная жизнь увлекли Димитрія къ неумѣренности въ наслажденіяхъ, которыя въ три года свели его въ могилу. О сынѣ его, Антигонѣ-Гонатѣ, поговоримъ послѣ.

ПТОЛОМЕИ.

301—246 г. до Р. Х.

Птоломей I Сотеръ (или Лагъ) утвердился на египетскомъ престолѣ послѣ сраженія при Ипсѣ и успѣлъ привесть свое государство въ цвѣтущее

состояніе, а кротостью и правосудіемъ заслужилъ любовь народа и довѣренность своихъ сосѣдей.

При немъ, и особенно при сынѣ его Птоломеѣ II Филадельфѣ (Братолюбецъ), Египетъ сдѣлался страною самою образованною и самою богатою по торговлѣ.

Птоломеи приглашали къ себѣ ученыхъ и художниковъ того времени, которые искали убѣжища отъ войнъ и смутъ, раздиравшихъ несчастную Грецію и другія части бывшей александровой монархіи. Въ Александріи собрано огромное число книгъ и составлена библіотека (книгохранилище), первая въ свѣтѣ.

Надо замѣтить, что тогдашнія книги были не печатныя (потому-что тогда книгопечатаніе не было еще изобрѣтено), а писаныя. Бумага дѣлалась изъ болотнаго египетскаго растенія, которое называлось «папирусомъ» и доставляло также пищу бѣдному Египтянину и башмаки жрецу Изиды. Для выдѣлки бумаги, стебель растенія разрѣзывали на тонкія полоски и изъ нихъ приготовляли ткань, на подобіе нашихъ рогожъ; лучшая бумага была бѣла какъ снѣгъ и совершенно гладка, такъ-что полосокъ вовсе нельзя было различать.

Исписанные листы бумаги, «папируса», не сшивались въ томы, какъ нынче, а скатывались въ свертки, которые для чтенія надобно было развивать съ осторожностью. Разумѣется, это было неудобно; при томъ, книги были такъ рѣдки и дороги, что только цари и самые богатые люди могли имѣть по нѣскольку десятковъ книгъ.

Какихъ трудовъ и издержекъ стоило составленіе александрійской библіотеки, когда Птоломеи собрали въ ней до 700,000 свитковъ! Но эта сокровищница была драгоцѣннѣе золота и серебра: въ ней хранились всѣ богатства ума человѣческаго, которыми каждый могъ пользоваться.

Слава александрійской библіотеки была такъ велика, что одинъ изъ царей Азіи (Пергама), Эвменъ, основалъ и у себя подобную библіотеку; но какъ вывозъ папируса изъ Египта былъ нарочно запрещенъ, чтобъ пергамскому царю не на чѣмъ было списывать копіи съ рѣдкихъ сочиненій, то онъ началъ употреблять, вмѣсто папируса, кожу, выдѣланную особеннымъ образомъ, которая получила названіе «пергамена», отъ мѣста выдѣлки.

Къ несчастію, въ Египтѣ произошла война и большая часть огромной библіотеки случайно

сгорѣла, а съ ней погибли и сокровища древнихъ познаній. Потеря невознаградимая!

Изъ остатковъ птоломеевой библіотеки составилась въ томъ же городѣ другая, также замѣчательная библіотека, умноженная значительнымъ числомъ рукописей, собранныхъ въ разныхъ частяхъ свѣта послѣдними государями изъ династіи Лагидовъ. Мы узнаемъ послѣ какая судьба постигла это второе книгохранилище.

Птоломеи украсили столицу свою, Александрію, великолѣпными зданіями и покровительствовали торговлѣ. Въ городѣ было двѣ гавани, въ которыя приходило множество кораблей по Средиземному-морю. При входѣ въ большую гавань, на утесѣ острова Фароса, Птоломей-Филадельфъ построилъ изъ бѣлаго мрамора великолѣпную башню, вышиною около 60 саженей, которая причислялась къ семи чудесамъ свѣта, какъ неподражаемое въ своемъ родѣ произведеніе искусства. На ней всякую ночь разводили огонь для того, чтобъ мореходцы могли безопасно направлять свое плаваніе. Отъ фаросской башни названіе «фароса» перешло на всѣ зданія, которыя служатъ для указанія пути мореплавателямъ въ ночное время. Подобныя зданія встрѣчаются

теперь почти во всѣхъ моряхъ и называются маяками.

Птоломеи долго царствовали въ Египтѣ; всего было 16 царей этого имени; ихъ различаютъ обыкновенно по прозваніямъ. Такъ вы уже знаете, что перваго признательные Родосцы назвали Птоломеемъ-Сотеромъ; сынъ и преемникъ его (умершій за 246 л. до Р. Х.), назывался Птоломеемъ-Филадельфомъ. Былъ еще Птоломей Эвергетъ, «Благодѣтель»; далѣе Птоломей-Филопаторъ, «Отцелюбецъ», и наконецъ Птоломей-Филометоръ, «Матерелюбецъ». Не думайте, впрочемъ, что всѣ они достойны были своихъ прозваній; напримѣръ, Птоломей-Эвергетъ былъ одинъ изъ самыхъ жестокихъ государей своего поколѣнія, а Филопатора даже подозрѣвали въ ускореніи смерти своего отца.

СЕЛЕВКИДЫ.

301 — 217 г. до Р. Х.

Въ то время, какъ Птоломей-Сотеръ утвердился въ Египтѣ, Селевкъ положилъ основаніе царству Сирійскому и также старался привесть

его въ цвѣтущее состояніе. Многіе изъ городовъ, которые онъ построилъ, сдѣлались въ послѣдствіи знаменитыми. Антіохія, населенная сперва Греками, Іудеями, Македонянами и другими народами, въ скоромъ времени стала на высокую степень славы и сдѣлалась столицею основателя. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій она была первымъ городомъ въ Азіи, по величинѣ своей, населенію, богатству и роскоши.

Между властителями разныхъ государствъ, образовавшихся изъ развалинъ александровой монархіи, никогда не было недостатка въ поводѣ къ распрямъ. Такъ и Селевкъ возненавидѣлъ Лизимаха, царя ѳракійскаго, съ которымъ вмѣстѣ сражался прежде противъ Димитрія-Поліоркета.

Враги выступили другъ противъ друга съ многочисленными войсками и сошлись во Фригіи, въ долинѣ Киропедіонъ, «Кирово-поле». Лизимахъ палъ на мѣстѣ битвы, а Селевкъ, назвавшись Никаторомъ, «Побѣдителемъ», сдѣлался обладателемъ царствъ: ѳракійскаго, македонскаго и мало-азійскихъ областей, находившихся подъ властію Лизимаха. Такимъ образомъ царство Сирійское расширилось отъ Греціи до рѣки Инда. Но Селевкъ недолго наслаждался плодами побѣды: изгнанный сынъ царя египетскаго

Птоломея-Сотера, Птоломей, прозванный Керауномъ, «Громомъ» за свой неукротимый нравъ, пронзилъ Селевка мечемъ, при самомъ подножіи алтаря, когда онъ торжественно приносилъ жертву въ храмѣ. Кераунъ провозгласилъ себя царемъ Ѳракіи и Македоніи, а царство Селевкидовъ ограничилось только Азіею. На престолъ его вступилъ сынъ Селевка-Никатора, Антіохъ-Сотеръ (за 280 л. до Р. Х.). Этому царю ничто не удавадось; при немъ Пергамъ отдѣлился отъ Сиріи и Галлы вторглись въ его царство. Объ этомъ народѣ мы будемъ сей-часъ говорить.

Антіохъ II освободилъ жителей города Милета отъ власти тирана и за то получилъ отъ нихъ прозваніе «Ѳеосъ», т. е. Богъ. Вотъ до чего доходитъ ласкательство людей, привыкшихъ къ униженію! Этотъ пожалованный «богъ» затѣялъ войну съ Птоломеемъ-Филадельфомъ, а между тѣмъ Парѳія и Бактрія отдѣлились отъ его владѣній, и онъ едва выпросилъ у египетскаго царя миръ, съ условіемъ жениться на его дочери, Вереникѣ. Царевну привезли къ Антіоху съ несмѣтнымъ приданымъ. Роскошь и прихоть простирались до того, что Вереника не пила никакой воды, кромѣ нильской, которую присылали ей изъ Александріи, въ золотыхъ сосудахъ.

НАШЕСТВІЕ ГАЛЛОВЪ.

281 — 243 г. до Р. Х.

Галлы въ глубокой древности населяли въ Европѣ обширныя земли. Изъ смѣшенія ихъ съ другими племенами въ послѣдствіи времени произошли многіе изъ теперешнихъ народовъ, Французы, Англичане и другіе. Во времена Филиппа-Македонскаго, поселенія галльскаго племени придвинулись къ границамъ Ѳракіи и Македоніи. Здѣсь Галлы вступили въ сношенія съ мелкими греческими царьками и тиранами, служили въ ихъ войскѣ, по найму, за деньги, и наконецъ рѣшились отнять вооруженною рукою то, что получали прежде за труды. Греція, по смерти Александра-Великаго истерзанная междоусобицею, представляла имъ вѣроятную добычу. Галлы выбрали себѣ начальникомъ человѣка, отличавшагося храбростью, умомъ и природнымъ краснорѣчіемъ. Настоящее имя его неизвѣстно. Древніе историки называютъ его Бренномъ; но слово «бреннъ» на галльскомъ нарѣчіи значило «верховный вождь, предводитель». Противъ Македо-

ніи и Греціи Бреннъ послалъ полководца Болга или Белга.

Это случилось въ то самое время, когда Птоломей-Кераунъ черезъ злодѣйство сдѣлался царемъ Ѳракіи и Македоніи. Новый царь выступилъ противъ Галловъ, которыхъ исполинскій ростъ, дикая храбрость и неумолимая жестокость распространяли вездѣ страхъ и отчаяніе. Птоломей также претерпѣлъ пораженіе, фаланга его разсѣяна, слонъ, на которомъ онъ выѣхалъ въ сраженіе, убитъ, а самъ царь, взятый въ плѣнъ, изрубленъ въ куски и голова его воткнута на копье. Увидѣвъ это, обратилась въ бѣгство и та часть македонскаго войска, которая еще сопротивлялась Галламъ. Три мѣсяца Белгъ опустошалъ Ѳракію и Македонію и возвратился во-свояси съ богатою добычей.

На другой годъ самъ Бреннъ повелъ Галловъ въ Грецію. Греки приготовились защищать Ѳермопилы; но Бреннъ успѣлъ раздѣлить ихъ силы и ворвался въ Элладу. Жадность Галловъ къ добычѣ возбуждали особенно слухи о богатствахъ дельфійскаго храма. Бреннъ привелъ свое войско къ Дельфамъ. Цѣлую ночь провели Галлы въ пьянствѣ и на-утро, какъ бѣшеные, бросились на приступъ. Не смотря на мужественную обо-

рону Грековъ, варвары вломились въ городъ и начали грабить аполлоновъ храмъ.

Тогда была осень, и во время битвы разразилась вдругъ одна изъ тѣхъ бурь, которыя нерѣдки въ высокихъ горахъ Греціи. Ливень и градъ, съ громомъ, молніей и землетрясеніемъ, поразили Галловъ страхомъ, а въ Грекахъ возбудили новыя силы; и тѣ и другіе думали, что сами боги вооружились противъ святотатственнаго грабительства. Галлы были прогнаны.

За пагубнымъ днемъ наступила ужасная ночь. Сильный холодъ и выпавшій снѣгъ истребили множество Галловъ. Въ довершеніе бѣдствія, въ лагерѣ ихъ произошла ложная тревога. Испуганные варвары, вскочивъ со сна, схватились за оружіе и въ темнотѣ поражали другъ друга.

На отступленіи къ Ѳермопиламъ самъ Бреннъ былъ раненъ въ схваткѣ съ Греками. Неудача похода привела его въ отчаяніе. Онъ созвалъ главныхъ военачальниковъ и при нихъ передалъ свою власть другому; потомъ спросилъ вина и, напившись до опьянѣнія, вонзилъ себѣ въ грудь кинжалъ. Преемникъ Бренна, по совѣту его, перерѣзалъ 10,000 своихъ больныхъ и раненыхъ, чтобъ только облегчить отступленіе.

Еще при самомъ началѣ похода Бренна, у границъ Македоніи отдѣлились отъ него двое изъ галльскихъ предводителей, Лутгеръ и Леоноръ. Они съ отрядомъ своимъ напали на Ѳракію, грабили ее, но наконецъ сами были разбиты сыномъ Димитрія-Поліоркета, Антигономъ-Гонатомъ, который, по смерти Птоломея-Керауна, сдѣлался царемъ македонскимъ.

Соединившіеся остатки Галловъ переправились черезъ Босфоръ-Ѳракійскій въ Малую-Азію и поселились во внутренности ея, въ странѣ, которая отъ имени ихъ получила названіе Галатіи или Галло-Греціи.

Галлы не успокоились и въ новомъ отечествѣ; они разоряли и грабили сосѣдственныя страны, пока не были разбиты Антигономъ I, который за эту побѣду прозванъ Сотеромъ, «спасителемъ». Послѣ того, своевольный грабежъ промѣняли они на службу по найму въ войскахъ разныхъ азіятскихъ владѣтелей.

АРАТЪ И АХЕЯНЕ.

278 — 243 г. до Р. Х.

Антигонъ-Гонатъ, сдѣлавшись царемъ македонскимъ, задумалъ покорить своей власти и Грецію.

Въ этой несчастной странѣ господствовало ужасное разстройство. Шайки разбойниковъ изъ бѣглыхъ воиновъ и изгнанниковъ производили убійства и грабежи. Въ это время, говоритъ греческій историкъ Плутархъ, всѣ жили добычею. Пользуясь этимъ, Антигонъ-Гонатъ хитростью и силою успѣлъ утвердить свою власть въ нѣкоторыхъ частяхъ Греціи и овладѣлъ Акрокориноѳомъ, т. е. цитаделью Коринѳа. Это была неприступная крѣпость на Коринѳскомъ-перешейкѣ, возвышавшаяся на скалѣ надъ всѣмъ городомъ. Антигонъ поставилъ въ ней сильный македонскій гарнизонъ и всегда могъ, когда хотѣлъ, преградить сообщеніе Пелопоннесцамъ съ прочими Греками.

Чтобъ защитить свободу отъ Македонянъ, Греки еще разъ показали свои усилія. Но уже

не Аѳины, Лакедемонъ и Ѳивы занимали первое мѣсто: они потеряли прежнюю свою силу. Ихъ замѣнила теперь Ахаія, игравшая прежде незначительную ролю.

Двѣнадцать городовъ этой небольшой пелопоннесской области изстари составляли союзъ; но онъ рушился по смерти Александра - Великаго. Опасность со стороны Антигона-Гоната была поводомъ къ возобновленію «Ахейскаго союза». Всѣ города, приставшіе къ нему, почитались равными, и ни одинъ не могъ господствовать надъ другими. На ежегодныхъ собраніяхъ депутатовъ союзныхъ городовъ выбирался предсѣдатель, который назывался «стратегомъ», потому-что начальствовалъ войсками союза. Союзъ возобновили только четыре города; но вскорѣ и другіе послѣдовали ихъ примѣру; особую же важность получилъ ахейскій союзъ, когда стратегомъ его сдѣлался Аратъ.

Аратъ былъ уроженецъ Сикіона, одного изъ самыхъ древнихъ городовъ въ Пелопоннесѣ. Сикіономъ съ давняго времени управляли тираны. Одинъ изъ нихъ умертвилъ отца аратова, Клинія, и бѣдный сирота съ трудомъ былъ спасенъ и воспитанъ въ Аргосѣ.

Безъ сомнѣнія Аратъ не могъ забыть участи отца своего и питалъ сильную ненависть къ тираніи. Достигши двадцатилѣтняго возраста, онъ рѣшился освободить Сикіонъ отъ власти тогдашняго тирана Никоклеса.

Втайнѣ собралъ онъ небольшой отрядъ изъ рабовъ и нѣсколькихъ удальцовъ, нанятыхъ изъ шайки, занимавшейся разбоемъ; осторожно подошелъ къ Сикіону, и на разсвѣтѣ взобрался на городскія стѣны такъ неожиданно, что воины никоклесовы не успѣли взяться за оружіе. Аратъ тотчасъ обратился съ воззваніемъ къ Сикіонянамъ. Народъ толпами сбѣжался и зажегъ домъ тирана, который спасся бѣгствомъ по подземнымъ ходамъ. Такъ Арату удалось, не проливъ капли крови, освободить отечество отъ притѣснителей.

Не смотря на молодость, Аратъ обладалъ рѣдкимъ благоразуміемъ и удивительною твердостью. Онъ присоединилъ Сикіонъ къ ахейскому союзу, и самъ вскорѣ былъ избранъ въ званіе стратега. По его убѣжденію Арголида, Мессенія и почти всѣ города въ Пелопоннесѣ, исключая Спарту, соединились съ Ахеянами и объявили себя противъ царя македонскаго.

Аратъ, по званію ахейскаго стратега, обратилъ вниманіе на грозную крѣпость, Акрокориѳъ, будучи увѣренъ, что взятіе ея послужитъ знакомъ къ освобожденію Греціи отъ ненавистнаго македонскаго ига. Но взять крѣпость было дѣломъ весьма труднымъ: она стояла на скалѣ и къ ней надо было взбираться по крутизнамъ и утесамъ почти неприступнымъ. Аратъ прибѣгнулъ къ хитрости, гдѣ нельзя было взять силою.

Діоклъ, корыстолюбивый, презрѣнный Македонянинъ въ акрокориѳскомъ гарнизонѣ, согласился за большую сумму денегъ показать Арату тропинку, по которой можно было пройти къ той части крѣпости, гдѣ стѣны были не такъ высоки. Чтобъ заплатить измѣннику, ахейскій стратегъ продалъ тайно всѣ свои золотые сосуды и драгоцѣнности жены своей.

Такимъ образомъ, благородный Аратъ купилъ возможность подвергнуть свою жизнь величайшей опасности, для выгодъ отечества и союза.

Благородный поступокъ награжденъ полнымъ успѣхомъ; Діоклъ ночью ввелъ Арата съ отрядомъ Ахеянъ въ цитадель по такой узкой тропинкѣ, что люди шли по ней по-одиначкѣ. Внезапное появленіе ихъ въ крѣпости привело Ма-

кедонянъ въ изумленіе. Воспользовавшись этою минутой, Ахеяне умертвили тѣхъ, которые хотѣли защищаться, другихъ заставили спасаться бѣгствомъ.

Невыразимъ былъ гнѣвъ Антигона-Гоната, когда онъ узналъ, что Коринѳъ, этотъ ключъ къ Пелопоннесу, достался во власть непріятелей, и что города Аттики готовятся вступить въ ахейскій союзъ. Честолюбивый Антигонъ вскорѣ занемогъ и умеръ отъ огорченія (за 242 до Р. Х.).

Мало по малу Аратъ изгналъ тирановъ, поставленныхъ Македонянами въ различныхъ городахъ Пелопоннеса; нѣкоторые изъ нихъ добровольно отказались отъ своей власти.

АГИСЪ И ЛЕОНИДЪ.

243 — 285 до Р. Х.

Гордая Спарта не хотѣла вступить въ союзъ, основанный на равенствѣ соединившихся городовъ. Въ ней, по прежнему, престолъ занимали два царя. Современные Арату цари спартанскіе были совершенно несходны между собою. Лео-

видъ, довольно пожилой человѣкъ, провелъ большую часть своей жизни въ Сиріи, при дворѣ Селевка, и тамъ полюбилъ роскошь и довольство; напротивъ Агисъ III, хотя былъ и моложе его, поставлялъ себѣ за честь являться передъ народомъ въ простой одеждѣ, и за столомъ наблюдалъ строгую умѣренность; словомъ, это былъ настоящій Спартанецъ старинныхъ временъ.

Но въ самой Спартѣ все перемѣнилось. При Ликургѣ всѣ земли республики были раздѣлены по-ровну между 9,000 Спартіатами (горожанами) и 30,000 Лакедемонянами (сельскими жителями). При Агисѣ въ городѣ считалось не болѣе семи сотъ природныхъ жителей или Спартіатовъ, которые заботились единственно о сохраненіи богатствъ, скопившихся въ ихъ рукахъ; прочіе жители Лаконіи были обременены долгами, и большею частью состояли изъ рабовъ и чужестранцовъ.

Великодушный Агисъ съ скорбью смотрѣлъ на бѣдствія народа. Съ согласія нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ Спартанцовъ, онъ предложилъ, въ полномъ собраніи народа, пополнить число Спартіатовъ Лакедемонянами, снова раздѣлить земли на равныя части и уничтожить всѣ долги. Самъ Агисъ подалъ первый примѣръ и

раздѣлилъ все свое имѣніе бѣднымъ. Этотъ благородный поступокъ привелъ въ восторгъ молодыхъ гражданъ, а другимъ не понравился. Царь Леонидъ счелъ своего товарища безразсуднымъ, и не хотѣлъ отказаться отъ своего довольно-значительнаго имѣнія; богатые приняли его сторону; но бѣдные возмутились, лишили его царскаго титула и провозгласили царемъ зятя его Клеомброта, друга агисова.

Вы уже знаете, что у Грековъ всякой человѣкъ, и даже преступникъ, могъ укрываться въ храмѣ отъ преслѣдованія враговъ своихъ. Леонидъ, преслѣдуемый народомъ, скрылся также въ храмъ, откуда не смѣли взять его силою.

Дочь леонидова, Хелонида, при всей нѣжности къ мужу своему, Клеомброту, показала въ высочайшей степени дѣтскую любовь къ несчастному отцу. Оставивъ домъ мужа, провозглашеннаго царемъ, она пошла въ убѣжище къ отцу, и тамъ утѣшала его въ грустномъ одиночествѣ.

Вскорѣ Агисъ долженъ былъ идти на помощь Арату для отраженія набѣгомъ Этолянъ, которые изъ Эллады, перешедши черезъ Коринѳскій перешеекъ, устремились на Ахаію. Всѣ молодые Спартанцы, преданные Агису, послѣдовали

за нимъ. Походъ былъ удаченъ: разбитые Этоляне обратились въ бѣгство.

Пока Клеомбротъ одинъ оставался въ Спартѣ, богачи взялись за оружіе, низвергли его съ престола, а на мѣсто его опять поставили царемъ Леонида и отобрали у бѣдныхъ то, что было уже имъ роздано.

Клеомбротъ принужденъ былъ укрыться въ томъ же самомъ храмѣ, который служилъ убѣжищемъ Леониду. Едва только онъ вошелъ туда, къ нему прибѣжала великодушная Хелонида, такая же нѣжная супруга, какъ и добрая дочь: ея сострадательное сердце стремилось къ тому, кто былъ несчастнѣе.

Вслѣдъ за нею пришелъ и гнѣвный Леонидъ, и началъ осыпать зятя горькими упреками и угрозами. Клеомбротъ молчалъ, но Хелонида бросившись къ ногамъ царя, умоляла его о помилованіи. «Родитель! сказала она, на мнѣ та самая печальная одежда, которую я носила во время твоего несчастія. Неужели и теперь, когда ты торжествуешь какъ побѣдитель, я должна еще носить ее и плакать о судьбѣ мужа, котораго ты же избралъ мнѣ?»

Леонидъ тронулся просьбами дочери; онъ позволилъ Клеомброту спокойно выйти изъ Лаконіи. Хелонида не разсталась съ изгнанникомъ: старшаго сына она отдала на руки мужу, а сама взяла другаго, поблагодарила боговъ за убѣжище въ ихъ храмѣ, и пошла съ Клеомбротомъ на чужбину.

При извѣстіи объ этомъ, Агисъ поспѣшилъ въ Спарту. Но противники его такъ усилились, что и онъ долженъ былъ укрыться въ томъ же храмѣ, гдѣ уже два царя искали убѣжища. Въ храмѣ онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцовъ, и только ночью выходилъ въ баню, сопровождаемый нѣсколькими друзьями, на случай неожиданной опасности.

Къ несчастію, одинъ изъ людей, пользовавшихся довѣренностью Агиса, измѣнилъ ему. Онъ донесъ эфорамъ, что Агисъ каждую ночь выходитъ изъ своего убѣжища и что весьма легко схватить его.

Въ слѣдующую ночь, эфоры поставили стражу, которая бросилась на спутниковъ Агиса, разогнала ихъ, а самаго несчастнаго царя представила на судъ эфоровъ. По настоянію Леонида Агисъ былъ на мѣстѣ удавленъ, чтобъ народъ въ одно время узналъ о его плѣнѣ и смерти.

Вмѣстѣ съ Агисомъ, подъ рукою палача пали его бабка и мать, которыя прибѣжали къ нему, надѣясь просьбами смягчить эфоровъ. Всѣ Греки проклинали Леонида за его жестокость.

По смерти Агиса, Леонидъ остался одинъ царемъ; онъ предался удовольствіямъ и разсѣянію, а управленіе дѣлами предоставилъ эфорамъ; но вскорѣ и его постигла смерть.

ЦАРЬ СПАРТАНСКІЙ КЛЕОМЕНЪ.

235 — 222 г. до Р. Х.

Леонидъ, погубивъ Агиса за покровительство бѣднымъ, вовсе не думалъ, чтобъ его собственный сынъ и преемникъ, Клеоменъ III, пошелъ по слѣдамъ страдальца Агиса.

Честолюбивый и пылкій, но съ благороднымъ образомъ мыслей, Клеоменъ хотѣлъ тотчасъ приступить къ исполненію предположеній агисовыхъ; но увидѣлъ, что для успѣха надобно сдѣлать еще много приготовленій. Сперва онъ самъ показалъ примѣръ умѣренности и простоты, какъ въ одеждѣ, такъ и въ образѣ жизни. Въ самомъ простомъ платье, безъ оружія, онъ хо-

дилъ по городскимъ улицамъ и выслушивалъ жалобы каждаго. Весь народъ отъ души полюбилъ новаго, всѣмъ доступнаго царя.

Между тѣмъ эфоры, тѣ самые, которые погубили Агиса, продолжали преслѣдовать бѣдныхъ и держали народъ въ постоянномъ страхѣ. Клеоменъ, негодуя на такую жестокость, пошелъ противъ нихъ съ отрядомъ наемнаго войска (сами же Спартанцы не осмѣливались уже обуздать этихъ злодѣевъ). Въ битвѣ погибли четыре эфора, а пятый, съ 80-ю приверженцами, долженъ былъ оставить Спарту. Такимъ образомъ Клеоменъ устранилъ препятствія къ исполненію своихъ намѣреній; онъ раздѣлилъ поля, не исключая и своихъ собственныхъ, по числу городскихъ и сельскихъ жителей. Клеоменъ хотѣлъ, чтобъ и враги его не были обижены, и потому оставилъ части и для тѣхъ 80 гражданъ, которые изгнаны съ послѣднимъ эфоромъ; имъ было позволено возвратиться въ отечество, когда въ немъ водворится спокойствіе. Всѣ долги были прощены. Достойнѣйшіе изъ Лакедемонянъ включены въ число Спартанцовъ. Воспитаніе юношества, гимнастическія упражненія и общественные столы были возстановлены совершенно въ прежнемъ видѣ. Брата своего, Эвклида, призналъ Клеоменъ

вторымъ царемъ, и тѣмъ доказалъ, что онъ заботился не о своей собственной власти, а хотѣлъ возстановить ликурговы законы для обновленія Спарты. Аратъ предвидѣлъ, что Спарта подъ правленіемъ такого государя, скоро достигнетъ силы и будетъ по прежнему стремиться къ первенству въ Пелопоннесѣ. Взаимныя опасенія скоро произвели войну. Ахеяне, подъ предводительствомъ Арата, были разбиты Клеоменомъ на-голову, въ Аркадіи, потеряли многіе города и принуждены просить мира.

При всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ, Аратъ не могъ подавить въ себѣ желанія отмстить Клеомену. Заглушивъ въ душѣ прежнюю ненависть къ царямъ македонскимъ, онъ обратился къ преемнику Антигона-Гоната и склонялъ его вмѣстѣ съ Ахеанами подавить Спартанцовъ.

На тронѣ Александра-Великаго былъ тогда Антигонъ-Досонъ, человѣкъ незаслуживавшій никакого довѣрія. Аратъ зналъ это; однакожъ, чтобъ не уступить Клеомену первенства и не подвергнуть ахейскій-союзъ господству Спарты, стратегъ согласился впустить Македонянъ въ Пелопоннесъ и ввѣрить имъ Коринѳъ. Антигонъ-Досонъ охотно принялъ предложеніе Арата, ввелъ сильный гарнизонъ въ Коринѳъ и черезъ

Коринѳскій-перешеекъ пошелъ на Клеомена. Въ Лаконіи, близъ города Селлазіи, въ послѣдній разъ Спартанцы боролись съ Македонянами за владычество надъ Греціей. Клеоменъ былъ совершено разбитъ соединенными силами Антигона и Ахеянъ.

Антигонъ-Досонъ такъ тщеславился побѣдой, что въ самый день торжества отъ чрезмѣрнаго восторга у него пошла горломъ кровь, и болѣзнь скоро свела его въ могилу. Желая навсегда подавить Спартанцовъ, онъ поставилъ въ Спартѣ тирана и разрушилъ все, что Клеоменъ сдѣлалъ для пользы отечества. Что же касается до Клеомена, то преслѣдованія Македонянъ принудили его оставить Грецію. Со всѣмъ семействомъ и съ нѣсколькими друзьями онъ нашелъ убѣжищѣ у египетскаго царя Птоломея-Эвергета; но потомъ, оклеветанный въ глазахъ преемника его, Птоломея-Филопатора, кончилъ жизнь самоубійствомъ. Всѣ друзья и приверженцы, прибывшіе съ нимъ въ Египетъ, послѣдовали его примѣру.

Такимъ образомъ Аратъ изъ зависти утратилъ плоды прежнихъ дѣлъ своихъ: въ Антигонѣ-Досонѣ онъ нашелъ для ахейскаго союза не опору, а повелителя.

ЭТОЛІЙСКІЙ СОЮЗЪ.

222 — 205 г. до Р. Х.

Тогда—какъ ахейскій союзъ распространялся въ Пелопоннесѣ, по другую сторону Коринѳскаго перешейка, въ Этоліи, составился еще союзъ, «этолійскій».

Этолійцы были народъ гордый и воинственный, а гористая страна ихъ неприступна. Въ соединеніи съ Ахейцами они могли бы защитить Грецію отъ власти царей мадеконскихъ. Но къ несчастію, согласіе между обоими союзами было и рѣдко и непродолжительно. Македонскіе цари старались поддерживать между ними зависть и раздоры.

По смерти Антигона-Досона, Этолійцы объявили войну Ахеянамъ и подъ предводительствомъ полководца своего Скопа ворвались въ Ахаію. Аратъ господствовалъ надъ умами своимъ краснорѣчіемъ и переговорами; на войнѣ же почти никогда не имѣлъ успѣха. Онъ и въ этотъ разъ претерпѣлъ пораженіе у города Кафіи. Ахейское войско разбѣжалось, и Аратъ еще разъ прину-

жденъ былъ просить помощи у Македонянъ. На македонскомъ престолѣ сидѣлъ тогда сынъ и преемникъ Антигона-Досона, Филиппъ (III). Онъ явился съ войскомъ въ Пелопоннесъ и, не смотря на свою молодость, не разъ разбилъ Скопу, прогналъ непріятелей въ Этолію и отнялъ у нихъ нѣсколько городовъ. Филиппъ объявилъ себя ахейскимъ стратегомъ; Аратъ же съ этого времени жилъ при его дворѣ; но неосторожными толками о вредѣ притѣснительнаго правленія, которое было введено царемъ македонскимъ, впалъ у него въ немилость и отравленъ медленнымъ ядомъ.

Этолійцы и Спартанцы ясно видѣли, что имъ невозможно бороться съ Филиппомъ. Они рѣшились призвать къ себѣ на помощь Римлянъ, народъ, еще мало-извѣстный Грекамъ, но уже начавшій рядъ завоеваній, которыя доставили ему въ послѣдствіи всемірное владычество.

Въ самомъ дѣлѣ, воинственные Римляне ожидали только благопріятнаго случая напасть на Грецію. Они не отказались отъ призыва, и тотчасъ объявили войну македонскому царю и ахейскому союзу. Одинъ изъ полководцевъ ихъ сжегъ корабли Филиппа и заставилъ его униженно просить мира у Римлянъ, и выдать имъ въ за-

ложники старшаго сына своего Димитрія. Эта побѣда нанесла рѣшительный ударъ Греціи. Свобода ея была временно поддержана только ахейскимъ полководцемъ Филопеменомъ, который далеко превосходилъ Арата воинскими дарованіями и равнялся съ нимъ въ ненависти къ иноземному игу.

ОСТАЛЬНОЙ ГРЕКЪ.

205 — 196 г. до Р. Х.

Филопеменъ былъ уроженецъ города Мегалополя. Избранный въ стратеги ахейскаго союза, онъ собралъ и устроилъ войско, водилъ его къ побѣдамъ и возвратилъ союзу важность, которую ослабилъ Аратъ связью съ македонскими царями. Филиппъ, видя это, уговаривалъ Филопемена вступить къ нему въ службу и предлагалъ большія выгоды; но великій гражданинъ не прельщался богатствами, и даже мало заботился о своей одеждѣ. Замѣчателенъ о немъ анекдотъ, который показываетъ, какъ этотъ полководецъ былъ простъ и невзыскателенъ въ обращеніи. Однажды пришелъ онъ на обѣдъ къ старому пріятелю. Случилось, что

хозяина еще не было дома, а хозяйка не знала въ лице Филопемена. Когда онъ вошелъ одинъ, въ старенькомъ платьѣ, она приняла его за слугу и попросила наколоть дровъ. Снявъ плащъ, Филопеменъ тотчасъ принялся за работу. Но каково было смущеніе хозяйки, когда мужъ ея, возвратившись, спросилъ съ удивленіемъ: «Филопеменъ, что это значитъ?». — «Это значитъ только», отвѣчалъ онъ, «что я наказалъ за свою неисправность въ одеждѣ».

Спартанцы, освобожденные Этолійцами отъ владычества Македонянъ, порабощены были новымъ тираномъ Набисомъ, невыразимо-жестокимъ, скупымъ и безчеловѣчнымъ, какого еще и не бывало. Злодѣй этотъ выгналъ изъ города множество гражданъ, захватилъ ихъ имущество, и сверхъ того приказалъ сдѣлать машину, для мученія тѣхъ, которые не соглашались отдавать ему свое богатство.

Это была статуя съ пружинами, пышно одѣтая, и совершенно похожая на Апегу, жену Набиса. Тиранъ призывалъ къ себѣ, у кого было много золота или серебра, и старался хитростью и ласками выманить богатство; въ случаѣ же упорства говорилъ: «Хорошо! посмотримъ, откажешь ли ты Апегѣ?» Тогда придвигали страш-

ную статую, у которой изъ рукъ и изъ груди торчали острые гвозди. Она тотчасъ схватывала въ свои объятія бѣдняка и давила до тѣхъ поръ, пока страдалецъ, измученный ужасною пыткой, соглашался отдать все до нитки.

Съ трудомъ вѣришь, что Спартанцы терпѣли такое безчеловѣчіе; но прежнія бѣдствія и упадокъ нравственности лишили ихъ мужества.

Наказать Набиса за злодѣйства судьба предоставила Филопемену. Подступивъ съ войскомъ къ Спартѣ, онъ безъ труда разбилъ наемныя скопища Набиса, которыя сами измѣннически убили гнуснаго тирана, служивъ ему прежде.

Филопеменъ, пользуясь смятеніемъ, поспѣшно вошелъ съ войскомъ въ Спарту, и сначала благосклонно обходился съ жителями; но когда они снова объявили себя врагами Ахеянъ, то онъ выгналъ изъ Спарты иноземныхъ воиновъ, разрушилъ стѣны и оставилъ на развалинахъ города немногихъ несчастныхъ, недостойныхъ уже и имени Спартанцовъ. Вотъ конечная судьба знаменитаго города! Онъ утратилъ свою славу и силу оттого, что утратилъ свои добродѣтели.

Прозорливый и мужественный Филопеменъ давно уже замѣтилъ, что Этолійцы не такъ

опасны для ахейскаго союза, какъ Римляне, унизившіе Филиппа своимъ оружіемъ.

Римляне съ своей стороны также видѣли, что пока Филопеменъ будетъ ахейскимъ стратегомъ до тѣхъ поръ имъ трудно будетъ овладѣть Греціей. Встрѣчая препятствія, этотъ властолюбивый народъ никогда не колебался прибѣгать къ хитрости и вѣроломству. Римскіе полководцы и послы начали ссорить Филопемена съ Филиппомъ, возмущали ахейскіе города и вообще старались привесть его въ затруднительное положеніе, посторонними заботами и опасностями. Наконецъ, по ихъ проискамъ, Мессена, одинъ изъ главныхъ городовъ союза, отпала отъ Ахеянъ и даже объявила имъ войну. Въ это время семидесятилѣтній Филопеменъ лежалъ больной въ Аргосѣ. Собравъ наскоро отрядъ, онъ вторгнулся въ Мессенію, но превосходство непріятельскихъ силъ заставило его отступить. Онъ самъ отступалъ послѣднимъ; между нимъ и непріятелемъ не было ни одного ахейскаго воина. Въ одной тѣснинѣ Мессенцы начали его окружать; къ несчастію, лошадь подъ нимъ споткнулась на неровной дорогѣ и Филопеменъ такъ ушибся при паденіи, что лишился чувствъ. Мессенцы взяли его въ плѣнъ.

Предводитель мессенскій, не уважая сѣдинъ Филопемена, выставилъ его на поруганіе черни въ Мессенѣ и потомъ приказалъ отравить. Филопеменъ, даже въ послѣднюю минуту, думалъ только о своемъ отечествѣ, и когда сказали ему, что воины его пробились сквозь толпы Мессенцовъ, онъ отвѣчалъ: «И такъ, я умру спокойно: войско ахейское спасено». Старецъ безстрашно выпилъ приготовленный для него ядъ.

Месть за убійство Филопемена скоро послѣдовала. Ахейцы овладѣли Мессеною, и на могилѣ своего любимаго полководца побили камнями всѣхъ виновниковъ его смерти. Прахъ его съ пышностью перенесенъ въ Мегалополь. Вся Греція облекалась въ трауръ и, въ память того, что Филопеменъ послѣдній сражался за ея свободу, почтила его названіемъ «Остальнаго Грека».

РАЗРУШЕНІЕ КОРИНѲА.

196 до 146 до Р. Х.

Съ незапамятныхъ временъ греческіе народы, черезъ каждые четыре года, сходились въ Коринѳъ праздновать игры въ честь бога морей Нептуна. Эти игры, подобныя олимпійскимъ, назывались «истмійскими».

Время истмійскихъ игръ приближалось, и не смотря на бѣдствія, тяготѣвшія надъ Греціей, въ Коринѳъ стеклось множество народа: тамъ были Этолійцы съ грубымъ лицемъ, загорѣлымъ отъ солнца и войны; Ахеяне, занятые будущимъ и скорбѣвшіе о гибели славнѣйшихъ своихъ гражданъ; нѣсколько Спартанцовъ, избѣжавшихъ жестокости Набиса, и наконецъ значительное число Римлянъ. Греки хотѣли знать какая судьба ожидаетъ ихъ послѣ побѣды Римлянъ надъ Филиппомъ; Римляне пришли больше для того, чтобъ посмотрѣть на униженную Грецію, нежели на игры.

Когда всѣ заняли свои мѣста и трубы подали знакъ къ молчанію, вдругъ вѣстникъ взошелъ на сцену, откуда комедіанты обыкновенно забавляли народъ, и громко провозгласилъ: «Римляне и полководецъ ихъ Квинтъ-Фламиній, побѣдившій Македонянъ, объявляютъ всѣ греческіе города и народы, бывшіе подъ властью Филиппа, свободными, и позволяютъ имъ управляться своими законами».

Вслѣдъ за этимъ раздались клики восторга и безконечныя рукоплесканія. Обрадованные Греки бросились благодарить Фламинія и едва не задавили его до смерти.

Передъ отъѣздомъ изъ Греціи, Фламиній, въ народномъ собраніи въ Коринѳѣ, увѣщевалъ Грековъ сохранять согласіе между собою и вѣрность къ Риму. Но Греки недолго оставались въ пріятномъ заблужденіи на счетъ намѣреній Римлянъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ римское властолюбіе произвело новыя войны въ Греціи, и Фламиній легко разбилъ Этолійцовъ, которые вступили въ союзъ съ Антіохомъ III Великимъ, царемъ си-

рійскимъ, послѣднимъ изъ Селевкидовъ. Самъ Антіохъ былъ побѣжденъ Римлянами въ ущеліяхъ Ѳермопильскихъ и принужденъ возвратиться въ Азію для защиты своего государства, которое въ послѣдствіи отнято у него тѣми же завоевателями.

Почти въ тоже время, сынъ Филиппа III, Персей, вступившій послѣ отца своего на македонскій престолъ, свергнутъ другимъ римскимъ полководцомъ, Павломъ-Эмиліемъ, отведенъ въ Римъ, и тамъ кончилъ жизнь въ темницѣ.

Оставался еще ахейскій союзъ; но и тотъ со дня на день клонился къ упадку. Послѣ смерти Персея, Римляне, забывъ свои громкія обѣщанія на истмійскихъ играхъ, раздували въ Греціи внутренніе раздоры, чтобы грабить и подчинять ее по частямъ. Когда между Ахеянами и Спартою возгорѣлась снова война, обѣ стороны жаловались Риму. Послы римскіе объявили въ Коринѳѣ повелѣніе своего сената, чтобы Спарта, Коринѳъ, Аргосъ и другіе города отдѣлились отъ союза. Ахеяне, видя, что Римляне хотятъ только ихъ ослабить, начали войну противъ Спартанцовъ. Римскій полководецъ Метеллъ

выступилъ изъ Македоніи на помощь Спартанцамъ и разбилъ союзныя войска Грековъ. Жители Пелопоннеса до того страшились Римлянъ, что многіе оставили отечество, нѣкоторые лишили себя жизни.

Между тѣмъ прибылъ изъ Рима консулъ Л. Муммій и окончательно поразилъ войска Ахеянъ близъ Коринѳа. Остатки разбитаго войска бѣжали въ неописанномъ страхѣ, и Коринѳъ, оставшійся безъ защитниковъ, отворилъ ворота побѣдителю. Этотъ богатѣйшій и многолюднѣйшій городъ Греціи постигла ужасная казнь. Мужчины погибли отъ меча непріятельскаго; женщины и дѣти отведены въ рабство; стѣны и укрѣленія срыты до основанія; городъ преданъ грабежу и пожару въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Но Коринѳъ былъ такъ богатъ и заключалъ въ себѣ столько драгоцѣнныхъ произведеній искусствъ, что еще множество картинъ, статуй и другихъ украшеній вывезено въ Римъ. Храбрый и честный, но невѣжественный Муммій, отправляя эти рѣдкости въ Италію, съ забавною строгостью грозилъ тѣмъ людямъ, которымъ поручалась перевозка, что вмѣсто каждой испорченной въ дорогѣ вещи, онъ заставитъ ихъ самихъ сдѣлать новую.

За паденіемъ Коринѳа послѣдовало разрушеніе Ѳивъ и другихъ городовъ. Народное правленіе вездѣ уничтожено. Самое имя у Греціи отнято: она обращена въ римскую провинцію, подъ названіемъ Ахаіи.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

третьей части.

	стр.
Вѣкъ Перикла	1.
Пелопоннесская война	6.
Алкивіадъ	12.
Лисандръ и Ѳрасивулъ	21.
Смерть Сократа	24.
Анталкидовъ миръ	35.
Изгнанники ѳивскіе	39.
Эпаминондъ при Мантинеѣ	47.
Тиранъ Діонисій	49.
Діонъ сиракузскій	57.
Діонисій-Младшій въ Коринѳѣ	63.
Филиппъ, царь македонскій	69.
Демосѳенъ и Фокіонъ	75.
Юность Александра-Великаго	83.
Александръ и Діогенъ	89.
Александръ въ Азіи	93.
Предѣлы завоеваній Александра-Великаго	101.
Смерть Александра-Великаго	111.
Преемники Александра-Великаго	117.
Колоссъ Родосскій	121.
Битва при Ипсѣ	124.
Димитрій-Поліоркетъ и Аѳиняне	127.
Птоломеи	129.
Селевкиды	133.

Нашествіе Галловъ. . . . . 136.
Аратъ и Ахеяне. . . . . 140.
Агисъ и Леонидъ . . . . . 144.
Царь спартанскій Клеоменъ . . . . . 149.
Этолійскій союзъ . . . . . 153.
Остальной Грекъ . . . . . 155.
Разрушеніе Коринѳа. . . . . 160.

ПОГРѢШНОСТИ

во 2 части.

стр.	строк.	Напечатано:	Должно быть:
5	7	потомъ	потопомъ
21	7 (снизу)	Калхиду	Колхиду
37	15	Трою, бросивъ	Трою. Бросивъ
50	12	правленіи	правленіе
76	15	народъ	Аѳинянъ
93	8	что	что Аѳинянамъ

17 IV a

CoLibrì
COVER SYSTEM ®
Made in Italy
02-14 STD
8 032919 991409
www.colibrisystem.com

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 077865027